

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

Российский
центр научной
информации

«Белый список»

УРОВЕНЬ

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

3 (35) / 2026

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 3 (35) ISSN 2713-2811
Вологда 2026

Издается с июня 2018 года

Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий – "Белый список",
отнесен к 3 уровню.

Дата выхода в свет: 30.09.2026

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2026

© ВоГУ, 2026

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Online scientific and practical
journal of private and public law**

№ 3 (35) ISSN 2713-2811
Vologda 2026

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda State University

Editor-in-Chief:
Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications,
in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc.
should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications — the «White List», Level 3.

Date of publication: September 30, 2026

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2026

© Vologda State University, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (главный редактор);

Адилов А. Н. – начальник отдела организации научной работы Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора Алиева Эргеша Алиевича, доктор юридических наук, профессор;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БІП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Миронов А. В. – декан факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета имени Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сергеев Д. Н. – проректор по молодежной политике Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Углицких Д. В. – доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Уторова Т. Н. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Vasilii N. Nekrasov – Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law) (Editor-in-Chief);

Aybek N. Adilov – Head of the Department of Scientific Work Organization of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Ergesh Aliyev, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Aleksei V. Mironov – Dean of the Psychology and Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Danil N. Sergeev – Vice-Rector for Youth Policy of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – associate professor at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Tatyana N. Utorova – Director of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАШКЕВИЧ Н. Г. Особенности уголовно-правовой политики в странах семьи социалистического права (СССР и КНР): теоретико-исторический анализ ..	9
ЕПИФАНОВ А. Е. К вопросу о становлении судебной фотографии в Российской империи в конце XIX – начале XX века: историко-правовой анализ ..	17
КУСТОВА Ю. А., ДЕРБИНА О. В. Государственная измена в истории развития российского уголовного законодательства ..	24
ЛАПШИН В. Е., СВИНИН Е. В. Отдельные стороны совершенствования законодательства в сфере профилактики проявлений религиозного экстремизма в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации ..	31
ШАХАНОВ В. В. Методологический суверенитет в контексте «уровневой» системы познания права: искусственный интеллект vs человеческое мышление ..	37
МОТОРОВА Н. В. Правовые основы и современная практика поощрений сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации ..	44
НАГОРНЫХ Р. В. Нормативные регуляторные процедуры в сфере публичного управления..	51
ТАРАСОВА И. А. Участие общественности в профилактике безопасности дорожного движения.	59
ВАЛЕЕВ А. Т., ДЕРЕВНИНА А. А. Дифференциация уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения: ретроспективный анализ ..	64
КОБЕЦ П. Н. Характеристика учреждений и мероприятий, направленных на исполнение уголовных наказаний и реабилитацию осужденных в Японии ..	72
КОЗАЕВ Н. Ш., РЯСОВ Д. А. Мародерство как специальный вид имущественного преступления в условиях вооруженного конфликта: уголовно-правовая характеристика состава ..	80
КОВАЛЕНКО В. В., СТАРИКОВА Е. С. Меры поощрения в отношении лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах.	89
КРАСОТКИН П. Н., ЛАСТОЧКИН А. Н., УТКИН А. А. Принудительные работы: уголовно-исполнительная характеристика ..	95
КУЗНЕЦОВ Е. Н. Классификация преступлений против военной службы в зеркале произошедших законодательных изменений ..	103
КУЗНЕЦОВА Н. В., САЛЬКОВА М. К. Цифровизация антикоррупционной деятельности в уголовно-исполнительной системе: тенденции и перспективы ..	111
ЛАТЫШЕВА Л. А. Цели наказания в отечественном уголовном праве: анализ подходов ..	118
ПОТАПОВ А. М. О реабилитационных центрах клиентов пробации в Кыргызской Республике ..	124
РАНЕНКОВА Е. А., УГЛИЦКИХ Д. В. Актуальные проблемы и пути совершенствования ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего ..	130
САНТАШОВА Л. Л. Благотворительная деятельность осужденных в исправительных учреждениях как критерий их исправления ..	146
СИНЕВ И. И. Виктимологическая профилактика семейно-бытового насилия ..	154
ШАБАНОВ В. Б., ШРУБ М. П., ВЕРЕНЧИКОВ И. Р. Перспективные направления развития криминалистики в Беларуси в условиях цифровизации ..	162
ШАТАЛОВА А. А. Уголовно-правовая охрана биологической безопасности в условиях угрозы биотерроризма ..	172
ШАХМАТОВ А. В. Правовые проблемы организации содействия граждан оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность ..	181
ПАНТЮХИНА Л. А., ФИЛАТОВА Ю. А. Отдельные проблемные аспекты в области защиты прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом.	190
БУЛГАКОВА И. В., КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. Пиратство, вооруженный разбой на море, морской терроризм: понятия, составные элементы, криминализация на международном и национальном уровнях ..	199

CONTENT

DASHKEVICH N.G. Theoretical and Historical Analysis of Criminal Law Policy in Socialist Legal Systems: the USSR and the PRC	9
EPIFANOV A.E. On the Establishment of Forensic Photography in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century: Historical and Legal Analysis	17
KUSTOVA Yu.A., DERBINA O.V. The Evolution of High Treason in Russian Criminal Law	24
LAPSHIN V.E., SVININ E.V. Exploring Ways to Strengthen Legislation Aimed at Preventing Religious Extremism within Russia's Penitentiary System	31
SHAKHANOV V. V. Methodological Sovereignty in a Layered System of Legal Cognition: Artificial Intelligence versus Human Reasoning	37
MOTOROVA N.V. Regulatory Framework and Contemporary Practice of Incentive Mechanisms for Employees of the Russian Penitentiary System	44
NAGORNYKH R.V. Regulatory Procedures in Public Administration.	51
TARASOVA I.A. Public Participation in Road Safety Prevention	59
VALEEV A.T., DEREVNINA A.A. Differentiation of Criminal Liability for Traffic Violation: Retrospective Analysis	64
KOBETS P.N. Characteristics of Japan's Penal Institutions and Associated Measures for Sentence Enforcement and Offender Resocialization	72
KOZAEV N. SH., RYASOV D.A. Criminal Law Classification of Looting in Armed Conflict: Examination of the Elements of the Crime.	80
KOVALENKO V.V., STARIKOVA E.S. Incentive Measures for Persons Detained in Pre-Trial Detention Centers	89
KRASOTKIN P. N., LASTOCHKIN A.N., UTKIN A.A. Forced Labor: Criminal Executive Characteristic	95
KUZNETSOV E.N. Classification of Crimes Against Military Service in Light of Recent Legislative Changes	103
KUZNETSOVA N.V., SALKOVA M.K. Digitalization of Anti-Corruption Activities in the Penal System: Trends and Prospects	111
LATYSHEVA L.A. Goals of Punishment in Domestic Criminal Law: Analyzing Approaches	118
POTAPOV A.M. On Rehabilitation Centers for Probation Clients in the Kyrgyz Republic	124
RANENKOVA E.A., UGLITSIKH D.V. Current Challenges and Prospects for Enhancing Liability for Neglecting Parental Duties Towards a Minor	130
SANTASHOVA L.L. Charitable Activities of Convicts in Correctional Institutions as an Indicator of Their Rehabilitation	146
SINEV I.I. Victimological Prevention of Domestic Violence: Qualification and Prevention of Crimes in Russian Criminal Legislation	154
SHABANOV V.B., SHRUB M.P., VERENCHIKOV I.R. Key Directions for the Development of Criminology in Belarus in the Era of Digitalization	162
SHATALOVA A.A. Criminal Law Protection of Biological Safety amid the Threat of Bioterrorism	172
SHAKHMATOV A.V. Legal Issues in Organizing Citizen Assistance to Operational Units Engaged in Law Enforcement Intelligence Operations.	181
PANTYUKHINA L.A., FILATOVA YU.A. Selected Issues in Consumer Protection for Remote Sales.	190
BULGAKOVA I.V., KIRILOVSKAYA N.N. Piracy, Armed Robbery at Sea, Maritime Terrorism: Concepts, Components, Criminalization at the International and National Levels	199

Научная статья

УДК 340.5

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.001

Особенности уголовно-правовой политики в странах семьи социалистического права (СССР и КНР): теоретико-исторический анализ

НИКИТА ГЕРМАНОВИЧ ДАШКЕВИЧ

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, dashkevich0801@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы, обусловившие развитие уголовно-правовой политики в государствах семьи социалистического права. На примере СССР и КНР рассматривается социальная обусловленность действия некоторых институтов уголовного права. Подчеркивается закономерная связь уголовно-правовой политики Советского Союза и социалистического Китая в части повышенной охраны от преступных посягательств «завоеваний социализма».

Ключевые слова: социалистическое право; социалистическая правовая система; семья социалистического права; уголовное право социалистических государств; СССР; КНР.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Дашкевич Н. Г. Особенности уголовно-правовой политики в странах семьи социалистического права (СССР и КНР): теоретико-исторический анализ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 9–16. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.001.

Original article

Theoretical and Historical Analysis of Criminal Law Policy in Socialist Legal Systems: the USSR and the PRC

NIKITA G.DASHKEVICH

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia,
dashkevich0801@gmail.com

Abstract. The article considers the development of criminal law policy in socialist legal systems. Using the USSR and the PRC as examples, the author explores social determinants of the operation of certain institutions of criminal law. It highlights the consistent connection between the criminal law policies of the Soviet Union and socialist China in terms of enhanced protection against criminal encroachments on the “conquests of socialism”.

Key words : socialist law; socialist legal system; socialist legal family; criminal law of socialist states; USSR; PRC.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Dashkevich N.G. Theoretical and historical analysis of criminal law policy in socialist legal systems: the USSR and the PRC. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 9–16. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.001.

XX в. характеризуется появлением на политической карте ряда государств нового типа. Возникновение и развитие социалистической общественно-экономической формации в конкретных странах привели к формированию социалистических правовых систем и семьи социалистического права в целом.

Хорошо известно, что право есть воля господствующего класса, возведенная в закон, а государство – «машина» по реализации интересов господствующего класса. Формируемая государством правовая политика есть мера легального воздействия на социум. Некоторые авторы замечают, что правовая политика – это механизм, в котором манипуляция сознанием и поведением индивидуальных и коллективных субъектов носит правовой характер, то есть осуществляется на основе существующего права при помощи правовых средств в рамках правовых процедур [1, с. 178].

Думается, что правовая политика государства – это система мер воздействия юридических и иных социальных институтов в целях достижения общественно-государственных (публичных) интересов. Философия коммунистической морали предполагала не просто воплощение общественных интересов, но и политику коллективизма как форму их реализации. Еще Н. А. Бердяев констатировал большую справедливость идей коммунизма, нежели капитализма, поскольку при коммунизме «служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни» [2, с. 151].

Распространение и закрепление коммунистической идеологии выражалось в ее качественной реализации. По этому поводу М. И. Калинин говорил, что есть пропаганда словом, а есть пропаганда делом. Пропаганда и агитация делом более реальны [3]. Хотя Е. Н. Тонков полагает, что строительство нового общества сопровождалось насильственным формированием у населения коммунистического типа правопонимания, созданием параллельных нормативных систем, присвоением отдельными субъектами публичной власти права на утверждение истины и т. д. [4, с. 22].

Таким образом, правовая политика социалистического государства выражается в конкретных правовых формах, в частности в уголовно-правовой. Государство формирует перечень уголовно-правовых запретов, исходя из необходимости борьбы с преступностью [5, с. 13].

Эволюция уголовного законодательства демонстрирует уровень репрессивности государства в различные конкретно-исторические эпохи. С началом утверждения коммунистической власти в России и Китае началась гражданская война. Несмотря на отличие в продолжительности конфликтов, их общность определяется борьбой с противниками нового мироустройства посредством мер революционной законности. По словам Р. А. Ромашова, социалистическая государственно-правовая система, возникнув в результате разрушения «старого мира», вполне естественно относилась к нему сугубо отрицательно [6, с. 71]. После победы коммунистов в СССР и КНР наблюдалась тенденция к росту репрессивности в отношении как побежденных врагов, так и иных идейных оппонентов, хотя, по словам авторов, «бывшие» люди уже не представляли реальной опасности [7, с. 117].

В связи с заявленной темой исследования значима важность сравнительного анализа с целью решения проблем уголовно-правовой безопасности [8, с. 175]. На примере Со-

ветского Союза и Китая можно выделить определенную специфику уголовно-правовой политики:

1. Доминирование революционного / социалистического правосознания.

Фактор революционного правосознания стал новеллой отечественного права в период потрясений 1917 г. Вопрос о революционной сообразности стал «путеводной звездой» для формирования новых стереотипов и моделей правомерного поведения в обществе. Защита идеалов и достижений революции каждым членом общества явилась неотъемлемой частью советского уголовного права. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал важность действия революционного правосознания [9]. Уже в УК РСФСР 1922 г. было сказано, что суды, назначая наказание, должны руководствоваться им при соблюдении нормативных актов.

В этой связи возросла роль политико-правовой доктрины, в рамках которой ученые, политики и практики обосновывали необходимость верного применения норм уголовного права. Председатель Верховного суда РСФСР П. И. Стучка считал: «Мы откровенно заявляем, что... до окончательной победы Пролетарской революции наш суд будет классовым судом... Он также будет средством принуждения меньшинства подчиняться классовой справедливости громадного большинства» [10, с. 63]. Поощрялось применение аналогии закона, велось открытое противостояние с антибольшевистскими силами путем легального поражения в правах, а также шло практическое развитие и теоретическое обоснование принципов революционной законности и революционной справедливости.

После известных событий 1934 г. произошла активизация правотворческой роли НКВД СССР, который стал выразителем общегосударственного гнета в целях поиска врагов советской власти. Общеизвестно, что приказы НКВД за подписью Н. И. Ежова противоречили Конституции 1936 г. Возникает вопрос: почему они тогда применялись? Думается, что смысл приказов отвечал духу советского социалистического права, несмотря на формальное несоответствие Основному закону. Революционное / социалистическое правосознание не отрицало возможности формального нарушения закона в целях восстановления социалистической справедливости. Однако цель не всегда может оправдать применяемые средства.

Аналогичная ситуация была и в Китае. Несмотря на то что там в начальный период гражданской войны не было создано социалистического уголовного законодательства, однако деятельность органов основывалась на революционном правосознании, допускавшем классовое, в том числе и военное насилие. Еще Мао Цзэдун говорил, что каждый коммунист должен усвоить ту истину, что «винтовка рождает власть» [11]. Формальное нарушение норм китайского буржуазного права обосновывалось стремлением достичь социалистическую справедливость в период активной фазы гражданской войны и уже после ее окончания. Техника применения революционного права сопровождалась развитием революционного правосознания, выраженного в деятельности ревкомов, которые руководствовались «лозунгами и цитатами» [12, с. 195].

2. Формализация уголовно-правовых институтов в рамках Realpolitik.

Фундаментальный вопрос о разграничении источника и формы применим и к социалистическому праву. Классическое деление источников на формальные, материальные и идеологические подразумевало под собой существование некоего внешнего выражения – формы права.

Уголовно-правовые институты получили более позднее оформление в нормативных документах ввиду того, что существовала иллюзия об универсальном применении революционного сознания не только в праве, но и в других сферах. Уже в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. говорилось, что пролетариям не нужны буржуазные законы и кодексы, однако в целях экономии своих сил следует упорядочить правила и запреты для борьбы с классовым противником [13]. В 1922 г. в УК РСФСР обозначалось, что он действует в рамках не только защиты государственного строя от общественно опасных элементов,

но и для роста революционного правосознания. Вследствие этого феномен преступности и ее выразителей (субъектов преступления) оценивался как итог капиталистического развития общества [14, с. 55].

Схожая ситуация была в Китае. В 1934 г. принимается первый документ под названием «Положение Китайской Советской Республики о наказании за контрреволюционные преступления» [15], который формализовал деятельность органов по защите интересов революции. Вплоть до 1979 г. в стране не было уголовного кодекса. П. В. Трощинский полагает, что отсутствие единого кодифицированного акта было намеренным шагом китайского законодателя в постреволюционную эпоху [12, с. 193]. В 1950-е гг. был введен ряд нормативных актов (Циркулярный приказ «О строгом запрещении опиума и других наркотиков» 1950 г., Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность 1951 г. и др.), которые еще не представляли собой консолидированного источника, но тем не менее стали формой права для борьбы с нарушителями китайского социалистического уклада жизни.

Позднее оформление и закрепление уголовно-правовых институтов коррелируются с идеей о решающей роли революционного (социалистического) правосознания. Создание писаных предписаний стало необходимостью ввиду унификации правоприменительной практики. Если в Советской России первый уголовный закон появился в 1922 г., то есть спустя пять лет с момента создания социалистического государства, то в Китае – в 1979 г., то есть спустя 30 лет, соответственно, ввиду развитости экономических отношений, реализации классовых интересов и ведения классовой борьбы, а также исходя из особенностей внешнеполитической обстановки.

3. Возобладание карательной функции в уголовном праве в интересах партии и государства.

Наказание является адекватной мерой реагирования на совершение лицом преступления, важны его объем и сущностная составляющая. Институт наказания в СССР и Китае динамично развивался с учетом реальной политико-правовой обстановки в стране.

Применительно к Советской России после революции существовала идеалистическая концепция того, что наказание – это всего лишь мера защиты революции и не более того, как было заявлено в Руководящих началах 1919 г. В целях защиты интересов и завоеваний революции органы государственной и партийной власти стремились обезопасить социалистические отношения от всякого рода посягательств посредством показательного правосудия и изобличения идейно-политических противников. В продолжение этой концепции в УК РСФСР 1922 г. слово «наказание» начало сочетаться со словосочетанием «меры социальной защиты». Однако развитие социально-экономических отношений показало иной взгляд на сущность наказания – кара, исправление и профилактика.

Волна открытых судебных процессов началась в СССР с первой половины 1920-х гг. в отношении «вредителей» и «контрреволюционеров». В тот же период развернулась репрессивная кампания по поиску иных антисоветских и антипартийных элементов. В 1930-е гг. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1932 об охране социалистической собственности вводилась строгая ответственность за ее хищение [16]. Карательная функция наказания возымела свое действие. «Драконовские меры» стали ответной реакцией на массовую преступность в сфере хищения общественной собственности, о чем указывал И. В. Сталин [17].

Несмотря на провозглашение «победы социализма» в СССР в 1936 г., трудности классового характера сохранялись. Пиком политических репрессий стали 1937–1938 гг., в это же время проводятся «московские процессы». По архивным данным и оценкам исследователей, с 1921 по 1953 г. политическим репрессиям подверглись порядка четырех миллионов человек, из которых 800 тысяч было приговорено к высшей мере наказания [18].

Нельзя отрицать факт существования антикоммунистических сил в Китае и Советском Союзе, которые стремились захватить власть. Наличие оппозиции является естественным

«политическим законом», однако оппозиционность взглядов могла бы перерасти в контрреволюцию, чего так сильно опасались власти. Шпиономания, заведомо ложные доносы, ускоренное производство по уголовным делам были следствием форсированной борьбы с антисоветскими элементами. Всплеск политических репрессий среди общества подтверждается статистикой. По ее данным, соотношение приговоренных к расстрелу и осужденных по политическим мотивам было следующим: в 1937 г. было осуждено 790 665 чел., из них приговорено к высшей мере – 353 074 чел.; в 1938 г. – 554 258 чел. осуждено и 328 618 приговорено к расстрелу [18, с. 81].

Говоря о китайской политико-правовой традиции, исследователи указывают, что институты частного права уступали публично-правовым началам, ввиду чего закон связан с жестокостью и порождает страх перед собой [19, с. 117]. В период 1960–1970-х гг. Мао Цзэдун проводил политику «культурной революции», была осуждена «бандой четырех» и пр. Масштабы трагедии пока трудно оценить. Уже в XXI в., по сообщению официального органа ЦК КПК – газеты «Жэньминь жибао», политика «культурной революции» была абсолютно неверной в своей теории и практике [20].

Вопрос о суровости наказания как характеристика институтов уголовного права КНР является достаточно актуальным и по сей день. Исследователи полагают, что УК КНР 1979 г. не просто воспринял нормы уголовного права социалистических государств, но в дополнение к нему принимались иные акты, отдельно регламентировавшие уголовную ответственность за преступления против государства и в сфере экономики [21, с. 8].

Однако общность репрессивной политики состоит в диалектике власти: тот, кто вчера был твоим союзником, сегодня может стать твоим врагом. Инструментальный характер права как средства достижения цели имел разные вариации своего выражения, ярким примером которого являются показательные чистки в отношении бывших соратников и уголовно-правовые последствия для определенной части населения, обусловленные «перегибами на местах». В последующем массовые нарушения социалистической законности были признаны преступными и виновные понесли наказание.

4. Слияние уголовных и административных правовых институтов.

Развитие революционного и социалистического правосознания среди должностных лиц и представителей партии и государства было следствием сдвигов в массовом и в общественном сознании населения страны. Для населения характерным стало понимание права как публичного инструмента воздействия со стороны государства для защиты классовых интересов. По мнению исследователей, нравственный уровень граждан зависит от уровня проникновения уголовного права в общественную жизнь [22, с. 148].

Публично-правовой механизм регулирования отношений определил тесную взаимосвязь уголовного и административного права в социалистических государствах. Так, показательным примером является деятельность административных органов, которые вершили правосудие в 1930-е гг. Выше говорилось, что революционное правосознание предreshает вопрос о пользовании формальными источниками права, в контексте марксистско-ленинской философии важно достижение результата наиболее «оптимальными» способами, даже если они юридически некорректны. Деятельность «троек» стала показательным примером смешения административного и уголовного права, когда вынесенное решение сразу приводилось в исполнение без права обжалования. Также примечателен административно-правовой институт лимитов на репрессии, который устанавливался по запросу партийно-государственной власти на местах в целях квотирования борьбы с преступными элементами в регионе.

Еще одним примером служит наделение правовым статусом «член семьи изменника Родины», который был введен Постановлением ГКО в 1942 г. [23]. В случае признания лица виновным его семья подлежала аресту и высылке в отдаленные местности СССР. Применительно к КНР можно привести пример с хунвейбинами – сторонниками «Вели-

кого кормчего» из среды молодежи, которым был дан карт-бланш на борьбу с оппозицией Мао.

В дальнейшем в уголовно-правовой политике СССР и Китая продолжила свое действие схожесть механизма правового регулирования. В Советском Союзе были приняты Основы уголовного законодательства 1958 г. [24] и УК союзных республик, а в Китае – Уголовный кодекс КНР 1979 г. [25]. Рост социально-экономического благополучия при достижении определенных результатов в борьбе с идеологическими противниками привел к снижению репрессивности уголовно-правовых институтов.

После распада Советского Союза наметились схожие тенденции уголовного права России и КНР в сфере демократизации и гуманизации правовых институтов. Введенные российский уголовный закон 1996 г. и китайский 1997 г. признали важность соблюдения принципов законности, справедливости, гуманизма, своевременности и целесообразности [14, с. 43], неотвратимости и индивидуализации наказания, а также недопущения обратной силы закона и руководства аналогией закона. Хотя, по словам исследователей, последний УК Китая нуждается в дальнейшем совершенствовании [26, с. 227].

Подводя итоги, можно сказать, что в основе политики СССР и Китая лежала необходимость охраны социалистического государства от возможных контрреволюционных настроений, охраны экономического базиса (социалистической собственности) и формирования мировоззрения человека «новой формации». Любое государство, в том числе и социалистическое, в части деятельности органов правопорядка стремится обеспечить нормальное функционирование общества, пресечение и предупреждение совершения преступлений, а также справедливую кару в отношении правонарушителей. Ключевым является адекватное понимание самой справедливости как эквивалента морали и права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правогенез: традиция, воля, закон / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2021. 481 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 158 с.
3. Калинин М. И. Несколько слов о пропаганде и агитации // Московский большевик. 1944. 26 янв. № 21 (1495).
4. Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. СПб., 2024. 454 с.
5. Основы уголовного права : учеб. пособие / А. Г. Антонов, С. Н. Бычков, С. А. Денисов [и др.]. СПб., 2022. 116 с.
6. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 4 (78). С. 64–81.
7. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.
8. Дамаскин О. В., Холиков И. В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 3. С. 156–180.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. URL: <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-45/190/> (дата обращения: 28.06.2026).
10. Стучка П. И. Двенадцать лет революции государства и права // Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. СПб., 2002. 385 с.
11. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. М., 1953. 388 с.
12. Трощинский П. В. Правовая система Китая. М., 2016. 472 с.
13. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 28.06.2026).
14. Ромашов Р. А., Тонков Е. Н. Тюрьма как «Град земной». СПб., 2014. 656 с.
15. Трощинский П. В. Законодательство Китая в сфере борьбы со шпионажем и государственной изменой: историко-правовой аспект // Национальная безопасность. 2016. № 3 (44). С. 347–357.
16. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности : постановление ЦИК и СНК СССР от

- 07.08.1932. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6541#p9cEcCVGgSURkVK71> (дата обращения: 28.05.2026).
17. Пыхалов И. В. «Закон о пяти колосках» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 100–104.
18. Земсков В. Н. Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 3-1. С. 79–88.
19. Козлихин И. Ю. Очерки сравнительного правоведения : учеб. пособие для вузов. СПб., 2020. 204 с.
20. Заявление «Жэньминь жибао». URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573b26509a7947635b947bc5> (дата обращения: 28.06.2026).
21. Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А. И. Коробеева и проф. А. И. Чучаева ; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. М., 2017. 256 с.
22. Пан Дунмэй, Чжао Бинчжи, Васильев И. А. Проблемы криминализации деяний в уголовном праве Китая // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 142–151.
23. О членах семей изменников Родине : постановление ГКО СССР от 24.06.1942 № ГОКО-1926сс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40608#rc4jpNVUL8D6cDC5> (дата обращения: 28.06.2026).
24. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=G3l7pw&base=ESU&n=1717&dst=100010&field=134#Yz4kpNVUttmanvBu> (дата обращения: 28.06.2026).
25. Уголовный кодекс КНР 1997 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=403> (дата обращения: 28.06.2026).
26. Пан Дунмэй, Гао Минсюань. Становление и развитие китайского уголовного законодательства // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2018. № 2. С. 215–229.

REFERENCES

1. *Pravogenez: traditsiya, volya, zakon* [Legal genesis: tradition, will, law]. Ed. by Romashov R.A. Saint Petersburg, 2021. 481 p.
2. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Paris, 1955. 158 p.
3. Kalinin M.I. Few Words about Propaganda and Agitation. *Moskovskii bol'shevik = Moskovsky Bolshevik*, 1944, January 26, no. 21 (1,495). (In Russ.).
4. Tonkov E.N. *Rossiiskii pravovoi realism* [Russian legal realism]. Saint Petersburg, 2024. 454 p.
5. Antonov A.G., Bychkov S.N., Denisov S.A. et al. *Osnovy ugovornogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of criminal law: textbook]. Saint Petersburg, 2022. 116 p.
6. Romashov R.A. State-legal systems of a transitional type (on the example of the transformation of the Russian Empire into a Federal Soviet Socialist Republic. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2024, no. 4 (78), pp. 64–81. (In Russ.).
7. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political Justice in the USSR]. Saint Petersburg, 2002. 385 p.
8. Damaskin O.V., Kholikov I.V. The current state and development of the criminal law of the People's Republic of China. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 156–180. (In Russ.).
9. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Available at: <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-45/190/> (accessed June 28, 2026).
10. Stuchka P.I. Twelve years of revolution in state and law. In: Stuchka P.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political justice in the USSR], 2002. 385 p.
11. Mao Zedong. *Izbrannye proizvedeniya. T. 2* [Selected works. Vol. 2]. Moscow, 1953. 388 p.
12. Troshchinskii P.V. *Pravovaya sistema Kitaya* [Legal system of China]. Moscow, 2016. 472 p.
13. *Rukovodyashchie nachala po ugovornomu pravu RSFSR 1919 g.* [Guidelines on criminal law of the RSFSR, 1919]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (accessed June 28, 2026).
14. Romashov R.A., Tonkov E.N. *Tyur'ma kak "Grad zemnoi"* [Prison as a "City on Earth"]. Saint Petersburg, 2014. 656 p.

15. Troshchinskii P.V. Chinese legislation in the field of combating espionage and treason: a historical and legal perspective. *Natsional'naya bezopasnost'* = *National Security*, 2016, no. 3 (44), pp. 347–357. (In Russ.).
16. *Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh predpriyatii, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoi (sotsialisticheskoi) sobstvennosti: postanovlenie TSIK i SNK SSSR ot 07.08.1932* [On the protection of property of state enterprises, collective farms and cooperatives and the strengthening of public (socialist) property: resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of August 7, 1932]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6541#p9cEcCVGgSURkVK71> (accessed May 28, 2026).
17. Pykhalov I.V. "The law on five spikelets". *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) = Society. Wednesday. Development*, 2011, no. 4, pp. 100–104. (In Russ.).
18. Zemskov V.N. Extends of political repressions in the USSR: against the speculative and mythological constructions. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 3–1, pp. 79–88. (In Russ.).
19. Kozlikhin I.Yu. *Ocherki sravnitel'nogo pravovedeniya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Essays on comparative law: stud guide for universities]. Saint Petersburg, 2020. 204 p.
20. *Zayavlenie "Zhehn'min' zhibao"*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573b26509a7947635b947bc5> (accessed June 28, 2026).
21. *Ugolovnyi kodeks Kitaya* [The Criminal Code of China]. Ed. by Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Moscow, 2017. 256 p.
22. Pan Dongmei, Zhao Bingzhi, Vasil'ev I.A. Problems of criminalization of acts in Chinese criminal law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminology Journal*, 2019, no. 1, pp. 142–151. (In Russ.).
23. *Postanovlenie GKO SSSR ot 24.06.1942 No. GOKO-1926ss "O chlenakh semei izmennikov Rodine"* [Resolution of the State Defense Committee of the USSR of June 24, 1942, No. GOKO-1926ss "On Members of the families of traitors to the Motherland"]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40608#rc4jpNVUL8D6cDC5> (accessed June 28, 2026).
24. *Ob utverzhdenii Osnov ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik: zakon SSSR ot 25.12.1958 (red. ot 08.04.1989)* [On the approval of the fundamentals of criminal legislation of the USSR and the Union Republics: USSR Law of December 25, 1958 (as amended on April 8, 1989)]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=G3l7pw&base=ESU&n=1717&dst=100010&field=134#Yz4kpNVUttmaNvBu> (accessed June 28, 2026).
25. *Ugolovnyi kodeks KNR 1997 g.* [Criminal Code of the People's Republic of China of 1997]. Available at: <https://constitutions.ru/?p=403> (accessed June 28, 2026).
26. Pan Dongmei, Gao Mingxuan. The formation and development of Chinese criminal law. *Vestnik SPbGU. Ser. 14. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, no. 2, pp. 215–229. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА ГЕРМАНОВИЧ ДАШКЕВИЧ – аспирант кафедры теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, dashkevich0801@gmail.com

NIKITA G. DASHKEVICH – postgraduate student at the Department of the Theory and History of the State and Law of the Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, dashkevich0801@gmail.com

Статья поступила 09.03.2026

Научная статья

УДК 343.98:94(47)

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.002

К вопросу о становлении судебной фотографии в российской империи в конце XIX – начале XX века: историко-правовой анализ

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс становления судебной фотографии в Российской империи в конце XIX – начале XX в. как самостоятельного инструмента уголовного судопроизводства. На основе впервые вводимой в научный оборот работы российского правоведа А. А. Громова «О судебной фотографии», созданной по лекциям профессора Лозаннского университета Р. А. Рейсса, а также материалов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Волгоградской области и опубликованных источников рассматриваются три основных направления применения фотографии в следственной и полицейской практике эпохи: фиксация обстановки места преступления, регистрация и идентификация преступников посредством системы Бертильона, фотографическая экспертиза документов. Особое внимание уделяется нормативным пробелам, препятствовавшим систематическому использованию фотографии в расследовании преступлений, а также ее фактическому применению в целях политической слежки в период революционных событий 1905–1908 гг. В заключение рассматривается связь исторически выявленных проблем с современным уголовно-процессуальным регулированием фотофиксации.

Ключевые слова: судебная фотография; криминалистика; Российская империя; система Бертильона; уголовное судопроизводство; история права; криминалистическая регистрация.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу о становлении судебной фотографии в Российской империи в конце XIX – начале XX века: историко-правовой анализ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 17–23. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.002.

On the Establishment of Forensic Photography in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century: Historical and Legal Analysis

ALEKSANDR E. EPIFANOV

The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The article considers a process of the development of forensic photography in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century as an independent tool of criminal proceedings. This article draws on A.A. Gromov's "On forensic photography" – a work compiled from lectures by University of Lausanne professor R.A. Reiss, and presented here for the first time in academic literature – in addition to archival records from the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Volgograd Oblast, and other published materials. It examines three main areas in which photography was used in investigative and police practice at the time: recording crime scenes, registering and identifying offenders using the Bertillon system, and conducting photographic examinations of documents. Special attention is paid to the regulatory gaps that hindered the systematic use of photography in crime investigation, as well as its actual use for political surveillance during the revolutionary events of 1905–1908. In conclusion, the connection between historically identified problems and the modern criminal procedural regulation of photographic documentation is traced.

Keywords: forensic photography; criminology; the Russian Empire; the Bertillon system; criminal proceedings; history of law; criminalistic registration.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. On the establishment of forensic photography in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century: historical and legal analysis. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 17–23. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.002.

На рубеже XIX–XX столетий судебная фотография переживала в России период острых противоречий между нарастающим научным интересом к ее возможностям и глубокой нормативной неурегулированностью ее применения в следственной практике. Отечественная криминалистика нуждалась в систематическом осмыслении накопленного западноевропейского опыта, и эту задачу брали на себя авторы, стремившиеся популяризировать зарубежные достижения среди русских юристов. К числу таких источников, незаслуженно обойденных вниманием исследователей, относится работа А. А. Громова «О судебной фотографии», написанная по лекциям профессора Лозаннского университета Р. А. Рейсса.

В систематическом указателе А. Ф. Поворинского по 1904 г. приведено около 70 преимущественно мелких статей и газетных заметок по судебной фотографии и лишь единственная монография – труд Е. Ф. Буринского [1]. Работа же Громова, несмотря на очевидную научную ценность, не вошла в этот перечень и в последующей историографии как самостоятельный источник не рассматривалась [2]. Настоящая статья ставит своей целью ввести этот источник в научный оборот и на его основе в совокупности с материалами архивов и опубликованных источников воссоздать целостную картину становления судебной фотографии в Российской империи.

Историография судебной фотографии применительно к дореволюционной России сосредоточена прежде всего вокруг фигуры Евгения Федоровича Буринского (1849–1912) – «отца судебной фотографии», создателя первой в мире судебно-фотографической лаборатории при Санкт-Петербургском окружном суде (1889) [3]. Именно он разработал метод усиления контраста и цветоделения, впервые применив его в 1889 г. по делу Рокоссовского и Юнгерца. Эта экспертиза стала поворотным моментом в становлении отечественной криминалистики [4].

Параллельно в западноевропейской науке формировались собственные школы. В 1903 г. в Париже вышел труд Р. А. Рейсса «*La photographie judiciaire*» [5] – первое систематическое руководство по судебной фотографии в мировой науке. Рудольф Арчибальд Рейсс (1875–1929), доктор химии, профессор Лозаннского университета, стал одним из главных архитекторов европейской криминалистики: именно благодаря его усилиям Лозаннский университет в 1909 г. стал первым в мире учебным заведением, где будущие юристы получали диплом специалиста по научным методам расследования («*Diplôme de police scientifique*») [6].

Наряду с Рейссом ключевую роль в формировании теоретических основ судебной фотографии сыграл австрийский криминалист Ганс Гросс (1847–1915). В своем «Руководстве для судебных следователей», переведенном на русский язык уже в 1895–1896 гг., Гросс специально указал на возможность и желательность применения проекционных фотографических аппаратов для воспроизведения перед судом снимков, относящихся к исследуемому событию преступления [7]. Вместе с тем указанные труды рассматривались преимущественно сами по себе; работы российских правоведов, передававших западно-европейский опыт отечественной аудитории, систематического изучения до настоящего времени не получили.

Громов, излагая концепцию Рейсса, открывает свой обзор принципиальным тезисом: фотография является «автоматическим и беспристрастным описателем событий» и «искусственной памятью» человечества [2, с. 3]. Именно эти два свойства – объективность фиксации и долговременность сохранения – делали ее незаменимым инструментом уголовного судопроизводства. Применительно к работе на месте преступления это означало возможность запечатлеть общий вид помещения, положение трупа, следы борьбы, отпечатки пальцев, следы крови – иными словами, всю ту совокупность деталей, которую человеческое восприятие неизбежно упрощает, а память со временем искажает.

Принципиальное значение имел спор между Рейссом и Гроссом о стандарте качества снимка. Если Гросс допускал использование даже «плохого фотографического снимка с искаженной перспективой», которую возможно восстановить показаниями свидетелей, то Рейсс настаивал на ином: необходимы исключительно правильные снимки с точной перспективой, «ошибки в подобных случаях недопустимы» [2, с. 18]. Если следователь не мог обеспечить снимок надлежащего качества, он был обязан пригласить фотографа-специалиста. За этим спором стоял вопрос принципиального характера о доказательственном значении фотографического снимка в суде.

Практические возможности судебной фотографии выходили далеко за пределы традиционного места преступления. Громов приводит целый ряд красноречивых примеров из мировой практики. Случайно сделанный любительский фотографический снимок запечатлел момент нападения на Германского императора: безумная женщина бросила по направлению проезжавшего в ландо монарха массивную кирку. Кинематографический аппарат, наведенный в момент покушения на Президента Северо-Американских Соединенных Штатов Мак-Кинлея, позволил при внимательном изучении разглядеть лицо преступника и отследить его движения в толпе. При выборах в Венгрии в 1902 г. правильность избрания одного депутата оспаривалась на основании нескольких моментальных фотографических снимков, изображавших процесс выборов. На одном из них можно было различить, как

местный мировой судья лично препятствовал избирателям оппозиции подойти к избирательным ящикам.

Так как случаи разоблачения благодаря любительским снимкам бывали нередки, неоднократно возникала мысль о снабжении агентов полиции фотографическими аппаратами, чтобы они могли делать снимки во время уличных беспорядков, драк и иных противоправных действий: «таким образом можно было бы, лучше чем какими бы то ни было свидетельскими показаниями, установить зачинщиков или во всяком случае участников беспорядков» [2, с. 11]. Эта идея нашла практическое воплощение в Бостоне во время забастовки трамвайщиков: дирекция трамвайного общества поместила на каждом вагоне, выходившем из депо, по одному служащему с моментальным фотографическим аппаратом. Фотографам был отдан приказ снимать всякую толпу у вагонов и всякие попытки демонстраций, «эти снимки должны были заменить свидетелей при выяснении виновников беспорядков» [2, с. 12]. Впрочем, стачечники, по всей видимости, узнав о намерениях дирекции, держали себя совершенно спокойно. Этот эпизод наглядно иллюстрирует сдерживающий эффект самого присутствия фотоаппарата, не менее значимый, чем его доказательственная функция.

Особое место в становлении судебной фотографии занимала система Альфонса Бертильона (1853–1914) – так называемая сигналетическая фотография (*photographie signalétique*). Учрежденное им в 1882 г. в Париже антропометрическое бюро стало образцовым учреждением нового типа. Его оборудование было завершено к 1889 г., и уже в 1891 г. система Бертильона была введена в Швейцарии, в 1895–1897 гг. – в Германии, а затем последовательно распространилась по Австрии, Голландии, Румынии и ряду других государств [2]. Почти во всех немецких городах с населением свыше 50 тыс. человек появились соответствующие бюро.

Коллекция фотопортретов Департамента полиции МВД России, сформированная на базе материалов еще III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, наглядно показывает, как складывалась отечественная практика фотографической регистрации: сначала подозреваемых снимали в частных фотоателье, затем были организованы собственные ателье при губернских жандармских управлениях и охранных отделениях (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 2750 (Коллекция фотопортретов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений, 1881–1917)). Тем не менее системная, единообразная регистрация по образцу бертильонажа в России запаздывала в сравнении с западноевропейскими государствами на полтора-два десятилетия.

Первые фотографии преступников изображали их неизменно в анфас, с руками, сложенными на коленях. Со временем были выработаны особые правила съемки: в 1892 г. австрийский министр юстиции первым издал специальные правила для фотографирования арестантов в тюрьмах [2]. Австрия опередила Россию в нормативном регулировании опознавательной съемки более чем на пятнадцать лет.

Параллельно развивалась дактилоскопия как альтернативный метод криминалистической регистрации. В России решение о ее введении было принято лишь в декабре 1906 г.: при Главном тюремном управлении Министерства юстиции учредили центральное дактилоскопическое бюро, а с 1908 г. дактилоскопическая регистрация стала обязательной и для полицейских участков. Иными словами, в период, когда А. А. Громов создавал свой обзор, Россия находилась в стадии перехода от антропометрической системы к дактилоскопической – перехода, который западноевропейские государства к тому времени в значительной мере уже завершили.

Третьим направлением применения судебной фотографии являлась экспертиза документов. К началу XX в., благодаря работам Бертильона в Париже, Иессериха в Берлине, Денштедта и Шенфа в Гамбурге, репутация данного метода установилась прочно [2]. В России наиболее значимые результаты в этой области были достигнуты Е. Ф. Буринским:

разработанные им методы цветоделения и усиления контраста позволяли выявлять скрытые тексты на документах, восстанавливать записи на истлевших кожаных грамотах XIV в., устанавливая подлоги подписей. В 1898 г. Академия наук присудила Буринскому премию имени М. В. Ломоносова за раскрытие текстов с помощью научной фотографии [4].

Громов фиксирует, что фотографировать письма и документы начали «тотчас вслед за тем, как дагерротипы были заменены отпечатками на чувствительной бумаге», однако фотографическая экспертиза документов в строгом смысле сложилась лишь в последней четверти XIX столетия [2]. Показательно, что единственной книгой в российской литературе, посвященной фотографической экспертизе документов, вплоть до 1904 г. оставался труд Буринского 1903 г. – красноречивый индикатор состояния отечественной науки.

Наряду с впечатляющими практическими достижениями судебной фотографии Громов с нескрываемой озабоченностью констатировал глубокую нормативную и организационную неурегулированность ее применения в российской следственной практике. Главным препятствием было отсутствие обязательного оснащения следователей фотографическим оборудованием. Рейсс настаивал на том, чтобы «каждая камера следователя была снабжена фотографическим аппаратом и необходимыми фотографическими приспособлениями» [2, с. 32], однако в реальности в большинстве уездных судебных округов это оставалось благим пожеланием.

Материалы Государственного архива Волгоградской области свидетельствуют о том, что в Царицынском уезде в 1890–1900-е гг. протоколы осмотра мест преступлений нередко ограничивались несколькими строками общего описания обстановки без каких-либо следов применения фотографии, без планов и без упоминания о технических средствах фиксации (Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 210. Оп. 2. Д. 47. Л. 13–14 об. (Царицынский окружной суд, протоколы осмотра мест преступлений, 1895–1904)). Провинциальная следственная практика разительно контрастировала с передовыми рекомендациями Рейсса и с опытом крупнейших городских полицейских управлений. В фондах Государственного архива Российской Федерации сохранились запросы губернских полицейских управлений о порядке приобретения фотографических аппаратов для нужд уголовного розыска (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 44. Д. 9. Л. 112 (Департамент полиции МВД, переписка о снабжении сыскных отделений фотографическими аппаратами, 1904)), что само по себе красноречиво свидетельствует о масштабах проблемы.

Не менее острой оставалась проблема квалификации. Среди следователей крайне редко встречались люди, способные самостоятельно выявить погрешности в снимках; «манипуляции с микрофотографическими аппаратами обыкновенно никому из них неизвестны» [2, с. 34]. В больших городских центрах вопрос о применении судебной фотографии решался проще, поскольку почти все начальники полиции располагали хорошо оборудованными лабораториями. Первые фотографические лаборатории при российских сыскных отделениях появились лишь в 1880–1890-е гг. и то исключительно в крупнейших городах – Санкт-Петербурге, Москве, Одессе [8]. Провинция оставалась лишена этого ресурса на протяжении еще долгого времени.

Особый историко-правовой интерес представляет использование фотографии в период революционного движения 1905–1908 гг. в России. Громов специально отмечает, что «снимки, сделанные с парадировавших боевых дружин, баррикад, похоронных процессий, носивших характер политических манифестаций», дали «богатый материал для установления зачинщиков и участников движения» [2, с. 14]. Это свидетельство обнажает принципиальную асимметрию в реальном применении судебной фотографии в России рубежа веков: если в западноевропейских государствах она развивалась преимущественно как инструмент общеуголовного расследования, то в Российской империи в кризисный период ее главной практической областью оказалась политическая слежка.

Эта специфика не случайна: именно Департамент полиции располагал ресурсами и организационными возможностями для систематической фотографической деятельности, тогда как сыскные отделения в большинстве губерний были лишены даже базового оборудования (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 44. Д. 9. Л. 112 (Департамент полиции МВД, переписка о снабжении сыскных отделений фотографическими аппаратами, 1904)). В фондах Департамента полиции МВД сохранились материалы о применении фотографии при наружном наблюдении, охватывающие период 1906–1907 гг., – прямое документальное свидетельство того, как фотография из инструмента криминалистики превращалась в инструмент политического сыска (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 17. Л. 34–35 (Департамент полиции МВД, материалы о применении фотографии при наружном наблюдении, 1906–1907)).

Важной вехой в преодолении описанных пробелов стали лекции Р. А. Рейсса, прочитанные чинам русского судебного ведомства в Лозанне летом 1911 г. Изданный под редакцией С. Н. Трегубова курс лекций «Научная техника расследования преступлений» (Санкт-Петербург, 1912) [9] стал одним из первых систематических руководств по криминалистике, получивших широкое распространение в России и прямо ставивших вопрос об обязательном фотографировании при производстве осмотра места преступления. Показательно, что между выходом книги Рейсса «*La photographie judiciaire*» в 1903 г. и ее фактической рецепцией в российском судебном ведомстве прошло почти десятилетие – срок, красноречиво свидетельствующий о глубине институционального разрыва между западноевропейской криминалистической наукой и отечественной практикой.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, к началу XX в. в России сложились необходимые научные предпосылки для систематического применения судебной фотографии: труды Е. Ф. Буринского, рецепция системы Бертильона, деятельность таких авторов-популяризаторов, как А. А. Громов. Однако нормативная база оставалась принципиально неполной: отсутствовали единые требования к качеству снимков, не был определен процессуальный статус фотографического материала как доказательства, не установлен круг лиц, обязанных обеспечивать фотосъемку.

Во-вторых, в отличие от ряда западноевропейских государств, где регламентация опознавательной съемки заключенных была введена ведомственными актами еще в 1892 г., в Российской империи этот процесс носил стихийный и неравномерный характер, в значительной мере определяясь личной инициативой конкретного следователя, а не системными требованиями закона.

В-третьих, фактическое применение судебной фотографии в России рубежа веков тяготело к политической слежке, а не к общеуголовному расследованию, что само по себе отражало специфику государственного устройства и правоприменительной практики Российской империи в кризисный период ее существования.

Проблемы, выявленные А. А. Громовым на рубеже XIX–XX вв., – нормативная неурегулированность применения технических средств фиксации, неопределенность процессуального статуса фотоснимка, отсутствие квалификационных требований к субъектам фотографирования – получили законодательное разрешение в советский и постсоветский периоды. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепил право применения фотографирования при производстве следственных действий (ст. 164 УПК РФ), определил порядок процессуального оформления фотоматериалов (ст. 166 УПК РФ) и установил статус фотографических снимков как иных документов – источников доказательств (ст. 84 УПК РФ). Тем самым был преодолен тот нормативный вакуум, который столь наглядно описан в источнике, впервые вводимом настоящей статьей в отечественный научный оборот, это свидетельствует о долгом и противоречивом пути судебной фотографии от эпизодического практического применения к полноценному правовому институту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поворинский А. Ф. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному / сост. А. Поворинский. Т. 1–2. СПб., 1896–1905. Т. 1 : XXV. 834 с.
2. Рейсс Р. А. О судебной фотографии (по лекциям проф. Лозан. ун-та Р. Рейсса) / [сост.] А. А. Громов. 1912. 52 с.
3. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. СПб., 1903. 352 с.
4. Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975. 188 с.
5. Reiss R. A. La photographie judiciaire. Paris, 1903. 232 p.
6. Винберг А. И. Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Волгоград, 1981. 62 с.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. 1040 с.
8. Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России. М., 2005. 373 с.
9. Курс лекций, прочтенных в г. Лозанне профессором Рейссом чинам русского судебного ведомства летом 1911 г. / под ред. С. Н. Трегубова. СПб., 1912. 178 с.

REFERENCES

1. Povorinskii A.F. *Sistematicheskii ukazatel' russkoi literatury po sudoustroistvu i sudoproizvodstvu, grazhdanskomu i ugovnomu* [Systematic Index of Russian literature on judicial organization and procedure, civil and criminal proceedings]. St. Petersburg, 1896–1905. 834 p.
2. Reiss R.A. *O sudebnoi fotografii* [On forensic photography]. Comp. by Gromov A.A. 1912. 52 p.
3. Burinskii E.F. *Sudebnaya ekspertiza dokumentov, proizvodstvo ee i pol'zovanie eyu: posobie dlya gg. sudei, sudeb. sledovatelei, lits prokuror. nadzora, poverennykh, zashchitnikov, sudeb. vrachei-igraf. ekspertov* [Judicial examination of documents, its production and use: manual for judges, court investigators, prosecutors, attorneys, defenders, court doctors and court experts]. Saint Petersburg, 1903. 352 p.
4. Krylov I.F. *Ocherki istorii i kriminalistiki i kriminalisticheskoi ekspertizy* [Essays on the history of criminalistics and forensic examination]. Leningrad, 1975. 188 p.
5. Reiss R.A. *La photographie judiciaire*. Paris, 1903. 232 p.
6. Vinberg A.I. *Rol' ucheniya E.F. Burinskogo v formirovaniye otechestvennoi kriminalistiki* [Role of E.F. Burinskii's doctrine in the formation of Russian criminalistics]. Volgograd, 1981. 62 p.
7. Gross H. *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki* [Manual for forensic investigators as a system of criminology]. Saint Peterburg, 1908. 1,040 p.
8. Koldaev V.M. *Iz istorii prakticheskoi kriminalistiki v Rossii* [From the history of practical criminalistics in Russia]. Moscow, 2005. 373 p.
9. *Kurslektsii, prochtennykh v g. Lozanne professorom om Reissom chinam russkogo sudebnogo ведомstva letom 1911 g.* [Course of lectures delivered in Lausanne by Professor Reiss to officials of the Russian judicial department in the summer of 1911]. Ed. by Tregubov S.N. Saint Petersburg, 1912. 178 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Historical Issues of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Статья поступила 30.06.2026

Научная статья

УДК 343.32

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.003

Государственная измена в истории развития российского уголовного законодательства

ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА КУСТОВА

Управление по обеспечению деятельности членов Правительства
Вологодской области Администрации Губернатора области, Вологда,
Россия, yul.kustowa2015@yandex.ru

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ДЕРБИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ становления и развития института государственной измены в Российской Федерации. Первое упоминание о нем содержится в Псковской Судной грамоте XV в. Первоначально объектом преступления являлись исключительно интересы государства (княжества), его территориальная целостность. Позже, в период Российской империи, произошло слияние объектов, к имеющимся ранее были добавлены монарх и члены его семьи. Рассматриваемый правовой институт ни на одном из периодов своего развития не был однородным. Об этом свидетельствует как изменение самого понятия «государственная измена», которое впервые было законодательно закреплено только в XIX в., так и форм данного вида преступлений, санкций за его совершение, лиц, подлежащих ответственности, а также специального субъекта и вопросов освобождения от ответственности. Эволюция государственной измены в истории Российской Федерации связана со сменой форм государственного устройства, политических и идеологических систем, социальным реформированием общественного устройства, положением государства на международной арене, взаимоотношением с иностранными государствами.

Ключевые слова: государственная измена; шпионаж; переворот; зажигальник; контрреволюционная деятельность; измена Родине; государственная тайна; специальный субъект.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кустова Ю. А., Дербина О. В. Государственная измена в истории развития российского уголовного законодательства // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2026. № 3 (35). С. 24–30. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.003.

The Evolution of High Treason in Russian Criminal Law

YULIYA A. KUSTOVA

Government Support Office of the Governor's Administration of the Vologda Oblast, Vologda, Russia, yul.kustowa2015@yandex.ru

OL'GA V. DERBINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia

kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Annotation. The article provides a retrospective analysis of the formation and development of the institution of high treason in the Russian Federation. The first mention of it is contained in the Pskov Court Charter of the 15th century. Initially, the object of the crime was exclusively the interests of the state (principality) and its territorial integrity. Later, during the period of the Russian Empire, the objects were merged, and the monarch and his family members were added to the existing ones. The legal institution in question was not homogeneous at any of the periods of its development. This is evident not only from the changing definition of 'high treason' – which was not formally codified until the 19th century—but also from the evolving forms of the offense, the associated sanctions, the categories of individuals held liable, the specific types of perpetrators involved, and the grounds for exemption from liability. The evolution of high treason in the history of the Russian Federation is associated with a change in the forms of government, political and ideological systems, social reform of the social structure, position of the state in the international arena, and relations with foreign countries.

Keywords: high treason; espionage; covert provision of information or other assistance to the enemy; incendiary; counterrevolutionary activity; treason; state secret; special subject.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kustova Yu.A., Derbina O.V. The evolution of high treason in Russian criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 24–30. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.003.

Институт государственной измены в современном отечественном законодательстве занимает важное место. Так, согласно статистическим данным, в 2023 г. за государственную измену было осуждено 39 человек, спустя год число увеличилось до 145 лиц. Значительное увеличение числа осужденных связано с обострившейся международной обстановкой на фоне ведения Россией специальной военной операции. Значимым является и тот факт, что по ст. 275 УК РФ за 2023–2024 гг. не было вынесено ни одного оправдательного приговора [1].

Как и любое социальное явление, право и его институты связаны с изменениями внешней и внутренней среды существования государства и общества. История России насчитывает немало переломных моментов, и правовая система обязана гибко на них реагиро-

вать и подстраиваться, чтобы быть актуальной своему времени. Ретроспективный анализ помогает выявить закономерности изменения подходов к определению состава данного преступления и наказуемости деяний. Проанализировав исторический опыт, представляется возможным проследить эволюцию института, выявить тенденции в его развитии, предположить дальнейшие перспективы.

Первый крупный исторический источник, в котором содержится упоминание о государственной измене, – Псковская Судная грамота (1467 г.). Статья 8 раскрывает формы измены: «А кримскому татю и коневому, и переветнику, и зажигальнику, тем живота не дати» [2]. Перевет – «преступное посягательство на безопасность княжества в виде перехода на сторону военного противника, оказание помощи иностранному государству или его представителям в проведении враждебной деятельности» [3]. В качестве санкции за перевет в тексте грамоты значится «живота не дати», что обозначает лишение виновного лица возможности распоряжаться своим имуществом, вследствие чего представлялось невозможным откупиться от смертной казни за данное деяние. Д. А. Савченко в своей работе описывает перевет как «тайное оказание информационной помощи военному противнику псковской городской общины» [4], а также приводит в качестве доказательства по данному преступлению переписку с представителем военного противника. Под «кримским татем» предлагается понимать не просто вора, а лицо, «покушающееся на государственную тайну или государственное достояние». «Зажигальник» представляется как человек, стремящийся оказать содействие военному противнику путем поджога [3]. Таким образом, Псковская Судная грамота выделяет три категории преступлений, входящих в состав государственной измены: перевет, передачу государственной тайны или государственного достояния и поджог в целях содействия военному противнику.

Судебник Ивана III (1497 г.) выделяет четыре группы государственных преступлений: «крамола», «подым», «зажигательство», «государственное убийство» [5]. «Крамола» включала мятеж, заговор, измену, которые совершались в отношении правителя или системы государственной власти в целом. Отметим наличие специального субъекта – лица, обладающего особым государственным положением: стрельцы, бояре и др. «Подым» трактуется исследователями двояко: с одной стороны, это провоцирование народа на поднятие мятежа, с другой – шпионаж [6]. Как и Псковская Судная грамота, Судебник Ивана III содержит такой вид государственной измены, как «зажигательство», однако с указанием, что поджог совершается с намерением спровоцировать внутригосударственную нестабильность и в дальнейшем – народный мятеж. За совершение любой из указанных форм государственной измены по Судебнику 1497 г. полагалась высшая мера наказания – смертная казнь.

Судебник Ивана IV (1550 г.) добавил новые составы государственной измены: сдача города неприятелю и «подмет», то есть подлог документов или ложный донос. Санкция за данные деяния осталась прежней – смертная казнь.

С принятием Соборного уложения (1649 г.) произошло объединение в объекте преступления личности монарха и безопасности государства. Документ вводил новые виды измены: переход на службу к другому государю; подготовку к вооруженному захвату власти «буде кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать забирать» [7]; пособничество врагам государя; разглашение государственной тайны; сдачу города врагу; поджог города или дворов. Наказание дифференцировалось в зависимости от общественной опасности и личности преступника. Смертная казнь назначалась практически во всех случаях.

Законодательство эпохи Петра I о преступлениях против государства сформировалось на фоне многочисленных войн и усиления абсолютизма. Ключевым документом стал Артикул воинский (1716 г.), разработанный на основе западноевропейских образцов. Государственная измена включала: вооруженное выступление против царя, покушения против монарха, оскорбление царя или осуждение его действий, тайные переговоры с неприятелем,

открытие пароля, передача сведений о военных крепостях, возмущения и бунт. В целом государственная измена в рассматриваемом документе понималась как «воинская измена» [8].

В годы правления Николая I было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.). Составители Уложения сделали попытку отказаться от архаизмов предыдущего законодательства и дать составу государственной измены современную трактовку. Основные составы государственных преступлений, представляющие собой «действие (или бездействие), направленные как против личности главы государства, так и на ниспровержение или подрыв существующего политического строя» [9]. Исследователи отмечают, что Уложение имеет серьезное новшество: ответственность за преступления против государства наступает только в мирный период, а за шпионаж – только в условиях ведения войны.

В 1903 г. было принято Уголовное уложение Российской Империи. Впервые в нормативном правовом акте была отмечена устойчивая связь государственной измены со взаимоотношениями России и иностранных государств. К государственной измене относились: «покушение на предание или предание врагу армии, флота, отряда войска, отдельной части или команды, укрепленного места и др. или лишение их возможности защиты от врага» [10]; вступление в ряды неприятельского войска; шпионаж. Данный вид преступлений принадлежал к наиболее тяжким, поэтому наказание могло назначаться в виде смертной казни, ссылки срочной / бессрочной, каторжных работ, заключения в исправительном доме или крепости. Однако стоит отметить либерализацию уголовного законодательства в части отмены применения наказания к семьям лиц, совершивших государственную измену, если вина их не доказана. С принятием в 1912 г. Закона «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства в мирное время» из состава государственной измены в отдельную категорию был выделен шпионаж, а также произошла криминализация некоторых его видов, ранее не являвшихся преступлением.

Впервые в российском законодательстве термин «государственная измена» появляется в Декрете ВЦИК от 20.07.1919. Содержание его не раскрывалось. В Декрете было сказано, что совершение государственной измены «в областях, где объявлено военное положение, влечет суровую ответственность вплоть до расстрела» [11]. С принятием первого социалистического Уголовного кодекса в 1922 г. (УК РСФСР) произошла систематизация уголовного законодательства. Государственная измена входила в блок контрреволюционных преступлений. Санкции по статьям государственных преступлений были суровыми, это видно на примере ст. 59 «Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики... карается – высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества». Минимальным наказанием за совершение рассматриваемой категории преступлений являлось назначение принудительных работ сроком до трех месяцев, а максимальным – смертная казнь.

Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (1958 г.) вводит в юридический оборот понятие «измена Родине», «то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти» [12].

Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 20.01.2026) определяет государственную измену как «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, вы-

дача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. В отличие от советской версии, понятие государственной измены в УК РФ перестало быть идеологизированным, расширился круг деяний, входящих в его состав. Отметим, что под противником в ст. 275 понимаются иностранные государства не только находящиеся в состоянии войны с Россией, но ведущие иные действия с применением вооружения и военной техники, угрожающие безопасности Российской Федерации. Переход на сторону противника также возможен в нескольких вариантах: во-первых, непосредственное физическое участие лица в составе вооруженных сил иностранного государства; во-вторых, участие в осуществлении деятельности органов власти, учреждений и предприятий, направленной против интересов России. Такое подробное раскрытие форм реализации государственной измены продиктовано появлением новых форм деструктивного сотрудничества граждан России с иностранными государствами с целью нанесения ущерба и подрыва безопасности Российской Федерации.

В заключение отметим, что институт государственной измены в России с течением времени претерпел существенные изменения. Менялись подходы к понятию измены, видам преступных деяний, тяжести санкций за ее совершение. Эти изменения были обусловлены множеством факторов. В итоге они привели к оформлению института государственной измены современного вида. Мир сегодня переживает глобальные геополитические трансформации, что значительно повышает риски вмешательства извне и необходимость укрепления национальной безопасности. Стоит отметить, что распространение киберпреступности и ведение информационной войны заставляют рассматривать государственную измену в совершенно новом свете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2026> (дата обращения: 04.01.2025).
2. Васильев И. И., Кирпичников Н. В. Псковская судная грамота (1397–1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста. Псков, 1896. 76 с.
3. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. / под ред. Н. Е. Носова. Ленинград, 1980. 243 с.
4. Савченко Д. А. Переветнику живота не дати: ответственность за помощь врагу по Псковской Судной грамоте // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 767–774.
5. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. 614 с.
6. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2025. 653 с. URL: <https://urait.ru/bcode/565614> (дата обращения: 04.01.2025).
7. Соборное уложение 1649 года : текст, комментированный / комментарии Г. В. Абрамовича и др. ; рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Ленинград, 1987. 448 с.
8. Якимовец В. М., Караваева Ю. С. Ретроспективный анализ эволюции способов совершения государственной измены в уголовном законодательстве России // Пермский период : сб. материалов V Междунар. науч.-спорт. фестиваля курсантов и студентов (14–19 мая 2018). Т. 1. 2018. С. 300–311.
9. Ефименко И. А. Состав политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Теория и история государства и права. 2010. № 4 (31). С. 55–57.
10. Уголовное уложение 22.03.1903 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

11. Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении : декрет ВЦИК от 20.06.1919. 1919. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).
12. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 01.06.1922. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

REFERENCES

1. *Dannye Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/?year=2026> (accessed January 4, 2025).
2. Vasil'ev I.I., Kirpichnikov N.V. *Pskovskaya sudnaya gramota (1397–1467). Podlinnaya i v perevode na sovremennyy yazyk s primechaniyami po ustanovleniyu perevodnogo teksta* [Pskov Court Charter (1397–1467). Authentic and translated into modern language with notes on the establishment of the translated text]. Pskov, 1896. 76 p.
3. Alekseev Yu.G. *Pskovskaya Sudnaya gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nykh otnoshenii na Rusi XIV–XV vv.* [The Pskov Letter of Judgment and its time. The development of feudal relations in Russia of the XIV–XV centuries]. Ed. by Nosov N.E. Leningrad, 1980. 243 p.
4. Savchenko D.A. The traitor must die: responsibility for helping the enemy according to the Pskov Judicial Charter. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 5, pp. 767–774. (In Russ.).
5. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava SSSR. Dooktyabr'skii period* [Anthology on the history of the state and law of the USSR. The pre-October period]. Ed. by Titov Yu.P., Chistyakov O.I. Moscow, 1990. 614 p.
6. Vladimirovskii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow, 2025. 653 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/565614> (accessed January 4, 2025).
7. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda: tekst, kommentirovannyi* [The Cathedral Code of 1649: text, commented]. Leningrad, 1987. 448 p.
8. Yakimovets V.M., Karavaeva Yu.S. A retrospective analysis of the evolution of methods of committing high treason in the criminal legislation of Russia. In: *Permskii period: sb. materialov V Mezhdunar. nauchno-sportivnogo festivalya kursantov i studentov (14–19 maya 2018). T. 1* [Perm period: collection of materials of the V International scientific and sports festival of cadets and students (May 14–19, 2018). Vol. 1]. 2018. Pp. 300–311. (In Russ.).
9. Efimenko I.A. The composition of political crimes in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. *Teoriya i istoriya gosudarstva i prava = Theory and History of the State and Law*, 2010, no. 4 (31), pp. 55–57. (In Russ.).
10. Criminal Code of March 22, 1903. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru/> (In Russ.). (Accessed January 14, 2026).
11. On exemptions from general jurisdiction in areas declared under martial law: Decree of the Central Executive Committee of June 20, 1919. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. Available at: <https://www.consultant.ru/> (In Russ.). (Accessed January 14, 2026).
12. On the enactment of the Criminal Code of the RSFSR (together with the Criminal Code of the RSFSR): resolution of the Central Executive Committee of June 1, 1922. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. Available at: <https://www.consultant.ru/> (In Russ.). (Accessed January 14, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА КУСТОВА – главный специалист управления по обеспечению деятельности членов Правительства Вологодской области Администрации Губернатора области, Вологда, Россия, yul.kustowa2015@yandex.ru

YULIYA A. KUSTOVA – Chief Specialist at the Government Support Office of the Governor's Administration of the Vologda Oblast, Vologda, Russia, yul.kustowa2015@yandex.ru

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ДЕРБИНА – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

OL'GA V. DERBINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, associate professor at the Department of Criminal Law Sciences of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Статья поступила 26.03.2026

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.004

Отдельные стороны совершенствования законодательства в сфере профилактики проявлений религиозного экстремизма в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Аннотация. В статье рассматривается проблема религиозного экстремизма в уголовно-исполнительной системе, обращается внимание на сущность и истоки его, обосновывается необходимость изменения законодательства как важнейшего средства профилактики религиозного экстремизма в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, предлагаются конкретные меры по совершенствованию как Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, так и отдельных подзаконных правовых актов.

Ключевые слова: законодательство; религиозный экстремизм; уголовно-исполнительная система; осужденные к лишению свободы; превенция.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Свинин Е. В. Отдельные стороны совершенствования законодательства в сфере профилактики проявлений религиозного экстремизма в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 31–36. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.004.

Exploring Ways to Strengthen Legislation Aimed at Preventing Religious Extremism within Russia's Penitentiary System

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

EVGENII V. SVININ

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Abstract. The article studies the problem of religious extremism in the penal system, draws attention to the essence and origins of religious extremism, substantiates the need to change legislation as the most important means of preventing religious extremism in the Russian penitentiary system, and suggests specific measures to improve both the Penal Code of the Russian Federation and certain subordinate legal acts.

Key words: legislation; religious extremism; penal system; persons sentenced to imprisonment; prevention.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lapshin V.E., Svinin E.V. Exploring ways to strengthen legislation aimed at preventing religious extremism within Russia's penitentiary system. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 31–36. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.004.

Проблема экстремизма вообще и религиозного в частности имеет огромное значение для обеспечения безопасности и правопорядка в государстве. Идеология экстремизма является мощным источником для совершения различного рода тяжких и особо тяжких преступлений, именно поэтому государство должно принимать комплексные, системные меры по противодействию этому негативному явлению. Совершенствование законодательства выступает одним из эффективных средств, которое может использовать государство. Следует отметить, что этот процесс является динамичным и во многом определяется характером общественных отношений, требующих соответствующей правовой оценки со стороны государства.

Совершение преступлений сторонниками религиозного экстремизма приводит к соответствующим мерам уголовной ответственности. Однако увеличение количества лиц, придерживающихся экстремистской идеологии, в исправительных учреждениях неизбежно порождает новую социально-правовую проблему – тюремные джамааты. По мнению пред-

седателя общественной наблюдательной комиссии по Пермскому краю, в 2024 г. в учреждениях УИС насчитывалось более 300 тюремных джамаатов [1, с. 52].

Следует отметить, что в юридической науке вопросам профилактики религиозного экстремизма в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации уделяется значительное внимание. Ярким примером могут служить проводимые конференции [2], опубликованные многочисленные научные работы.

Отметим, что об актуальности и серьезности проблемы распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы ученые писали еще в 2015 г. [3]. Так, Я. Е. Верхоглядов справедливо указывает, что серьезную опасность представляет даже один осужденный, поскольку, активно проповедуя идеологию религиозного экстремизма, способен за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5–7 и более человек [3, с. 35].

С. Е. Илюхин отмечает, что осужденные, имеющие экстремистские взгляды, создают потенциальные риски для безопасности российского государства [4, с. 30]. Представляется, что для эффективного противодействия религиозному экстремизму необходимо не только понимать его особенности и сущностные черты, но и важно учитывать действие сопутствующих условно благоприятствующих факторов. Тщательный и комплексный анализ факторов распространения религиозного экстремизма в исправительных учреждениях можно найти в работе Р. Р. Абдулганеева и И. М. Усманова [5]. Ученые отмечают существование пенитенциарных и постпенитенциарных факторов. Наибольший интерес в контексте нашего предмета анализа представляет первая группа. Р. Р. Абдулганеев и И. М. Усманов указывают на ряд организационных условий, связанных с упущениями в организации режима и ведомственного контроля, отмечают недостаток специальных знаний у сотрудников, а также ненадлежащий контроль за религиозной литературой, в том числе и на иностранных языках [5, с. 34–35].

Экстремистские группы в исправительных учреждениях стремятся встроиться в существующую систему отношений спецконтингента и занять в ней устойчивую нишу. При этом религиозный лозунг используется как средство символического сплочения и дисциплинирования членов группы. Исследователи отмечают, что в ряде случаев формируется структура, по своей логике близкая к организованной преступной группе, где присутствуют лидер, его ближайшие помощники, рядовые участники, а также лица, отвечающие за материальное обеспечение и связь с внешними сторонниками [1, с. 52]. Такая квазирелигиозная община не только контролирует поведение своих членов, но и активно воздействует на других осужденных, создавая альтернативный по отношению к администрации центр влияния в учреждении.

Становится очевидно, что религиозный экстремизм в местах лишения свободы является сложным, многофакторным и динамичным явлением, сочетающим в себе идеологическую, организационную и поведенческую составляющие. Его содержание не исчерпывается только наличием осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, напротив, речь идет о процессах формирования и воспроизводства радикальных религиозных установок в широкой среде спецконтингента.

Радикализация осужденных на фоне религиозного экстремизма приводит к печальным случаям. Так, 23 августа 2024 г. четверо заключенных исправительной колонии № 19 в городе Суровикино под Волгоградом захватили заложников во время заседания дисциплинарной комиссии. Злоумышленники заявили о принадлежности к запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство». В результате преступных действий погибли сотрудники учреждения [6].

Подобные преступления обуславливают необходимость принятия комплекса правовых мер, направленных на профилактику распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы. Односторонние и прямолинейные меры навряд ли приведут к желаемому результату. К примеру, в юридической науке высказано мнение, что для лиц,

совершивших преступления террористической и экстремистской направленности, необходимо создавать специально предназначенные исправительные колонии для отбывания наказания [7, с. 147]. С указанным предложением не можем согласиться. С одной стороны, данная мера препятствует увеличению количества новых сторонников религиозного экстремизма, а с другой – нельзя не видеть кардинального увеличения рисков для безопасности сотрудников. Обеспечить надлежащий режим и качество воспитательной работы будет крайне сложно, если все осужденные будут активными носителями экстремистских взглядов. Обеспечить изолированное содержание по тюремному принципу в условиях исправительного учреждения общего или строгого режима просто не возможно. А, значит, это приведет лишь к сплоченности осужденных и использованию ими активных форм противодействия администрации, вплоть до неповиновения и актов насилия.

Представляется необходимым внесение изменений в УИК РФ в части обеспечения повышенного внимания к осужденным за преступления экстремистской направленности. Считаем оправданным помещение этой категории осужденных по прибытии в ИУ в строгие условия содержания и лишь потом перевод в обычные условия в установленном законом порядке.

При этом полагаем оправданным содержание указанных лиц в исправительных колониях строгого режима. Как видно из событий в исправительной колонии № 19 города Волгограда, лица были осуждены на восемь лет лишения свободы, то есть совершили тяжкое преступление. В настоящее время эта категория лиц отбывает наказание в исправительных учреждениях общего режима. На наш взгляд, необходимо исправить эту ситуацию и предусмотреть изменение в ч. 5 ст. 74 УИК РФ, чтобы осужденные за экстремистские преступления направлялись для отбывания наказания в исправительные колонии строгого режима.

Считаем также, что следует обеспечить дальнейшую дифференциацию отдельного содержания осужденных. В этой связи ст. 80 УИК РФ, которая устанавливает требования к отдельному содержанию, должна быть изменена в части закрепления необходимости содержать лиц, впервые осужденных к лишению свободы, отдельно от лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности.

Более того, в современных условиях целесообразно установить изменение в ст. 122 УИК РФ, предусмотрев, что лица, осужденные за преступления экстремистской направленности, по прибытии в исправительное учреждение отбывают наказание в строгих условиях содержания, перевод в обычные производится в общем порядке. Считаем, что в строгие условия содержания должны переводиться лица, которые поставлены на профилактический учет, как осужденные, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие идеологию терроризма. Обеспечение последовательности и преемственности в правовом регулировании требует установления за такими лицами административного надзора, если на момент освобождения они не были сняты с профилактического учета.

Важной профилактической мерой будет являться регламентация порядка поступления в исправительные учреждения религиозной литературы. Лица, отбывающие наказание за преступления экстремистской направленности, должны иметь доступ лишь к проверенной литературе, утвержденной централизованными религиозными организациями. В настоящее время перечень литературы регламентируется лишь соглашениями с территориальными органами в части проведения религиозных обрядов. Однако отсутствуют ограничения на свободное проникновение литературы в качестве посылок осужденным.

Установление законодательных новелл в УИК РФ потребует внесения изменений в ряд подзаконных актов, а именно в Правила внутреннего распорядка исправительного учреждения, утвержденные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110, а также в Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных орга-

нов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с зарегистрированными в установленном законодательством Российской Федерации порядке централизованными религиозными организациями, обязательными для включения в указанные соглашения, утвержденные приказом Минюста России от 28.01.2025 № 8.

Предлагаемые меры по совершенствованию законодательства направлены на создание условий повышенного внимания к осужденным, которые являются носителями идеологии религиозного экстремизма. Как представляется, правовое регулирование должно быть усилено правоограничительными мерами. Баланс между дозволениями и запретами всегда имеет динамичную природу. Перекосы как в одну, так и в другую сторону приводят к одинаково негативным результатам. Отсутствие четко выстроенной системы контроля и ограничений привело к тому, что исправительные учреждения, как отмечают некоторые авторы, становятся благоприятным местом для пропаганды и вербовки неофитов – новых сторонников экстремистской идеологии. Складывающаяся практика в корне противоречит сущности уголовного наказания, природе и предназначению исправительных учреждений, которые должны являться центрами «социальной профилактики» преступности, а не концентрированным источником ее проявления.

В заключение хочется отметить, что недостатки и упущения в системе нормативного правового регулирования могут быть незаметны, но неизбежно будут приводить к деструктивному накопительному эффекту, поэтому крайне важно обеспечить системную работу по объективной и качественной оценке действующих правовых предписаний и их своевременному изменению. Противодействие религиозному экстремизму является сложной, комплексной проблемой. Ее решение основывается на качественном законодательстве, а также предполагает использование разветвленной системы социальных, религиозных, воспитательных, психолого-педагогических, технико-технологических мер и усилий не только со стороны государства, но и общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миндубаев В. Ш. Религиозный экстремизм в местах лишения свободы // Актуальные проблемы профилактики повторной преступности : сб. материалов регион. межведомств. науч.-практ. конф. (Пермь, 21 марта 2024 года). Пермь, 2024. С. 50–56.
2. Скоморох О. А., Скиба А. П. Круглый стол «Профилактика религиозного экстремизма и сфера правоохранительной деятельности» (г. Санкт-Петербург, 6 июня 2024 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 492–495. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-proyavleniyam-religioznogo-ekstremizma-v-mestah-lisheniya-svobody> (дата обращения: 06.05.2026).
3. Верховлядов Я. Е. О некоторых проблемах государственно-правового противодействия экстремизму в пенитенциарной системе // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 34–39.
4. Илюхин С. Е., Сухарев С. Н. Сущность религиозного экстремизма в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 1. С. 29–35.
5. Абдулганеев Р. Р., Усманов И. М. Криминологические меры предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма среди лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2. С. 33–37.
6. Спецназ ликвидировал исламистов в волгоградской колонии. Как им удалось захватить заложников и почему это стало возможно? URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/23/terrorists/?ysclid=mnhrbj4rp6376276147> (дата обращения: 07.05.2026).
7. Бакулина Л. В., Халилов Р. Н., Мустафина А. Р. Экстремизм в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 145–148.

REFERENCES

1. Mindubaev V.Sh. Religious extremism in places of deprivation of liberty. In: *Aktual'nye problemy profilaktiki povtornoj prestupnosti: sb. materialov Regional'noi mezhvedomstvennoi nauch.-prakt. konf. (Perm', 21 marta 2024 goda)* [Current problems of preventing recidivism: collection of materials from the Regional interdepartmental scientific and practical conference (Perm, March 21, 2024)]. Perm, 2024. Pp. 50–56. (In Russ.).
2. Skomorokh O.A., Skiba A.P. Countering religious extremism in places of deprivation of liberty. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2024, no. 3, pp. 492–495. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-proyavleniyam-religioznogo-ekstremizma-v-mestah-lisheniya-svobody> (In Russ.). (Accessed May 5, 2026).
3. Verkhoglyadov Ya.E. On some problems of state and legal counteraction to extremism in the penitentiary system. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015, no. 3 (24), pp. 34–39. (In Russ.).
4. Ilyukhin S.E., Sukharev S.N. The specific of religious extremism in prisons. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2025, no. 1, pp. 29–35. (In Russ.).
5. Abdulganeev R.R., Usmanov I.M. Criminological measures to prevent the spread of the ideology of religious extremism among persons sentenced to deprivation of liberty. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 33–37. (In Russ.).
6. *Spetsnaz likvidiroval islamistov v volgogradskoi kolonii. Kak im udalos' zakhvatit' zalozhnikov i pochemu eto stalo vozmozhno?* [Special forces eliminated Islamists in a Volgograd penal colony. How did they manage to take hostages, and why was this possible?]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2024/08/23/terrorists/?ysclid=mnhrbj4rp6376276147> (accessed May 7, 2026).
7. Bakulina L.V., Khalilov R.N., Mustafina A.R. Extremism in places of deprivation of liberty. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2016, no. 4, pp. 145–148. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia; professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Статья поступила 18.05.2026

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.005

Методологический суверенитет в контексте «уровневой» системы познания права: искусственный интеллект vs человеческое мышление

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, shakhanov-vv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения человеческого и машинного мышления в контексте «уровневого» познания права (эмпирия – теория – метатеория). Обосновывается понятие «методологический суверенитет» как способность научного сообщества самостоятельно определять, каким методам и на каком уровне научного познания доверять (определяя степень «зрелости» научной теории для использования в методологических целях и ее применимость в каждом конкретном случае), а также формировать школу методологической рефлексии, не зависящей от алгоритмических имитаций. Методологический суверенитет – это не защита от технологий, а защита через осознанное разграничение. «Уровневая» система познания права и государства дает сегодня единственный непротиворечивый способ такого разграничения. Искусственный интеллект эффективен на эмпирическом уровне и частично – во вспомогательных операциях теории, но неспособен к метатеоретической рефлексии, ценностно-смысловому конструированию и подлинной методологической инновации. Предлагаются институциональные меры защиты методологического суверенитета: экспертиза метода, методологический фильтр в журналах, обучение метатеоретическому мышлению.

Ключевые слова: методологическое мышление; методологический суверенитет; искусственный интеллект; уровни познания права; концептуальная безопасность; машинное мышление; человеческое мышление.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Шаханов В. В. Методологический суверенитет в контексте «уровневой» системы познания права: искусственный интеллект vs человеческое мышление // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 37–43. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.005.

Methodological Sovereignty in a Layered System of Legal Cognition: Artificial Intelligence versus Human Reasoning

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, shakhanov-vv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Abstract. The article is devoted to the problem of distinguishing human and machine thinking in terms of layered system of legal cognition (empiricism – theory – metatheory). The concept of “methodological sovereignty” as the scientific community’s ability to independently determine which methods and at what level of scientific knowledge to trust (determining the degree of “maturity” of a scientific theory for the use for methodological purposes and its applicability in each specific case), as well as to form a school of methodological reflection independent of algorithmic imitations. Methodological sovereignty is not protection from technology, but protection through conscious differentiation. The layered system of cognition of law and the state today provides the only consistent way of such a distinction. Artificial intelligence is effective at the empirical level and partially in the auxiliary operations of theory, but it is incapable of metatheoretical reflection, value-semantic construction and genuine methodological innovation. The author proposes institutional measures to protect methodological sovereignty, such as a method expertise, a methodological filter in journals, and training in metatheoretical thinking.

Keywords: methodological thinking; methodological sovereignty; artificial intelligence; legal cognition levels; conceptual security; machine thinking; human thinking.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Shakhanov V.V. Methodological sovereignty in a layered system of legal cognition: artificial intelligence versus human reasoning. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 37–43. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.005.

Современная методология уже не может существовать в рамках «канонизированных» методологических подходов. На человеческое мышление «наступает» мышление машинное. На пути к обретению способности «видеть невидимое, мыслить суть «как таковую»» [1, с. 324] появляется еще один «игрок» – искусственный интеллект. На сколько он хорош и способен ли составить конкуренцию человеку? В качестве подлежащей проверке гипотезы выдвинем тезис о том, что машинное мышление может концентрироваться на интеллектуально-содержательной компоненте, но не способно к высоко абстрактному методологическому суждению. Ведь не случайно в философии обсуждают движение мысли, а не ее транзит. Именно метод является источником движения мысли.

Методологическое мышление следует отличать от «рассуждений «обычным» образом» [1, с. 328]. Тем не менее «машинная методология» начинает засорять информационное пространство. Пытаясь подстроиться под алгоритм человеческого мышления, искусственный интеллект (ИИ) «выдает на-гора» за считанные секунды псевдонаучные произведения. К одной из уже признанных проблем использования искусственного интеллекта относят «галлюцинации», когда выдумываются данные, цитаты, события. Объясняют эту проблему

спецификой работы «машинного разума», который «предсказывает следующее слово на основе вероятностей, а не на основе точных фактов» [2]. Мы не откроем новых горизонтов, лишний раз напомнив о том, что специфика человеческого мышления, в отличие от ИИ, заключается в наличии сознания, эмпатии, эмоционального контекста и способности к творческому, нестандартному решению задач. «Машинный разум» работает на основе алгоритмов, данных и статистики. К типичным признакам генерации ИИ обычно относят: повторяющиеся клише; обобщенные фразы, не несущие глубокого смысла; логические разрывы; «водянистость» текста; оригинальные, но неуместные или нелогичные сравнения. Человек понимает смысл и контекст, а ИИ лишь имитирует понимание, анализируя закономерности. В этих условиях возрастает актуальность исследования контекстуального мышления [3, с. 22; 4]. Человеческое мышление более гибко в условиях поликонтекстуальности.

Борьба двух интеллектов (человеческого и машинного) закономерно ставит вопрос о необходимости их четкого разграничения по сферам использования (прежде всего машинного), а также суверенности, то есть независимости как друг от друга, так и от ряда внешних факторов. Машинный интеллект не должен подвергаться внешним воздействиям, дабы не подвергать сомнению свою беспристрастность (возможно это и есть одно из его главных качеств). Человеческий интеллект должен функционировать в условиях действующих реалий, свободных от галлюцинаций ИИ.

Какова сфера использования искусственного интеллекта? Чтобы ответить на этот вопрос, хотелось бы напомнить о том смысловом поле, в рамках которого можно было бы рассматривать эти сферы использования. Полагаем, что основное «яблоко раздора» лежит в сфере научного познания, ибо ИИ покушается на «святая святых» – науку. Научное познание уже обрело достаточно четкие контуры, помещающиеся в три уровня (типа) познания: эмпирический, теоретический и метатеоретический. Наименее дискуссионным местом «машинного мышления» является эмпирический уровень. В настоящее время искусственный интеллект способен к достаточно качественной аналитике, проявляющейся в сфере анализа в форме дифференциации научного знания. Определенный сегмент, связанный с анализом, может получиться весьма полезным, но синтез в исполнении машинного мышления «хромает». В этом сегменте методологическая компонента максимально оторвана от механистического восприятия. Здесь и человек использует этот инструментарий не всегда сознательно. На верхнем уровне мыслительной деятельности рефлексия приобретает гипертрофированные очертания. Иллюстрацией к этому служит мысль о том, что человек сначала достигает какого-либо результата и лишь потом задумывается над использованной им методологией.

Если вернуться к схеме «эмпирия – теория – метатеория», то место использования ИИ находится на эмпирическом уровне и «границе смыслов» между эмпирическим и теоретическим уровнями. Полагаем, что основная задача «человеческого мышления» заключается в обеспечении «чистоты» теоретического и метатеоретического знания. Сейчас появляется вал «научных» статей, написанных ИИ и лишь незначительно «причесанных» носителями человеческого разума. Это становится возможным в условиях, когда система «Антиплагиат» не распознает все без исключения вкрапления в тексты статей, написанные ИИ (данное явление можно назвать «туман науки»). Порой «авторы» и сами не понимают, что имеют дело с текстом, имеющим лишь видимость научности. Чтобы это понять, нужно провести большую научно-исследовательскую работу, то есть пройти достаточно длительный путь. Времени же, как известно, много не бывает, поэтому авторы, не дорожающие своей научной репутацией, идут на подобные ухищрения. Здесь возникают вопросы концептуальной безопасности [5].

В современной науке проблемы человеческого и машинного мышления пытаются решить посредством разработки концепции гибридной мыслительной деятельности (человек + ИИ). Целеполагание, контроль качества и интерпретация результатов в этой модели остается за человеком. При этом цели, благодаря возможностям ИИ (анализ больших

данных, многомерная оптимизация, прогнозирование сложных систем), могут быть более амбициозными. Но сама постановка целей становится более сложной, так как возникает необходимость учета возможностей и ограничений как человеческого мышления, так и машинного [6]. Более вариативно в этой сфере человеческое мышление, которое способно дополнять телеологию даже теологией [7, с. 150]. Мыслительная деятельность человека социально обусловлена. «Общественные процессы так или иначе влияют на позиции исследователей, даже если они стремятся от этого отойти», справедливо отмечает А. В. Корнев [8, с. 78]. Когнитивные процессы человека зависят от эмоционального состояния, что, с одной стороны, является недостатком человеческой мыслительной деятельности, а с другой – нередко становится источником ее креативности и адаптивности.

Методологическое мышление – это процесс применения высшей мыслетехники. Человеческое мышление должно быть независимо от «машинных оксюморонов». Полагаем, что возможна постановка вопроса о методологическом суверенитете. Изначально термин «суверенитет» был введен в науку для характеристики государства, но это не мешает его использованию применительно к различным сферам человеческого бытия. Наука не стоит на месте, расширяя сферу применения многих научных терминов. Самое главное при этом – сохранять основную смысловую нагрузку заимствованной терминологии.

Предложенная выше концепция взаимодействия человеческого и машинного мышления закономерно подводит к главному вопросу: как именно обретается и реализуется методологический суверенитет в рамках «уровневой» системы познания права и государства [9]? Ответ лежит не в плоскости запретов или тотального отторжения ИИ, а в уточнении функциональной асимметрии человека и машины в контексте трехуровневой системы «эмпирия – теория – метатеория».

1. Почему эмпирический уровень – зона риска, но не угрозы?

Машинное мышление эффективно в дифференциации, классификации, агрегации данных и выявлении статистических корреляций. Для правоведения это означает, что ИИ способен: анализировать судебную практику в большом объеме (это позволило использовать возможности ИИ даже Верховному Суду РФ при подготовке проекта постановления пленума «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [10]); выявлять устойчивые паттерны правоприменения; строить прогнозные модели юридических рисков. Однако эмпирический уровень в праве никогда не был самодостаточным. Сама по себе совокупность правовых позиций или статистика по делам не порождает ни правового принципа, ни доктрины. Юридический факт, лишенный теоретической рамки, – это «сырой» материал. Следовательно, использование ИИ на эмпирическом уровне не угрожает суверенитету именно потому, что человек сохраняет монополию на переход от эмпирии к теории. Проблема начинается там, где эмпирическая аналитика ИИ начинает симулировать теоретический вывод – выдавать корреляцию за причинность, а повторяемость за нормативную необходимость. Это и есть тот самый «туман науки», который разрывает логику уровневого познания.

2. Теоретический уровень – зона недопустимой имитации.

На теоретическом уровне познания права формируются понятия, конструкции, принципы и институциональные модели. Здесь используются такие методы познания, как анализ и синтез, идеализация, индукция и дедукция, аналогия, гипотеза и др. [11, с. 230]. На этом уровне доминирует рациональный коррелят, происходит не познание и фиксация явлений, а мысленное конструирование сущностей. В качестве последних можно рассматривать не только категорию «сущность права», но и глубинный анализ любых правовых категорий (правосубъектность, законный интерес, злоупотребление правом, разумный срок судопроизводства и т. п.). Такие конструкты не выводимы напрямую из эмпирии. Они не могут быть алгоритмизуемы в силу их довольно высокой степени абстракции и ценностно-смысловой природы. Проявление здесь методологического суверенитета означает запрет

на делегирование ИИ теоретической работы, даже в качестве «помощника». На теоретическом уровне ИИ допускается только как инструмент проверки логической связанности текста или поиска контраргументов в массивах доктрины, но не как участник теоретического синтеза.

3. Метатеоретический уровень – ядро суверенитета.

Метатеория права есть рефлексия над самим способом теоретизирования. Это мышление о мышлении, которое оперирует не правовыми нормами и даже не правовыми принципами, а методологическими рамками, парадигмами, типами правопонимания. Именно здесь методологический суверенитет обретает свое подлинное содержание. Это умозаключение уместно в связи с тем, что:

- во-первых, оценка того, является ли данная теория права «зрелой», а ее категории – рабочими, требует не расчета, а суждения;
- во-вторых, различие между методологически необходимым и случайным в научном тексте неразложимо на вероятности;
- в-третьих, понимание того, какой метод – диалектический, феноменологический, си-нергетический или иной – адекватен конкретной правовой реальности, есть акт не вычислительный, а рефлексивно-волевой.

ИИ на метатеоретическом уровне принципиально слеп. Он не способен различить, где перед ним подлинная методологическая инновация, а где – эклектичная имитация. Машинный «метаанализ» всегда будет подменять смысловую рефлексивную формальную классификацией.

Таким образом, методологический суверенитет – это способность научного сообщества самостоятельно определять, каким методам и на каком уровне научного познания доверять (определяя степень «зрелости» научной теории для использования в методологических целях и ее применимость в каждом конкретном случае), а также формировать школу методологической рефлексии, не зависящей от алгоритмических имитаций.

4. Институциональные измерения суверенитета: от рефлексии к политике.

Постановка вопроса о методологическом суверенитете неизбежно выходит за рамки чистой философии. Концептуальная безопасность, о которой мы уже упоминали, требует следующих институциональных решений:

- *стандартная экспертиза метода.* При оценке диссертаций, научных докладов, курсовых работ обязательным элементом должна стать отдельная рубрика «Описание использованной методологии и ее соответствие уровню познания». Сегодня методология нередко декларируется, но не работает;
- *внедрение «методологического фильтра» в научных журналах.* Рецензент должен оценивать не только формальную оригинальность текста и его соответствие теме, но и наличие следов *человеческой рефлексии* – нестандартных ходов мысли, внутренней диалогичности, авторской позиции, которые ИИ принципиально не генерирует;
- *обучение метатеоретическому мышлению как отдельной компетенции* – не курсу философии права, а именно технологиям работы с методом, включая различение эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней.

5. Гибридный интеллект как пространство контроля, а не утраты суверенитета.

Концепция гибридной мыслительной деятельности (человек + ИИ) не противоречит суверенитету, но лишь при условии установления следующего приоритета: не ИИ дополняет человека, а человек определяет границы допустимости использования ИИ. Иными словами, машинное мышление может работать *внутри* концептуальных рамок, заданных человеческим мышлением с присущей ему методологией, а не наоборот. На практике это означает следующее:

- ИИ помогает собрать и предобработать эмпирический материал для теоретического обобщения;

- ИИ тестирует гипотезу на контрпримерах;
- ИИ визуализирует логические связи.

Но целеполагание, критерии истинности, понятийная строгость и, что важнее всего, методологическая рефлексия остаются исключительной прерогативой человека.

В заключение хотелось бы отметить, что методологический суверенитет – это не защита от технологий, а защита *через осознанное разграничение*. «Уровневая» система познания права и государства дает сегодня единственный непротиворечивый способ такого разграничения: ИИ уместен и полезен на эмпирическом уровне и частично во вспомогательных операциях в процессе теоретического познания, но абсолютно несостоятелен на уровне метатеории. Утратить суверенитет можно не тогда, когда появится «сильный ИИ», а тогда, когда мы перестанем отличать имитацию мышления от мышления как движения смысла. Пока жива методологическая школа, где учат видеть невидимое и мыслить суть как таковую, методологический суверенитет можно рассматривать как важный ресурс научного мышления.

И последнее. В науке существуют и другие интересные подходы к пониманию методологического суверенитета [12]. Мы склонны рассматривать их как иные грани этого многогранного научного понятия. Полагаем, что научная дискуссия в этом направлении приведет к формированию теории суверенизации в сфере методологического знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимов О. С. Методология: сущность и события. М., 2007. 502 с.
2. Галлюцинации ИИ: проблема, которая продолжает беспокоить технологический мир. URL: <https://trust-ai.ru/news/otraslevye-novosti/gallyutsinatsii-ii-problema-kotoraya-prodolzhaet-bespokoit-tekhnologicheskij-mir/> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Шаханов В. В. Общая характеристика метатеории // Метатеория и методология права и правопорядка : моногр. / кол. авторов; под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук, профессора М. Л. Давыдовой. Владимир, 2023. 249 с.
4. Карпунина В. В. Контекстуальность как средство метатеоретического познания правовых явлений // Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2025. № 4 (32). С. 22–28.
5. Шаханов В. В. «Уровневая» система познания права как средство обеспечения его концептуальной и институциональной безопасности // Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире (политико-правовые и экономические аспекты) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2024. С. 519–524.
6. Матросов В. Три формы мыслительной деятельности. URL: <https://solidarno.ru/society/354-tri-formy-myslitelnoj-deyatelnosti-vitalij-matrosov.html> (дата обращения: 19.04.2026).
7. Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права // Lex russica. 2025. Т. 78, № 3. С. 142–151.
8. Корнев А. В. Право как часть социальных наук. Этический нормативизм среди иных концепций права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11 (77), № 1. С. 77–87.
9. Шаханов В. В. «Уровневая» система познания права как гносеологическая матрица юриспруденции // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 3. С. 18–31.
10. Орлов П. Верховный суд России применил ИИ при подготовке постановления пленума. URL: https://rg.ru/2026/04/21/verhovnyj-sud-rossii-primenil-ii-pri-podgotovke-postanovleniia-plenuma.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 02.05.2026).
11. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика : учеб. пособие для вузов. М., 1991. 383 с.
12. Гречишников С. Е. Методологический суверенитет России и гибридная мыслительная деятельность как ценность солидарного общества. URL: <https://solidarno.ru/society/363-metodologicheskij-suverenitet-rossii-i-gibridnaja-myslitelnaja-deyatelnost-kak-cennost-solidarnogo-obschestva.html> (дата обращения: 10.04.2026).

REFERENCES

1. Anisimov O.S. *Metodologiya: sushchnost' i sobytiya* [Methodology: essence and events]. Moscow, 2007. 502 p.
2. *Gallyutsinatsii II: problema, kotoraya prodolzhaet bespokoit' tekhnologicheskii mir* [Hallucinations of AI: a problem that continues to bother the technological world]. Available at: <https://trust-ai.ru/news/otraslevye-novosti/gallyutsinatsii-ii-problema-kotoraya-prodolzhaet-bespokoit'-tekhnologicheskii-mir/> (accessed April 19, 2026).
3. Shakhanov V.V. General characteristics of metatheory. In: Averin A.V., Davydova M.L. (Eds.). *Metateoriya i metodologiya prava i pravoporyadka: monogr.* [Metatheory and methodology of law and order: monograph]. Vladimir, 2023. 249 p. (In Russ.).
4. Karpunina V.V. Contextuality as a means of meta-theoretical cognition of legal phenomena. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2025, no. 4 (32), pp. 22–28. (In Russ.).
5. Shakhanov V.V. The “layered” system of legal cognition as a means of ensuring its conceptual and institutional security. In: *Problemy regional'noi i global'noi bezopasnosti v sovremennom mire (politiko-pravovye i ehkonomicheskie aspekty): materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems of regional and global security in the modern world (political, legal and economic aspects): proceedings of the International scientific and practical conference]. Moscow, 2024. Pp. 519–524. (In Russ.).
6. Matrosov V. *Tri formy myslitel'noi deyatel'nosti* [Three forms of mental activity]. Available at: <https://solidarno.ru/society/354-tri-formy-myslitelnoj-deyatelnosti-vitalij-matrosov.html> (accessed April 19, 2026).
7. Kornev A.V., Lazarev V.V. Teleological and theological meanings of the development of Russian law. *Lex russica = Russian Law*, 2025, vol. 78, no. 3, pp. 142–151. (In Russ.).
8. Kornev A.V. Law as part of the social sciences. Ethical normativism among other concepts of law. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2025, vol. 11 (77), no. 1, pp. 77–87. (In Russ.).
9. Shakhanov V.V. The “level-based” system of cognition of law as an epistemological matrix of jurisprudence. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 18–31. (In Russ.).
10. Orlov P. *Verkhovnyi sud Rossii primenil II pri podgotovke postanovleniya plenuma* [The Supreme Court of Russia applied AI in the preparation of the plenum resolution]. Available at: https://rg.ru/2026/04/21/verhovnyj-sud-rossii-primenil-ii-pri-podgotovke-postanovleniya-plenuma.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (accessed May 2, 2026).
11. Alekseev P.V., Panin A.V. *Teoriya poznaniya i dialektika: ucheb. posobie dlya vuzov* [Theory of cognition and dialectics: study guide for universities]. Moscow, 1991. 383 p.
12. Grechishnikov S.E. *Metodologicheskii suverenitet Rossii i gibridnaya myslitel'naya deyatel'nost' kak tsennost' solidarnogo obshchestva* [Methodological sovereignty of Russia and hybrid intellectual activity as a value of a solidary society]. Available at: <https://solidarno.ru/society/363-metodologicheskij-suverenitet-rossii-i-gibridnaya-myslitelnaya-deyatelnost-kak-tsennost-solidarnogo-obshchestva.html> (accessed April 10, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, shakhanov-vv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of the Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, shakhanov-vv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Статья поступила 14.05.20206

Научная статья

УДК 343.83

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.006

Правовые основы и современная практика поощрений сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Аннотация. В статье анализируются современные нормы служебного права, определяющие систему поощрений сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, описываются изменения, внесенные в ведомственные правовые акты. Также рассматриваются отдельные аспекты практики стимулирования служебно-профессиональной деятельности в учреждениях и органах УИС, оцениваются сложившиеся подходы. Автор формулирует предложения по совершенствованию правового регулирования системы поощрений на службе в УИС, подчеркивая необходимость установления четких параметров для применения материального стимулирования (премирования).

Ключевые слова: государственная служба; сотрудник; поощрение; премия; стимулирование служебной деятельности.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Моторова Н. В. Правовые основы и современная практика поощрений сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 44–50. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.006.

Original article

Regulatory Framework and Contemporary Practice of Incentive Mechanisms for Employees of the Russian Penitentiary System

NATAL'YA V. MOTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Abstract. The article analyzes modern norms of official law that define the incentive mechanism for employees of the Russian penitentiary system and describes the amendments made to departmental legal acts. It describes the practice of

stimulating professional activity in institutions and bodies of the penitentiary system and assesses current approaches. The author formulates proposals for improving the legal regulation of the incentive system in the penitentiary service, emphasizing the need to establish clear parameters for the application of financial incentives (bonuses).

Key words: public service; employee; encouragement; bonus; performance promotion.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Motorova N.V. Regulatory framework and contemporary practice of incentive mechanisms for employees of the Russian penitentiary system. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 44–50. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.006.

Эффективное решение задач, возложенных на уголовно-исполнительную систему Российской Федерации (УИС), и в конечном итоге достижение целей уголовного наказания во многом зависят от уровня мотивации персонала и особенностей стимулирования служебно-профессиональной деятельности. В связи с этим возникает необходимость глубокого анализа правовых оснований и порядка применения мер поощрения, которые в свою очередь играют важную роль в повышении профессионализма сотрудника.

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена определенными факторами. Во-первых, постоянное обновление и развитие общественных отношений порождают потребность в модернизации правовых основ системы поощрений, действующих в УИС. Данная логика вызывает обязательность периодической актуализации как самих правовых основ, так и регламента применения поощрительных механизмов. Во-вторых, важным аспектом является тот факт, что меры поощрения, предназначенные для стимулирования успешной работы сотрудника, часто не выполняют поставленную задачу ввиду сложившейся практики их применения. Указанные факторы подчеркивают своевременность и актуальность научного анализа данного института.

В целях стимулирования сотрудников к достойному исполнению служебного долга, а также укрепления служебной дисциплины в законодательстве о прохождении службы предусмотрены меры поощрения и дисциплинарные взыскания. Поощрительные меры являются действенным средством воспитания и активизации служебной деятельности сотрудников УИС.

В науке административного права поощрение рассматривается как один из методов государственного управления [1]. Одни авторы исследуют поощрение в качестве одного из проявлений убеждения [2], другие утверждают его самостоятельное значение [3].

Опираясь на многочисленные теоретические разработки, поощрение сотрудников УИС можно определить как совокупность форм мотивации персонала к добросовестному труду, выдающимся профессиональным достижениям и решению особо значимых задач. Их ключевая цель – побудить сотрудников к росту производительности и безупречному следованию служебному регламенту.

Поощрение несет в себе огромную смысловую нагрузку, так как отражает оценку эффективности служебной деятельности сотрудника, его значимость и роль в коллективе, где он проходит службу [4, с. 11]. Данный инструмент не просто стимулирует профессиональный рост и чувство долга у сотрудников, но и формирует корпоративную гордость, что в совокупности ведет к совершенствованию исполнения функций и достижению оперативных целей. Поощрительная практика содействует гармонизации отношений в коллективе, повышая степень доверительности и взаимоподдержки.

Меры поощрения сотрудников УИС представляют собой комплекс разнообразных способов признания достижения высоких результатов, значимых успехов в служебной деятельности и стимулирования добросовестного исполнения служебных обязанностей. При этом система нормативного регулирования мер поощрения сотрудников УИС является достаточно разнообразной и включает в себя конституционные гарантии, федеральное законодательство и ведомственные нормативные правовые акты.

Нормы Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее – Закон в службе в УИС) являются базовыми основами института поощрений сотрудников УИС. В соответствии со ст. 48 Закона о службе в УИС за добросовестное исполнение обязанностей и достигнутые высокие результаты в службе для сотрудников предусмотрены такие виды поощрений, как объявление благодарности, выплата денежной премии, награждение ценным подарком, награждение почетной грамотой ФСИН России, награждение ведомственными наградами, досрочное присвоение очередного специального звания, награждение огнестрельным или холодным оружием и др. Нормы закона определяют различные в своей видовой характеристике поощрения сотрудников УИС, в числе которых присутствуют виды, которые имеют достаточную материальную ценность, морально значимые награждения.

Механизмы, критерии применения мер поощрений определяются подзаконными нормативными правовыми актами. Так, процедура применения к сотрудникам УИС мер поощрения и порядок учета мер поощрения определены Приказом Минюста России от 12.09.2019 № 202 «Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Дисциплинарный устав). Отдельными ведомственными актами регламентируются критерии награждения различными наградами. Например, условия и порядок награждения почетной грамотой директора ФСИН России определяет Приказ ФСИН России от 05.04.2011 № 201 «О Почетной грамоте Федеральной службы исполнения наказаний и благодарности директора Федеральной службы исполнения наказаний»; основные положения по выплатам денежных премий закрепляются в Приказе ФСИН России от 16.08.2021 № 702 «Об утверждении Порядка выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Приказ № 702 о премиях); виды ведомственных наград и порядок их вручения устанавливает Приказ ФСИН России от 27.09.2019 № 871 «О ведомственных наградах Федеральной службы исполнения наказаний». При этом разработаны ведомственные нормативные правовые акты и в отношении других видов поощрений.

Анализ комплекса ведомственных приказов показывает, что правовые основы поощрительного производства в учреждениях и органах УИС постоянно совершенствуются, оставаясь в основе своей стабильным институтом. Так, Приказом Минюста России от 22.12.2025 № 353 «О внесении изменений в дисциплинарный устав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденный приказом Минюста России от 12.09.2019 № 202, и признании утратившими силу отдельных положений приказа Минюста России от 05.08.2021 № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»» внесены изменения, которые юридически закрепили «перенос» правил применения мер поощрения из одного ведомственного приказа в другой – Дисциплинарный устав. Это вполне закономерно, так как устраняет разделение, «дробление» процедурных норм одного института на два нормативных правовых акта. Фиксация норм о порядке применения мер поощрения и порядке их учета в одном ведомственном акте – Дисциплинарном уставе – восстанавливает логическую связь указанных положений с нормами о служебной дисциплине и способами ее обеспечения.

Вместе с тем при рассмотрении ведомственных нормативных правовых актов, содержащих формулировку «поощрение», мы встречаем Приказ ФСИН России от 26.12.2023 № 824 «Об утверждении Порядка установления поощрительных выплат за особые достижения в службе сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», которым устанавливаются различные процентные надбавки сотрудникам, имеющим спортивные звания, спортивные разряды; сотрудникам, имеющим ученую степень; сотрудникам, замещающим определенные должности (медицинских работников, начальников), и др., а также единовременные поощрительные выплаты по определенным случаям.

Основания для установления ежемесячных поощрительных выплат действительно относятся к значимым профессиональным достижениям, высоким этапам карьерного роста. Однако в списке поощрений, установленных Законом о службе в УИС, такого вида, как ежемесячные поощрительные выплаты, не предусмотрено. Думается, что перечень мер поощрения может быть дополнен указанным видом.

Эффективность дисциплинарной практики напрямую зависит от корректного, логичного правового регулирования системы поощрений в УИС и отлаженной, законной практики применения различных мер. Нормативные установки всегда задают определенные векторы развития практической деятельности, в том числе и в отношении поощрений на службе в УИС.

В данном ключе следует обратить внимание на правовое регулирование такого вида поощрения, как выплата денежной премии. На наш взгляд, в современном законодательстве переиначен, искажен смысл данного вида поощрения, четкой градации оснований, критериев его применения нет.

Согласно Приказу № 702 о премиях выделяются два вида премий. Премия за добросовестное выполнение служебных обязанностей (далее – премия) выплачивается ежемесячно, одновременно с выплатой денежного довольствия, и ее размер определяется из расчета трех окладов месячного денежного содержания в год. На основании приказа о наложении на сотрудника взыскания в виде строгого выговора, предупреждения о неполном служебном соответствии данная премия не выплачивается в месяце, следующем за месяцем наложения взыскания. Следовательно, законодательно закрепляется обязательная ежемесячная выплата, положенная практически всем сотрудникам, – премия. Критерий выплаты ежемесячной премии – не получать строгих взысканий. При таком подходе минимизируется эффективность данного вида премирования.

Второй вид премирования – денежные премии за достижение высоких результатов в служебной деятельности, за успешное выполнение особо сложных и важных задач (далее – денежная премия). Денежные премии выплачиваются по решению уполномоченного руководителя, их размер определяется в пределах средств, выделенных на обеспечение денежным довольствием сотрудников (за счет экономии денежных средств). Данный вид премирования более близок к методам поощрения, поскольку выступает инструментом стимулирования руководителем результативной деятельности сотрудников и позволяет персонально оценить качество работы каждого. Однако эффективность данного вида поощрения снижена отсутствием его финансового обеспечения – специально выделенных денежных лимитов для премирования. В силу начисления денежных премий за счет экономии денежных средств их размеры оставляют желать лучшего, и периодичность выплат в учреждениях и органах УИС различна.

По нашему мнению, необходима корректировка подходов к материальному поощрению сотрудников учреждений и органов УИС. Во-первых, необходимо внесение в ст. 48 Закона о службе в УИС изменений, нацеленных на включение в перечень поощрений такого вида, как ежемесячные поощрительные выплаты. Во-вторых, из Приказа № 702 о премиях должны быть исключены положения о премии и детализированы положения о денежных премиях (основания, критерии, периодичность выплаты и др.). В-третьих, ежемесячные вы-

платы под наименованием «премия» следует перевести в категорию стимулирующих выплат, внося соответствующие изменения в приказ ФСИН России от 26.12.2023 № 824. При этом следует определять размер ежемесячной выплаты исходя из показателей служебной деятельности, что позволит исключить уравнивания сотрудников в данном вопросе. Таким образом, на уровне правового регулирования должны быть четко разграничены текущие стимулирующие выплаты и поощрения в виде премий.

На основе правовых предписаний, регламентирующих процедуры применения различных поощрительных мер [5, с. 172–180], формируется определенная практика применения поощрений в отношении сотрудников учреждений и органов УИС, которая весьма разнообразна.

Основанием применения поощрения в отношении сотрудника УИС выступают как длящиеся действия (длительная и безупречная служба), так и единичные поступки (проявление героизма). Как правило, при документационном оформлении фактические основания поощрения выражают в виде нормативно установленных формулировок.

В рамках ведомственного поощрения компетентным субъектом выступает ФСИН России в лице директора, а дисциплинарное поощрение применяется руководителями органов и учреждений УИС. Если сотрудник награждается в рамках общего поощрения, то есть государственными наградами, то субъектами выступают органы государственной власти, уполномоченные должностные лица – Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и др. [5, с. 178].

Современную практику применения различных видов поощрений в учреждениях и органах УИС показывают данные, полученные в ходе опроса сотрудников кадровых подразделений. В 2025 г. в рамках обучения в ВИПЭ ФСИН России по дополнительной профессиональной программе – программе профессиональной переподготовки «Организация кадровой работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» был проведен опрос сотрудников кадровых подразделений учреждений и органов УИС (количество респондентов – 20) о реализации мер поощрений в отдельных учреждениях или управлениях ФСИН России по субъектам, который позволил выявить определенные тенденции в применении различных видов наградений.

Во-первых, наблюдается преобладание дисциплинарных мер поощрения над ведомственными наградами и тем более общими. Например, в УФСИН России по Тверской области в 2025 г. правами начальника УФСИН России и подведомственных ему учреждений сотрудники поощрялись 1438 раз, в том числе 299 раз применялось снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания, а правами директора ФСИН России поощрены и награждены 392 работника. В исправительной колонии № 11 ГУФСИН России по Челябинской области правами руководителей территориального органа и колонии поощрены 83 сотрудника, а ведомственной наградой удостоились 6 сотрудников. В исправительной колонии № 6 УФСИН России по Кировской области аналогичная ситуация: сотрудники поощрялись 692 раза, награждение ведомственными наградами производилось 4 раза. Думается, что преобладание дисциплинарных мер поощрения обеспечивается, прежде всего, за счет премирования, поскольку данный вид применяется в учреждениях и органах УИС ежеквартально.

Во-вторых, в ведомственных наградах преобладают положенные по сроку службы награды – медали «За отличие в службе» I, II, III степеней. Например, из 28 сотрудников главного центра инженерно-технического обеспечения и связи ФСИН России, награжденных ведомственными наградами, 21 сотрудник получил указанные медали.

В-третьих, в системе наградений в учреждениях и органах УИС количественно преобладает материальное стимулирование – премирование сотрудников. Среди нематериальных видов поощрений преобладает такая разновидность, как объявление благодарности. Например, к ноябрю 2025 г. в исправительной колонии № 9 УФСИН России по Новгородской области выплата денежной премии как поощрение сотрудникам применялась 120 раз, объ-

явление благодарности – 24 раза, занесение фамилии сотрудника на доску почета – один раз, 14 сотрудников получили ведомственные награды.

Преобладание на практике применения мер материального стимулирования отражает современное состояние кадрового и финансового обеспечения российской пенитенциарной системы. Высокий уровень некомплекта личного состава, с одной стороны, позволяет аккумулировать финансовые ресурсы на премирование сотрудников, с другой – компенсирует их повышенную нагрузку. Посредством премирования также пытаются решить проблемы девальвации денежного довольствия сотрудников УИС, удержания конкурентоспособности профессии на рынке труда.

Таким образом, система поощрений сотрудников УИС, являясь живым профессионально-общественным образованием, функционирует и развивается с учетом особенностей текущего развития общества и государства. При этом эффективность данной системы может быть повышена за счет совершенствования правовых и организационных основ.

Совершенствование правовых оснований и практики применения мер поощрения в отношении сотрудников УИС возможно в следующих направлениях:

1) разработка и внедрение детальных, измеримых критериев для каждого вида поощрения (особенно, премирования) с обязательным их отражением в нормативных правовых актах, возможно локальных;

2) обязательное предварительное рассмотрение всех представлений к значимым наградам на заседании общественной или аттестационной комиссии с протоколированием мнений;

3) внедрение системы публичной отчетности в учреждениях и органах УИС – опубликование (во внутренних сетях) приказов о награждении с кратким, но конкретным обоснованием заслуг каждого сотрудника.

Также возможно введение дисциплинарной ответственности для руководителей, неоднократно представляющих к награде сотрудников с нарушением процедуры или необоснованно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волкова В. В. Поощрительная политика в отношении государственных гражданских и муниципальных служащих: вопросы правового регулирования // Общество: политика экономика право. 2020. № 7 (84). С. 31–34.
2. Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 68–78.
3. Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность (сущность, применение и эффективность административных взысканий). Л., 1975. 251 с.
4. Корнилов А. А. Организация и правовые основы функционирования органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по формированию мотивации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань 2009. 27 с.
5. Государственная служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. О. В. Дербиной. Вологда, 2024. 330 с.

REFERENCES

1. Volkova V.V. Incentive policies for state civil and municipal employees: issues of legal issues. *Obshchestvo: politika ehkonomika pravo* Society: Politics, Economics, Law, 2020, no. 7 (84), pp. 31–34. (In Russ.).
2. Bakhrakh D.N. Encouragement in the activities of public administration. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2006, no. 7, pp. 68–78. (In Russ.).

3. Popov L.L., Shergin A.P. *Upravlenie. Grazhdanin. Otvetstvennost' (sushchnost', primeneniye i ehffektivnost' administrativnykh vzyskaniy)* [Management. Citizen. Responsibility (the essence, application and effectiveness of administrative penalties)]. Leningrad, 1975. 251 p.
4. Kornilov A.A. *Organizatsiya i pravovye osnovy funktsionirovaniya organov i uchrezhdenii Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii po formirovaniyu motivatsii sluzhebnoi deyatel'nosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Organization and legal foundations of the functioning of bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service to form motivation for the professional activities of employees of the penitentiary system: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2009. 27 p.
5. *Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie* [Public service in the penal system of the Russian Federation: study guide]. Ed. by Derbina O.V. Vologda, 2024. 330 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МОТОРОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

NATAL'YA V. MOTOROVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, motorowa-nw@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-6399>

Статья поступила 06.05.2026

Научная статья

УДК 342.95

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.007

Нормативные регуляторные процедуры в сфере публичного управления

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Аннотация. Статья посвящена проблемам классификации видов административно-процессуальной деятельности органов публичной власти в современных условиях. Автор обосновывает выводы о том, что по виду нормативного регулирования (нормативная классификация) нормативные административные процедуры делятся на две крупные разновидности: нормативные процедуры, устанавливаемые органами государственной власти и местного самоуправления, и нормативные процедуры, устанавливаемые саморегулируемыми организациями. При этом в условиях общих тенденций расширения практики применения инструментов децентрализации публичного управления роль и значение процедур, устанавливаемых саморегулируемыми организациями, будет возрастать и охватывать новые сферы публичного управления.

Ключевые слова: административный процесс; административные процедуры; саморегулируемые организации.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Нормативные регуляторные процедуры в сфере публичного управления // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 51–58. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.007.

Original article

Regulatory Procedures in Public Administration

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract. The article is devoted to the problems of classifying types of administrative and procedural activities of public authorities in modern conditions. The author substantiates the conclusions that, according to the type of normative regulation (regulatory classification), regulatory administrative procedures are divided into two major varieties: regulatory procedures established by public authorities and local governments, and regulatory procedures established by self-regulatory organizations. At the same time, against the backdrop of a broader shift toward decentraliza-

tion in public administration, procedures established by self-regulatory organizations will gain in importance and extend into new areas of governance.

Key words: administrative process; administrative procedures; self-regulating organizations.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V. Regulatory procedures in public administration. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 51–58. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.007.

Позитивные административные процедуры в сфере публичного управления нормативного характера, закрепляющие порядок осуществления позитивной управленческой деятельности органов публичной власти и их должностных лиц, могут быть классифицированы по различным основаниям [1].

По нормативному критерию, а точнее по виду нормативного регулирования (нормативная классификация), нормативные административные процедуры возможно разделить на две основные категории: нормативные процедуры, устанавливаемые органами государственной власти и местного самоуправления, и нормативные процедуры, устанавливаемые саморегулируемыми организациями.

Первый и наиболее значительный сегмент позитивного административно-управленческого процесса занимают именно нормативные регуляторные процедуры органов государственной власти и местного самоуправления [2], которые формализуют их деятельность в области разработки нормативных правовых актов, а также непосредственно устанавливают процедурные правила осуществления правоприменительной деятельности в различных сферах публичного управления.

Под функциями по принятию нормативных правовых актов понимается издание на основании и во исполнение Конституции РФ федеральных конституционных законов, федеральных законов, обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами, правил поведения, распространяющихся на неопределенный круг лиц [3].

В настоящее время в органах исполнительной власти, наделенных полномочиями по нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности, действуют сложные комплексные внутренние административные регламенты. Например, в системе федеральных министерств приняты внутренние нормативные правовые акты (приказы), определяющие структуру и штатное расписание ведомств (центрального аппарата и региональных органов), полномочия руководителей, осуществление государственного контроля (надзора), предоставление государственных услуг, а также внутриорганизационные процедуры в области планирования и организации работы, подготовки управленческих решений, исполнения поручений, взаимодействия с иными исполнительными, законодательными и судебными органами власти Российской Федерации и иностранных государств, работы с обращениями граждан, оборота информации и др. Особое место в данных регламентах отведено установлению порядка подготовки и принятия нормативных правовых актов при осуществлении нормативного регулирования в установленной сфере деятельности, а также законопроектной деятельности [4; 5].

Федеральные органы исполнительной власти – федеральные министерства либо иные органы, обладающие полномочиями и выполняющие функции федерального министерства, осуществляют издание нормативных правовых актов (например, в соответствии с п. 2 ст. 9 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 11.08.2003 № 960, ФСБ России для решения основных

задач самостоятельно осуществляет в пределах своих полномочий нормативно-правовое регулирование и участвует в разработке и реализации государственных программ).

Общий порядок реализации полномочий на издание того или иного нормативного правового акта или группы актов установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации».

Нормативные правовые акты издаются на основе и во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции.

Подготовка проектов нормативных правовых актов происходит в соответствии с планами на очередной календарный год, которые ежегодно утверждают руководители федеральных органов исполнительной власти.

Внесение изменений в планы осуществляется по согласованию с заместителями Председателя Правительства Российской Федерации, в обязанности которых входит координация вопросов деятельности соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

Планы и информация о внесении в них изменений размещаются на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти в Интернете в течение пяти дней со дня внесения изменений.

Методические указания по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти утверждает Министерство юстиции Российской Федерации.

Руководители федеральных органов исполнительной власти несут персональную ответственность за несоблюдение требований постановления.

Органы исполнительной власти обладают значительными полномочиями в области принятия административных нормативных правовых актов, предусматривающих административные процедуры [6]. Например, в настоящее время динамично развивается практика регулирования предоставления государственных услуг, перечень которых постоянно расширяется. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.07.2021 № 1228 (ред. от 28.12.2024) «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации регламенты в сфере государственных услуг представляют собой нормативные правовые акты, которые устанавливают сроки и последовательность административных процедур при предоставлении государственных услуг.

Данные регламенты разрабатываются федеральными органами исполнительной власти и органами государственных внебюджетных фондов в соответствии с федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также с учетом решений правительственных координационных органов. Основной целью разработки административных регламентов в сфере оказания государственных услуг являются установления единых стандартов предоставления государственной услуги, оптимизация и повышение качества ее предоставления.

Также в настоящее время большое внимание со стороны органов публичной власти уделяется вопросам нормативного регулирования в сфере осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [7]. В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (над-

зоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступил в силу с 01.01.2026) органы публичной власти наделены полномочиями по нормативному правовому регулированию отношений, возникающих в связи с организацией и осуществлением государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Важной вехой в развитии современной системы нормативного правового регулирования в сфере государственного контроля (надзора) стало принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступил в силу с 01.06.2025), в соответствии с которым определены правовые и организационные основы установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы (обязательные требования).

В ряде случаев, определенных законодательством, государственный контроль (надзор), муниципальный контроль в отдельных сферах может осуществляться на основании федеральных законов, актов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, муниципальных нормативных правовых актов.

В системе публичного управления предусмотрено большое количество специальных видов контрольных и надзорных процедур, урегулированных отдельными законодательными и подзаконными актами. Дальнейшее развитие данного направления административно-процедурной деятельности связано с проведением цифровизации [8] и предусматривает создание так называемых калькуляторов рисков для автоматизированного расчета категории риска, которые позволят рассчитать обоснованность проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий. Планируется доработать системы категорирования объектов контроля с учетом индивидуальных характеристик объектов контроля и определения возможностей снижения категорий риска при соответствии критериям добросовестности. Развитие системы контрольно-надзорной деятельности предполагает создание и использование специального реестра, увеличение количества индикаторов риска, внедрение механизма рейтингования объектов контроля, совершенствование законодательства об административной ответственности в части контрольной (надзорной) деятельности и пр. [9].

Обширными полномочиями в сфере нормативного правового регулирования обладают и органы местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» целью муниципального нормотворчества является принятие актов, которые эффективно регулируют правовые отношения в сфере местного самоуправления, отвечают потребностям развития муниципальных образований, учитывают общественные интересы и не противоречат действующему законодательству. Указанный закон устанавливает общие процедурные требования по разработке и принятию нормативных правовых актов местного самоуправления, включая стадии оценки целесообразности и необходимости принятия нормативного правового акта, разработки его концепции, обоснования, подготовки и проведения публичных слушаний, оформления проекта и внесения изменений, принятия, официального опубликования и вступления в силу [10].

Второй крупный сегмент позитивного административно-управленческого процесса образуют нормативные процедуры, устанавливаемые саморегулируемыми организациями (процедуры саморегулируемых организаций). В зарубежной литературе саморегулирование рассматривается как порученное или переданное на аутсорсинг регулирование.

Принципал (орган публичной власти) поручает агенту (саморегулируемой организации, компании, корпорации) разработку правил для достижения целей (как абстрактных, так и конкретных), необходимых принципалу. Разработанные таким образом правила призваны повысить уровень координации управленческой деятельности или выполнения задач агентом, а также служат доказательством того, что агент сделал все возможное для достижения управленческих целей принципала [11]. Кроме того, саморегулирование рассматривается и как средство добровольного принятия саморегулируемыми организациями ограничений своей деятельности в пределах уже предоставленной им административной дискреции со стороны органов публичной власти. При этом разработка саморегулируемой организацией правил и стандартов предпринимательской или профессиональной деятельности может охватывать как материальную (правила, стандарты), так и процессуальную составляющие (процедуры, регламенты) [12].

Позитивное административно-управленческое регулирование саморегулируемых организаций, таким образом, осуществляется через инструменты нормативного регулирования, посредством которых и создаются процедуры саморегулируемых организаций. Данные процедуры во многом схожи с административными процедурами, применяемыми органами государственной власти и местного самоуправления в рамках традиционного нормативного правового регулирования, но осуществляются субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности. Такие административные процедуры в соответствии с Федеральным законом от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» используются при разработке и установлении стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности, а также при осуществлении контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

В настоящее время в России наблюдается положительная динамика в развитии саморегулируемых организаций (СРО). В ряде направлений публичного управления, в механизме публичного управления которых активно функционируют СРО, регулирование осуществляется на основе специальных законодательных актов, например:

- в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства СРО создаются на основе градостроительного законодательства (глава 6.1. Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025));

- в области пожарной безопасности для осуществления регулирования и контроля деятельности компаний и индивидуальных предпринимателей, занимающихся проведением работ и оказанием услуг в сфере пожарной безопасности, в том числе монтажом средств и систем предупреждения и предотвращения пожара, а также пожарно-технических средств [13];

- в области энергетического обследования (энергоаудита) для сбора и анализа сведений о расходовании энергоресурсов на объектах, оценки энергоэффективности объектов с занесением информации в энергопаспорт, проверки инженерных коммуникаций на объектах теплоэнергетики, водоснабжения и отведения сточных вод, а также составления списка мер, необходимых для повышения энергоэффективности инженерных сетей [14];

- в области аудиторской деятельности для представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов членов, обеспечения условий осуществления аудиторской деятельности, поддержания высокого профессионального уровня аудиторской деятельности в общественных интересах, которой присвоен статус саморегулируемой организации аудиторов [15];

- в области деятельности арбитражных управляющих для регулирования и обеспечения их деятельности [16];

– в области финансовых рынков, деятельности кредитных организаций и бюро кредитных историй [17] и др.

В условиях общих тенденций расширения практики применения инструментов децентрализации публичного управления роль и значение СРО будут возрастать и охватывать новые сферы публичного управления. При этом значительно увеличится сегмент процедур, которые будут определять требования к участникам СРО (в том числе меры дисциплинарного воздействия), образовывать третейские суды для разрешения споров в рамках деятельности СРО, осуществлять анализ деятельности членов СРО, представлять интересы членов СРО в их отношениях с органами государственной власти и органами местного самоуправления, организовывать профессиональное обучение и аттестацию работников членов СРО, сертифицировать произведенные членами СРО товары (работы, услуги), обеспечивать информационную открытость деятельности участников СРО и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сущность, формы и методы реализации исполнительной власти : учеб. пособие для магистратуры по направлению подготовки «Юрист в сфере государственного управления» / Я. В. Васильева, С. В. Ведяшкин, А. М. Кононов [и др.]. Вологда, 2019. 163 с.
2. Нагорных Р. В., Васильева Я. В. Нормы административно-деликтного права в системе российского права и законодательства // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 3 (38). С. 84–90.
3. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. Ст. 245.
4. Об утверждении Регламента Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста России от 02.08.2023 № 207 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2023).
5. Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 14.11.2022 № 855 (ред. от 27.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2023).
6. Административное принуждение : учеб. пособие / Н. В. Анискина, С. А. Старостин, Р. В. Нагорных [и др.]. Вологда, 2024. 241 с.
7. Административная юрисдикция : учеб. пособие / О. В. Дербина, С. В. Завитова, А. М. Колосков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда, 2019. 166 с.
8. Караваева Ю. И. Современные цифровые технологии и проблема обеспечения прав человека // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9 (133). С. 170–176.
9. Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 745-р (ред. от 17.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 285.
10. Методические рекомендации по подготовке муниципальных нормативных правовых актов / авт.-сост.: Атагимова Э. И., Макаренко Т. Н., Рыбакова О. С., Сарапкина Е. Н. М., 2018. 136 с.
11. De Sousa Mendes P. Responsive Regulation, Enforced Self-regulation, and Corporate Liability // Crim Law Forum. 2022. Vol. 33. Pp. 285–321. URL: <https://doi.org/10.1007/s10609-022-09445-5> (дата обращения: 10.01.2026).
12. Magill E. Agency Self-Regulation // George Washington Law Review. January 01 2009. P. 865. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3858&context=faculty_scholarship (дата обращения: 09.01.2026).
13. О пожарной безопасности : федер. закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649.
14. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 48. Ст. 5711.

15. Об аудиторской деятельности : федер. закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.
16. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
17. О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка : федер. закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4349.

REFERENCES

1. Vasil'evaYa.V., VedyashkinS.V., Kononov A.M. et al. *Sushchnost', form y imetody realizatsii ispolnitel'noi vlasti: ucheb. posobie dlya magistratury po napravleniyu podgotovki "Yurist v sfere gosudarstvennogo upravleniya"* [The essence, forms and methods of implementing executive power: study guide for the master's degree in the field of "Lawyer in public administration"]. Vologda, 2019. 163 p.
2. Nagornyykh R.V., Vasil'evaYa.V. Rules of administrative and tort law in the system of Russian law and legislation. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2020, no. 3 (38), pp. 84–90. (In Russ.).
3. On the system and structure of federal executive authorities: Decree of the President of the Russian Federation No. 314 of March 9, 2004 (as amended on March 27, 2023). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2004. No. 11. Art. 245. (In Russ.).
4. On approval of the Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation: order of the Ministry of Justice of Russia No. 207 of August 2, 2023. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru>. (In Russ.). (Accessed August 4, 2023).
5. On approval of the Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 855 of November 14, 2022 (as amended on November 27, 2023). *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (In Russ.). (Accessed April 25, 2023).
6. Aniskina N.V., Starostin S.A., Nagornyykh R.V. et al. *Administrativnoe prinuzhdenie: ucheb. posobie* [Administrative coercion: study guide]. Vologda, 2024. 241 p.
7. Derbina O.V., Zavitova S.V., Koloskov A.M. et al. *Administrativnaya yurisdiksiya: ucheb. posobie* [Administrative jurisdiction: study guide]. Vologda, 2019. 166 p.
8. Karavaeva Yu.I. Modern digital technologies and the problem of ensuring human rights. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2025, no. 9 (133), pp. 170–176. (In Russ.).
9. On approval of the Concept for improving control (supervisory) activities up to 2026: decree of the Government of the Russian Federation No. 745-r of December 21, 2023 (as amended on June 17, 2024). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2024. No. 1 (Part IV). Art. 285. (In Russ.).
10. *Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov* [Methodological recommendations for the preparation of municipal regulatory legal acts]. Comp. by Atagimova E.I., Makarenko T.N., Rybakova O.S., Sarapkina E.N. Moscow, 2018. 136 p.
11. De Sousa Mendes P. Responsive regulation, enforced self-regulation, and corporate liability. *Crim Law Forum*, 2022, vol. 33, pp. 285–321. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10609-022-09445-5> (access January 10, 2026).
12. Magill E. Agency self-regulation. *George Washington Law Review*, January 1, 2009, p. 865. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3858&context=faculty_scholarship (access January 9, 2026).
13. On fire safety: Federal Law No. 69-FZ of December 21, 1994 (as amended on July 7, 2025). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1994. No. 35. Art. 3,649. (In Russ.).
14. On energy conservation and energy efficiency improvement and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law No. 261-FZ of November 11, 2009 (as amended on July 31, 2025). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2009. No. 48. Art. 5,711. (In Russ.).

15. On auditing: federal law No. 307-FZ of December 30, 2008 (as amended on December 26, 2024). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2009. № 1. St. 15. (In Russ.).

16. On insolvency (bankruptcy): federal law No. 127-FZ of October 26, 2002 (as amended on December 29, 2025). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2002. No. 43. Art. 4,190. (In Russ.).

17. On Self-regulatory organizations in the financial market: federal law No. 223-FZ of July 13, 2015 (as amended on July 10, 2023). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4,349. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 23.01.2026

Научная статья

УДК 342

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.008

Участие общественности в профилактике безопасности дорожного движения

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТАРАСОВА

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, tarasovairina2@rambler.ru

Аннотация. Сфера дорожного движения сопряжена с многочисленными рисками (дорожные, инфраструктурные, транспортные, социальные), которые необходимо предупреждать. Среди основных направлений реализации государственной политики по обеспечению безопасности дорожного движения можно выделить стимулирование законопослушного поведения участников дорожного движения, направленного на безусловное выполнение всех норм и правил в данной сфере, а также рассмотрение законодательных инициатив по допуску граждан к контролю за безопасностью дорожного движения посредством применения современных информационных ресурсов, позволяющих сотрудникам Госавтоинспекции использовать информацию, поступившую от граждан. Привлечение к профилактике безопасности дорожного движения граждан, общественных объединений (формирований) и других субъектов взаимодействия в настоящее время является одним из наиболее значимых направлений в этой сфере. Анализ результатов проведенной в данном направлении работы свидетельствует об эффективном ее влиянии на повышение уровня защищенности населения от дорожно-транспортных происшествий, а также актуальности дальнейшего развития подобных инициатив.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия; общественность; профилактика безопасности дорожного движения; правила дорожного движения; участники дорожного движения.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Тарасова И. А. Участие общественности в профилактике безопасности дорожного движения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 59–63. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.008.

Original article

Public Participation in Road Safety Prevention

IRINA A. TARASOVA

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, tarasovairina2@rambler.ru

Abstract. Road traffic is associated with numerous risks (road, infrastructure, transport, and social ones) that need to be prevented. The principal directions for implementing state road safety policy are the following: encouraging law-abiding conduct and strict adherence to traffic regulations among road users; as well as advancing legislative proposals that would enable citizens to engage in road safety oversight. This citizen involvement would be facilitated through modern digital platforms, allowing state traffic inspectorate officers to utilize crowdsourced information in their enforcement efforts. The involvement of citizens, public associations (formations) and other subjects of interaction in the prevention of road safety is currently one of the most significant areas in this area. The analysis of the outcomes demonstrates a tangible positive effect on public protection from road accidents, underscoring the continued relevance of expanding these initiatives.

Keywords: traffic accidents; the public; prevention of road safety; traffic rules; road users.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Tarasova I.A. Public participation in road safety prevention. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 59–63. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.008.

Одной из угроз национальной безопасности в публичной сфере являются правонарушения в сфере безопасности дорожного движения. При этом ежедневно участниками дорожного движения в качестве водителя, пешехода или пассажира становится большое количество людей, в том числе дети, люди с ограниченными возможностями здоровья, взрослое население страны.

Как известно, основной причиной дорожно-транспортных происшествий (ДТП) является нарушение правил дорожного движения (ПДД), а основными виновниками становятся водители автотранспортных средств.

В течение последних пяти лет в Российской Федерации наблюдается колоссальный рост административных правонарушений в области дорожного движения. Так, например, в 2023 г. было возбуждено 247,9 млн дел об административных правонарушениях, из них 240,1 млн дел об административных правонарушениях относятся к области безопасности дорожного движения. Указанные статистические данные особенно впечатляют, если учесть, что в Российской Федерации население 146 млн чел., а количество автотранспорта – 54 млн единиц, в том числе легковых автомобилей – 86 %. Соответственно, большая часть административных правонарушений является рецидивом [1].

Согласно официальной статистике за 2025 г. на территории Российской Федерации произошло 162 185 дорожно-транспортных происшествий, что на 4,6 % ниже, чем за 2024 г., но при этом наблюдается увеличение количества ДТП с участием водителей, находящихся в состоянии опьянения, также увеличилось и число погибших в такого рода ДТП [2].

Административные наказания в сфере обеспечения безопасности дорожного движения являются способом реагирования на правонарушения и профилактикой, побуждая граждан к правомерному поведению на дороге. Установленной системой наказаний законодатель оказывает определенное воздействие на моральные качества участников дорожного движения, которые должны осознавать значимость соблюдения ПДД.

Анализ судебной практики показывает, что не всегда наказания бывают соразмерными совершенным правонарушениям, это порой вызывает общественный резонанс [3]. Отчасти данная проблема возникает, ввиду того что КоАП РФ не содержит термина «малозначительность правонарушения». При этом в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 указано, что следует считать малозначительным административным правонарушением. В постановлении также отмечается, что ряд право-

нарушений недопустимо признавать малозначительными, потому что они значительно нарушают охраняемые общественные отношения [3].

При этом важно, чтобы система административной ответственности реализовывалась на принципах справедливости и соразмерности правонарушения и наказания, именно тогда она будет стимулировать участников дорожного движения к соблюдению ПДД, а не вызывать общественное недовольство системой государственного управления.

Система мер административной ответственности выступает как элемент общегосударственной системы обеспечения безопасности дорожного движения, среди которых отдельная роль отводится организационным социально-экономическим, воспитательным, техническим и другим вопросам. Однако можно сказать, что не все элементы системы идеальны, в том числе и система мер административной ответственности, которая требует корректировки в части определения малозначительности, чтобы должностные лица более активно применяли нормы данного института, при этом адекватно оценивая последствия правонарушения. Положительным является более широкое применение обязательных работ взамен административного ареста или штрафа, первый из которых вовлекает лицо в негативную среду спецприемника, а второй недоступен для людей с низким доходом.

Как представляется, для достижения эффективных результатов в области обеспечения безопасности дорожного движения требуется в полной мере привлекать все имеющиеся инструменты воздействия, в том числе и возможности органов власти, экспертных сообществ, средств массовой информации, общественных организаций и простых граждан. И такие инициативы в последние годы вполне успешно реализуются на практике.

Например, в Республике Марий Эл по предложению членов движения «Дорога для трезвых» в дежурной части УГИБДД создана «горячая линия» «Нетрезвый водитель», на которую любой гражданин может анонимно сообщить информацию о подозрении на управление транспортным средством лицом в состоянии опьянения [2].

В Омской области необходимая информация о розыске транспортных средств, а также граждан, подозреваемых в совершении преступлений, передается на выделенном канале, затем представители служб такси дублируют ее на своих каналах. Обратная связь осуществляется в таком же порядке. В течение нескольких минут оповещаются более тысячи водителей такси.

С октября 2025 г. в Кирове и 14 районах области работает общественное движение «Ночной патруль», активисты которого в среднем два раза в неделю (в ночь с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье) в составе 15–18 патрулей (по 2 человека в каждом) выходят на службу совместно с сотрудниками ДПС.

В Севастополе УГИБДД организовано взаимодействие с общественной организацией «Дорожный контроль – Севастополь». При выявлении водителя, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, активисты движения в телефонном режиме передают информацию в дежурную часть роты ДПС, при этом осуществляют сопровождение данного транспортного средства до остановки сотрудниками полиции. В результате действия членов данной общественной организации нарядам ДПС за восемь месяцев 2025 г. удалось задержать 35 водителей, управлявших автомобилем в нетрезвом состоянии [2].

Следует также отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации довольно результативным является взаимодействие правоохранительных органов с представителями добровольных народных дружин (ДНД). Так, в Удмуртии в настоящий момент штат ДНД «Дорожный патруль» составляет 187 сотрудников, для сравнения: численность строевых подразделений ДПС республики составляет 462 сотрудника. Члены дружины оказывают помощь при несении службы с передвижными комплексами автоматической фиксации, при проведении профилактических мероприятий, а также мероприятий, предусматривающих массовое пребывание граждан. В текущем году в Удмуртской Республике по сообще-

ниям, полученным от сотрудников ДНД, пресечено 88 административных правонарушений, связанных с управлением транспортными средствами лицами с признаками опьянения [2].

В некоторых городах и районах Кемеровской области с февраля 2025 г. функционирует ДНД «Общественный автоинспектор» общей численностью 279 чел. С участием членов данного формирования в текущем году нарядами ДПС пресечено более тысячи нарушений ПДД [2]. Законодательное оформление деятельности народной дружины позволяет в полной мере привлекать членов общественного объединения к надзору за безопасностью дорожного движения в составе нарядов ДПС.

Как показывает практика, совместная деятельность сотрудников Госавтоинспекции и общественности (активных граждан, объединений, формирований) по выявлению, пресечению и профилактике правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения приносит ощутимые результаты. Так, из выявленных в текущем году 477,5 тысяч водителей с признаками опьянения практически каждый пятнадцатый был установлен при помощи информации, полученной от граждан и представителей общественных организаций [2].

Вместе с тем в некоторых регионах нашей страны работа по привлечению общественности к вопросам профилактики правонарушений в области безопасности дорожного движения слабо популяризирована. Прежде всего, речь идет о республиках Крым, Дагестан, Ингушетия, где информация о нарушениях водителями ПДД в органы внутренних дел от граждан практически не поступает.

Особое внимание данному вопросу было уделено Президентом Российской Федерации, который отметил, что «к процессам профилактики ДТП необходимо широко привлекать средства массовой информации, общественность, использовать возможности интернета. Все это особо действенно на региональном и муниципальном уровнях» [4].

Одним из наиболее перспективных и значимых проектов участия граждан в профилактике нарушений ПДД на сегодняшний день является проработка вопроса по созданию мобильного приложения – «Народный Инспектор». На сегодняшний день разработан проект федерального закона, предусматривающий возможность фиксации гражданами, зарегистрированными на едином портале государственных и муниципальных услуг, отдельных нарушений правил дорожного движения при помощи специальных мобильных приложений. Сведения из указанного приложения должны поступать в центры автоматической фиксации нарушений ПДД, где в отношении собственника транспортного средства без составления протокола планируется выносить постановления о привлечении к административной ответственности.

Об этом Президенту Российской Федерации на Совете по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 сентября 2025 г. доложено Министром внутренних дел Владимиром Александровичем Колокольцевым [4]. Основной целью такого взаимодействия является создание атмосферы, в которой каждый водитель осознавал бы, что он является объектом постоянного внимания и контроля со стороны всех участников дорожного движения и что в случае совершения им правонарушения при отсутствии рядом сотрудников полиции и средств фотофиксации такая информация без внимания не останется [4].

Проведенное исследование позволяет констатировать следующее:

1. Несмотря на достигнутые положительные результаты по снижению уровня аварийности, количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях остается неоправданно высоким. Системы мер административной и даже уголовной ответственности не всегда способны дисциплинировать участников дорожного движения.

2. Для достижения эффективных результатов в области обеспечения безопасности дорожного движения и профилактики дорожно-транспортных происшествий, снижения их роста требуется привлечение общественности в лице граждан с активной позицией (в том числе водителей общественного транспорта, такси, дальнобойщиков, работников частных

охранных предприятий, обслуживающего персонала придорожных объектов сервиса), органов власти и самоуправления, общественных объединений, общественных формирований, средств массовой информации, известных блогеров и т. п.

3. В последние годы привлечению общественности к профилактическим мероприятиям в сфере обеспечения безопасности дорожного движения уделяется серьезное внимание на самом высоком уровне [4]. И это вселяет надежду, что данная тенденция будет только усиливаться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году : информ.-аналит. обзор / Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. М., 2024. 120 с.
2. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Аварийность на дорогах России. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 10.12.2025).
3. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 // Российская газета. 2005. 19 апр.
4. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // МВД России : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/62189090> (дата обращения: 10.12.2025).

REFERENCES

1. Bakanov K.S., Lyakhov P.V., Isaev M.M. et al. *Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2023 godu: inform.-analit. obzor* [Law enforcement activities in the field of road safety in 2023: information and analytical review]. Moscow, 2024. 120 p.
2. Indicators of the state of road safety. *Avariinost' na dorogakh Rossii* [Accident rate on the roads of Russia]. Available at: <http://stat.gibdd.ru> (In Russ.). (Accessed December 10, 2025).
3. On some issues arising from the courts in the application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of March 24, 2005. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2005, April 19. (In Russ.).
4. Vladimir Kolokoltsev's speech at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *MVD Rossii: ofits. sait* [Ministry of Internal Affairs of Russia: official website]. Available at: <https://mvd.rf/news/item/62189090> (In Russ.). (Accessed December 10, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТАРАСОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, tarasovairina2@rambler.ru

IRINA A. TARASOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, tarasovairina2@rambler.ru

Статья поступила 02.02.2026

Научная статья

УДК 343.346.52

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.009

Дифференциация уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения: ретроспективный анализ

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ

Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия

Северо-Западный институт (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

art35404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

АНГЕЛИНА АЛЕКСЕЕВНА ДЕРЕВНИНА

Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия,
derevnina_angelina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4935-1236>

Аннотация. В статье исследуется двуединая природа объекта преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ: безопасность дорожного движения и безопасность эксплуатации транспортных средств. На основе изучения статистических материалов сделан вывод о практической востребованности использованных законодателем дифференцирующих ответственность инструментов – квалифицирующих признаков. Путем исторического и телеологического анализа норм ст. 264 УК РФ выявлены причины и цели дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения.

Ключевые слова: транспортные преступления; правила дорожного движения; дифференциация ответственности; квалифицирующий признак.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Валеев А. Т., Деревнина А. А. Дифференциация уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения: ретроспективный анализ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 64–71. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.009.

Differentiation of Criminal Liability for Traffic Violation: Retrospective Analysis

ARTEM T. VALEEV

Vologda Bar Association "Standard", Vologda, Russia

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia

art35404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

ANGELINA A. DEREVNINA

Vologda Bar Association "Standard", Vologda, Russia, derevnina_angelina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4935-1236>

Abstract. The article considers a dual nature of the object of crimes provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation: road safety and vehicle operations safety. Based on the study of statistical materials, the authors make a conclusion about the practical relevance of the tools used by the legislator to differentiate liability – qualifying factors. Through historical and teleological analysis of the provisions of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, the reasons and goals of differentiating criminal liability for violating traffic rules are identified.

Key words: transport crimes; traffic rules; differentiation of liability; qualifying factor.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Valeev A.T., Derevnina A.A. Differentiation of criminal liability for traffic violation: retrospective analysis. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 64–71. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.009.

Исследование преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта традиционно является одной из актуальных проблем уголовно-правовой науки. Развитие транспортной инфраструктуры, появление новых видов транспорта, внедрение новых технологий еще больше актуализируют эту проблематику. Уголовная ответственность за данные преступления установлена гл. 27 УК РФ.

Категория «транспорт» представляет собой комплексную технологическую систему, обеспечивающую перемещение пассажиров и грузов посредством различных видов путей сообщения. В структуру данной системы входят транспортные средства, коммуникации – рельсовые, сухопутные, речные и авиационные, а также объекты транспортной инфраструктуры. Все перечисленные элементы являются обязательными составляющими функционирования транспорта как источника повышенной опасности [1, с. 18]. В качестве объектов преступных посягательств, предусмотренных нормами гл. 27 УК РФ, выступают различные виды транспортных средств и элементы транспортной инфраструктуры. В частности, к таковым относятся наземный, воздушный, водный и подземный транспорт (ст. 263 УК РФ); машины и другие самоходные механизмы (ст. 264 УК РФ); а также объекты, обеспе-

чающие безопасность и функционирование транспортной системы, включая устройства оповещения, коммуникации и прочее оборудование для перевозок (ст. 266 УК РФ), наряду с иными предметами.

Нормы гл. 27 УК РФ направлены на уголовно-правовую охрану двух ключевых объектов: 1) защищенность процесса перемещения транспортных средств – безопасность движения и 2) сохранность условий их безопасного использования – безопасность эксплуатации транспорта.

Преобладающее число случаев привлечения к уголовной ответственности связано с посягательствами на безопасность организации и осуществление перевозок транспортными средствами различного назначения. В соответствии с информацией, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в «антирейтинг» входят преступления, предусмотренные «смежными» ст. 264 и 264.1 УК РФ. По итогам 2024 г. уголовному преследованию за деяния, предусмотренные соответствующими статьями, подверглось 46 284 человека, что равняется 86 % от совокупного числа «транспортных преступников» (53 592) [2].

Дефиниция безопасности дорожного движения характеризуется законодательным утверждением. Согласно ст. 2 Федерального закона от 15.11.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» эта категория раскрывается как режим обеспечения защищенности лиц, вовлеченных в процесс дорожного движения, от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. В этой связи логично заключить, что под охраной находятся общественные отношения, формирующиеся в процессе перемещения пассажиров и грузов по улично-дорожной сети.

Режим безопасности дорожного движения достигается соблюдением Правил дорожного движения РФ (далее – ПДД); надлежащий порядок эксплуатации транспортных средств закреплен в Основных положениях по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения (далее – Основные положения). Принятие обоих нормативных актов было оформлено посредством единого постановления Правительства Российской Федерации [3], что подтверждает двуединую природу объекта преступлений гл. 27 УК РФ.

Нарушение ПДД или Основных положений образует состав преступного посягательства, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Отметим, что несмотря на использование законодателем в заглавии статьи соединительного союза «и», для квалификации деяния по соответствующей норме достаточно нарушения положений хотя бы одного из упомянутых актов. Этот вывод следует из диспозиции, которая, в отличие от заголовка, включает раздельный союз «или». В связи с этим в доктрине уголовного права высказываются суждения о необходимости корректировки наименования ст. 264 УК РФ: подобные точки зрения обусловлены тем, что действующая редакция данной нормы предполагает одновременное совершение нарушения и правил дорожного движения, и эксплуатации транспортных средств как противоправного криминального деяния [4, с. 69].

Отметим, что высокими статистическими показателями, характеризующими число осужденных, обладает не только основной, но и квалифицированные составы рассматриваемого преступного деяния.

Как следует из отчета по форме № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2024 г., за нарушение ПДД, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения или не имеющим права управления транспортным средством, либо сопряженное с оставлением места происшествия (ч. 2 ст. 264 УК РФ) в 2024 г. осуждено 1765 чел. (3,3 % от общего числа по гл. 27 УК РФ). Куда более значительное число лиц было подвергнуто уголовному преследованию за нарушение ПДД, ставшее по неосторожности причиной смерти (ч. 3 ст. 264 УК РФ), – 2564 чел. (4,8 % от общего числа). Таким образом,

использованные законодателем при разработке норм ст. 264 УК РФ инструменты дифференциации ответственности оказались востребованными на практике.

Содержание состава обстоятельств, дифференцирующих уголовную ответственность за нарушение ПДД, эволюционировало, что было обусловлено как динамикой статистических данных об аварийности, так и учетом правовых позиций, сформулированных в актах Конституционного Суда РФ, а также рядом других факторов. В этой связи предлагаем краткий ретроспективный анализ данного уголовно-правового запрета.

В первоначальной редакции 1996 г. ст. 264 УК РФ включала три части – основной и два квалифицированных состава:

1) совершение лицом, управляющим автомобилем, трамваем или иным механическим транспортным средством, противоправных действий, выразившихся в несоблюдении ПДД или правил эксплуатации, которые по неосторожности повлекли за собой причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего либо значительный материальный ущерб;

2) совершение аналогичного противоправного деяния, если оно по неосторожности привело к летальному исходу одного лица;

3) совершение аналогичного противоправного деяния, если оно по неосторожности привело к летальному исходу двух или более лиц.

«Расслоение» уголовной ответственности производилось исключительно по критерию тяжести наступивших последствий, в ряду которых уголовный закон выделяет: вред здоровью средней и тяжелой степени; причинение крупного имущественного ущерба; гибель одного человека или двух и более лиц.

Первичную трансформацию указанная правовая норма перенесла в 1998 г.: она заключалась в сокращении перечня общественно опасных последствий – ликвидировали признак причинения крупного ущерба [5]; спустя 5 лет, в 2003 г., элиминировали и причинение средней тяжести вреда здоровью [6].

В 2009 г. ст. 264 УК РФ приобрела структуру, которую сохранила к настоящему моменту: шесть частей – нечетные содержат составы, перешедшие из изначальной редакции, а четные дополняют их квалифицирующими признаками. Первым из числа таких квалифицирующих признаков стало совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения [7]. Исходя из пояснительной записки к проекту федерального закона, предполагавшего данные изменения, причиной нововведений стала несправедливость: законодатель не проводил разграничения в объеме карательного воздействия по ст. 264 УК РФ исходя из обстоятельств пребывания или, напротив, непребывания субъекта, управляющего средством передвижения, в состоянии интоксикации [8].

В 2014 г. было внесено дополнение, в соответствии с нормами которого отказ гражданина от осуществления врачебной проверки на наличие интоксикации влечет за собой юридические последствия, идентичные тем, что наступают для лица, фактически находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В то же время в примечании появилось определение «других механических транспортных средств» в его современном виде. Ключевым признаком предмета преступного посягательства, регламентированного ст. 264 УК РФ, выступает наличие законодательно установленной необходимости специального права для управления данным транспортным средством [9].

Важное изменение затронуло ст. 264 УК РФ в 2019 г. Поводом для нововведений стало признание Конституционным судом Российской Федерации п. 2 примечания не соответствующим Конституции в той мере, в какой он ставит лицо, покинувшее место дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение по сравнению с лицами, указанными в п. 2 примечаний к данной статье: в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельство-

вания на состояние опьянения [10]. Действовавшая ранее редакция нормы фактически позволяла водителю, пребывавшему в состоянии опьянения, оставив место ДТП, избежать процедуры установления состояния опьянения и, как следствие, привлечения к уголовной ответственности по квалифицированному составу деяния. Конституционный суд РФ постановил устранить пробел законодательной дифференциации уголовной ответственности и конкретизировать уголовно-правовое значение оставления места дорожно-транспортного происшествия в контексте ст. 264 УК РФ в соответствии с принципами равенства и справедливости.

В развитие данной правовой позиции ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ были дополнены новым «блоком» квалифицирующих обстоятельств, а именно «дезертирством» водителя с места аварии [11].

Кроме того, дополнительныйотягчающий фактор, ужесточающий уголовную ответственность, был зафиксирован в четных частях ст. 264 УК РФ в 2022 г.: это выполнение упомянутого действия субъектом, не имеющим полномочий на вождение соответствующего средства передвижения либо лишенным их [12]. Как следует из пояснительной записки к законопроекту, предусматривавшему указанные нововведения, основанием для введения новых квалифицированных составов послужил рост на протяжении пяти предыдущих лет показателей аварийности по вине водителей, лишенных права управления транспортным средством [13]. Вовлечение в процесс дорожного движения индивидуумов, которые вообще не должны в нем участвовать в качестве водителей, несет повышенную общественную опасность. В этой связи законодателем было принято решение о рассмотрении управления транспортным средством лицом, ранее лишенным или не имеющим права управления, которое повлекло к тяжким последствиям, в качестве квалифицирующего признака. Кроме того, в это же время УК РФ был дополнен новой ст. 264.3 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за вождение транспортного средства индивидом, у которого было аннулировано право управления транспортными средствами и которое понесло административное взыскание или обладало судимостью. Данный состав по конструкции является формальным и для признания оконченным не требует наступления тяжких последствий.

На этом история внесения изменений в ст. 264 УК РФ на данный момент окончена, однако в уголовно-правовой науке отмечается, что современные вызовы, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, с высокой вероятностью обусловят необходимость дальнейшего реформирования уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за «транспортные» преступления. В качестве примеров подобных общественно опасных деяний, не в полной мере охваченных действующим законодательством, можно выделить: умышленную блокировку проезжей части; открытое противостояние между автолюбителями; езду на предельной скорости и неподчинение правомерным указаниям представителей власти; бросание объектов по движущимся автомобилям; организацию препятствий для транспортного потока, включая явления, именуемые «школой вождения на колесах» [14, с. 34].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидакова А. А. Предмет нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена // Транспортное право. 2022. № 2. С. 16–19.
2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 12.03.2026).

3. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») : постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2026).
4. Безрукова О. В., Новосельцева Ю. В. К вопросу о спорных аспектах конструкции статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2017. № 2. С. 67–71.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25.06.1998 № 92-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
7. О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 13.02.2009 № 20-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
8. Пояснительная записка к законопроекту № 93181-5 «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1c252d52-da73-45ad-96ea-62469f8baa7b> (дата обращения: 12.03.2026).
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения : федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
10. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2026).
11. О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
13. Пояснительная записка к законопроекту № 130391-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/d161d911-398c-4b25-a01d-6a6665879e15> (дата обращения: 12.03.2026).
14. Белокобыльский Н. Н. Виды и характер преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в Уголовном законодательстве России // Вестник Московского университета. 2017. № 3. С. 28–39.

REFERENCES

1. Sidakova A.A. The subject of violation of road safety rules and rules for exploitation of railroad, air, marine and inland water transport and subway. *Transportnoe pravo = Transport Law*, 2022, no. 2, pp. 16–19. (In Russ.).
2. Report on the number of convicted persons under all categories of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom court decisions in criminal cases have been issued. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait* [Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website.]. Available at: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (In Russ.). (Accessed March 12, 2026).
3. On the rules of road traffic (together with the “basic provisions on the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road traffic safety”): resolution of the Government of the Russian Federation No. 1090 of October 22, 1993. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Konsul’tantPlyus”* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.). (Accessed March 12, 2026).

4. Bezrukova O.V., Novosel'tseva Yu.V. On the issue of controversial aspects of the structure of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2017, no. 2, pp. 67–71. (In Russ.).
5. *O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 25.06.1998 No. 92-FZ* [On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: federal law No. 92-FZ of June 25, 1998]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed March 12, 2026).
6. *O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 08.12.2003 No. 162-FZ* [On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: federal law No. 162 of December 8, 2003]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed March 12, 2026).
7. *O vnesenii izmeneniya v stat'yu 264 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 13.02.2009 No. 20-FZ* [On amendments to Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation: federal law No. 20-FZ of February 13, 2009]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed March 12, 2026).
8. *Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu No. 93181-5 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 264 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii"* [Explanatory note to the draft Law No. 93181-5 "On amendments to Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1c252d52-da73-45ad-96ea-62469f8baa7b> (accessed March 12, 2026).
9. *O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosu usileniya otvetstvennosti za sovershenie pravonarushenii v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: federal'nyi zakon ot 31.12.2014 No. 528-FZ* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on strengthening responsibility for offences in the field of road safety: federal law No. 528-FZ of December 31, 2014]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed March 12, 2026).
10. In the case of the constitutionality of Paragraph 2 of the notes to Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Ivanovo Regional Court: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-Pof April 25, 2018. *Dostup iz sprav. - pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.). (Accessed March 12, 2026).
11. *O vnesenii izmenenii v stat'i 264 i 264.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 23.04.2019 No. 65-FZ* [On amendments to articles 264 and 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: federal law No. 65-FZ of April 23, 2019]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed March 12, 2026).
12. *O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'i 31 i 150 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 14.07.2022 No. 258-FZ* [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and articles 31 and 150 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law No. 258-FZ of July 14, 2022]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> ((accessed March 12, 2026).
13. *Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu No. 130391-8 "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'i 31 i 150 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii"* [Explanatory note to the draft law No. 130391-8 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and articles 31 and 150 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/download/d161d911-398c-4b25-a01d-6a6665879e15> (accessed March 12, 2026).
14. Belokobyl'skii N.N. Types and nature of crimes against traffic safety and transport operation in the criminal legislation of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of the Moscow University*, 2017, no. 3, pp. 28–39. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ – кандидат юридических наук, доцент, председатель Вологодской коллегии адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия, доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-Западного института (филиала)

ARTEM T. VALEEV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Chairman of the Vologda Bar Association "Standard", Vologda, Russia, associate professor at the Department of Criminal Law Sciences of the North-Western Institute (branch) of

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, art35404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

АНГЕЛИНА АЛЕКСЕЕВНА ДЕРЕВНИНА – помощник адвоката Вологодской коллегии адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия, derevnina_angelina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4935-1236>

the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, art35404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4324-9140>

ANGELINA A. DEREVNINA – Assistant to the Lawyer at the Vologda Bar Association “Standard”, Vologda, Russia, derevnina_angelina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4935-1236>

Статья поступила 18.03.2026

Научная статья

УДК 343.821

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.010

Характеристика учреждений и мероприятий, направленных на исполнение уголовных наказаний и ресоциализацию осужденных в Японии

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОБЕЦ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. Страна с многовековыми традициями и богатым историческим наследием, которой является Япония, имеет собственные оригинальные подходы по развитию современной пенитенциарной системы. В статье проведен анализ положительного японского опыта функционирования учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, значительных достижений и высоких результатов, в том числе в процессах трудового воспитания и перевоспитания осужденных лиц. При этом для данной системы характерны жесткая регламентация всей деятельности, четкая организация работы, строгая и безупречная дисциплина заключенных. Как правило, организация режима и условия содержания в пенитенциарных учреждениях отличаются особыми мерами, высокой требовательностью и строгостью к осужденным, которые не являются типичными и характерными для многих стран. Во многом это вызвано историческими, культурными и национальными особенностями. Частично проанализированный положительный опыт возможно адаптировать и интегрировать в отечественную пенитенциарную практику.

Ключевые слова: криминогенная ситуация; пенитенциарная система; исполнение наказания; уголовно-исполнительная политика; зарубежный опыт; психологи; тюремная администрация; заключенные под стражу.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кобец П. Н. Характеристика учреждений и мероприятий, направленных на исполнение уголовных наказаний и реабилитацию осужденных в Японии // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026 № 3 (35). С. 72–79. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.010.

Characteristics of Japan's Penal Institutions and Associated Measures for Sentence Enforcement and Offender Resocialization

PETR N. KOBETS

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. Japan, a country with centuries-old traditions and a rich historical heritage, has its own original approaches to developing a modern penitentiary system. The article analyses Japan's positive experience in operating institutions that carry out criminal penalties in the form of imprisonment, as well as its significant achievements and high results, including in the processes of labor education and rehabilitation of convicted persons. This system is characterized by strict regulation of all activities, a well-organized work process, and impeccable discipline among inmates. As a rule, the organization of the regime and conditions of detention in penitentiary institutions are characterized by special measures, high demands, and strictness towards convicts, which are not typical or characteristic of many countries. This is largely due to historical, cultural, and national characteristics. The partially analyzed positive experience can be adapted and integrated into domestic penitentiary practice.

Key words: crime-prone situation; penitentiary system; execution of punishment; penal policy; foreign experience; psychologists; prison administration; inmates.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kobets P.N. Characteristics of Japan's penal institutions and associated measures for sentence enforcement and offender resocialization. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 72–79. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.010.

Зарубежное общество, законодатели, а также органы исполнительной власти в качестве социально значимых целей и результатов работы уголовно-исполнительных систем определяют обретение законопослушных членов общества, которые будут способны обеспечивать как себя, так и членов своих семей законным доходом. Несмотря на то что различные аспекты японской пенитенциарной системы ранее уже были исследованы отечественными правоведами, правозащитными организациями и другими специалистами и на первый взгляд отсутствуют всяческие пробелы в отношении того, как сформулирована японская пенитенциарная политика, автор счел необходимым еще раз остановиться на важнейших вопросах функционирования японской пенитенциарной системы.

Сразу же стоит обратить внимание на одно важное обстоятельство: в процессе японского судебного разбирательства главным образом исходят и преимущественно стремятся опираться на принципы и аксиомы конфуцианства, в соответствии с которыми предусматривается необходимым как можно строже провести осуждение факта совершенного противоправного деяния, но в то же время проявить милосердие и снисходительно отнестись к виновному лицу [1]. При этом также весьма примечательным является еще одна особенность, присущая именно японской судебной системе: любой подсудимый имеет

возможность рассчитывать на смягчение меры наказания, вынесенной приговором суда за совершенное им противоправное деяние, при условии, что он по собственному желанию признает вину и добровольно покается за содеянное перед жертвой [2]. Важно отметить, что для японского общества весьма существенной и значимой стороной наказания. Параллельно с репрессивным ее компонентом выступает общественное порицание, осуждение и критика противозаконного поведения. Именно по этой причине для исполнения уголовного наказания в исправительные учреждения в первую очередь стремятся отправить лиц, не признавших своей вины, не испытывающих раскаяния за содеянное, не желающих исправляться, а также устойчивых рецидивистов.

Согласно японским законодательным основам «мерами уголовных наказаний в этой стране являются: малый штраф, штраф, конфискация, уголовный арест, лишение свободы без принудительного труда, лишение свободы с принудительным трудом, смертная казнь» [3, с. 150]. Кроме того, «после того как осужденные лица отбудут в заключении десятилетний срок и встанут на путь исправления, то в таких случаях в отношении них возможно использование условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы» [4, с. 99]. Также заслуживает внимания и тот факт, что для японского общества имеет чрезвычайно важное значение само событие привлечения лица к мерам уголовной ответственности и тем более назначенное ему наказание в виде тюремного заключения. Поэтому неслучайно лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы, стремятся не сообщать своим знакомым об этом.

Важно отметить, что в основе исполнения наказаний в японских пенитенциарных учреждениях находится правило так называемой двойной систематизации, или правильнее сказать категоризации, осужденных лиц. Во-первых, «структурирование лиц, приговоренных к отбыванию наказаний в местах лишения свободы, для того чтобы правильно распределить их для отбывания наказания по типам пенитенциарных учреждений, и, во-вторых, распределение в целях более правильного обращения с заключенными» [5, с. 12]. Данный способ применяется с намерением гарантирования лицам, отбывающим уголовные наказания в местах лишения свободы, вариативного и индивидуального подхода. При этом стоит обратить внимание, что процесс проведения второго вида структурирования заключенных должен быть более пластичным, чем первый, а также обладать длительным характером и длиться весь срок отбывания наказания заключенными лицами [6, с. 52]. Пенитенциарная система Японии подчинена Департаменту тюрем Минюста Японии. Администрирование деятельности и контроль за всеми японскими пенитенциарными учреждениями осуществляются Министерством юстиции этой страны. В интересах эффективной реализации функционала, возложенного на руководителей пенитенциарных организаций, всю территорию страны разграничили на восемь округов, обладающих собственными региональными управлениями, осуществляющими руководство и контроль за всеми находящимися в подчинении пенитенциарными учреждениями. Региональные исправительные бюро организуют штаб-квартиру, которая руководит пенитенциарными учреждениями на закрепленной за ней территории.

В Японии понятие «пенитенциарные учреждения» является собирательным термином, который объединяет «тюрьмы для совершеннолетнего населения, тюрьмы для несовершеннолетних, следственные изоляторы и центры содержания под стражей несовершеннолетних. Следственные изоляторы в основном предназначены для неосужденных заключенных, ожидающих суда. В Японии насчитывается 62 тюрьмы, 7 тюрем для несовершеннолетних, 52 дома классификации несовершеннолетних, 52 школы подготовки несовершеннолетних, 10 домов содержания под стражей, 8 региональных советов по условно-досрочному освобождению и 50 бюро пробации [7]. Страна в лице японских властей принимает на себя весь функционал, связанный с оказанием медицинского обеспечения лиц, находящихся в местах лишения свободы, снабжая их продовольственными травами,

специальной одеждой и обмундированием, повседневными предметами, а также занимается строительными и ремонтными работами пенитенциарных учреждений [8, с. 38].

Некоторые из японских заключенных выражают недовольство в связи с неудобной тюремной одеждой. Кого-то из осужденных также не устраивают габариты слишком небольших камер учреждений пенитенциарной системы, в которых их содержат. Некоторым сидельцам хотелось бы увеличения рациона питания. В связи с этим нельзя не сказать и о том, что японскими правозащитными организациями зачастую отмечается чересчур строгое обращение с лицами, содержащимися в местах лишения свободы, порою даже унижающее человеческое достоинство. Так, в соответствии с докладом международной организации «Международная амнистия», часто тюремными правилами запрещено, чтобы заключенные смотрели в глаза друг другу, а также могли общаться в неустановленное для этого время. А в камерах им рекомендовано принятие определенной позы, как и определенный вид ходьбы вне камер. За нарушение тюремного режима заключенные подвергаются суровым санкциям: так, например, их могут заставить стоять на коленях либо ежедневно сидеть в определенной позе в одиночной камере [9].

Сегодня обеспечение безопасности в учреждениях японской пенитенциарной системы гарантируется охраной и конвоированием лиц, отбывающих наказание в виде заключения под стражу. В случаях особой необходимости безопасность также осуществляется с помощью использования различных усмирительных мероприятий, когда персоналу тюрем приходится применять наручники, кляпы, усмирительные рубашки, а также посредством проведения осмотров камер заключенных, досмотром их личных вещей и обыском самих осужденных. Вся тюремная территория постоянно охраняется, двери в коридорах и камерах постоянно запираются. При необходимости вывода заключенных из камер либо их перемещения по территории пенитенциарного учреждения конвоирование осуществляют как минимум двое сопровождающих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Кроме того, для выявления у лиц, отбывающих наказание, различных подозрительных предметов и предотвращения подготовки совершения противоправных деяний осмотр каждой камеры производится как минимум один раз в день. Также заключенных ежедневно досматривают, когда они возвращаются с работы. Для пресечения возможных попыток посягательства одних заключенных на других, а также совершения иных противоправных деяний отбывающих наказание лиц могут изолировать, поместив их в одиночные камеры [10, с. 27].

В настоящее время весьма целесообразным и нужным видится интеграция знаний и извлечение важных выводов из практики организации и привлечения японских заключенных к трудовой деятельности. Работникам рассматриваемой пенитенциарной системы удалось добиться весьма положительных результатов и серьезных достижений в трудовой социализации осужденных, вовлекая в данные отношения более 80 % лиц, отбывающих уголовные наказания. В процессе организации деятельности тюремной системы придается особое значение проблеме организации трудовых отношений и использования рабочей силы осужденных лиц. Положительный опыт японской пенитенциарной практики в сфере трудовой деятельности может иметь существенный интерес для работников уголовно-исполнительной системы нашей страны.

В соответствии с общими требованиями трудового законодательства в учреждениях уголовно-исполнительной системы установлена шестидневная трудовая неделя, распространяемая в том числе и на все японские пенитенциарные учреждения. Причем немаловажным фактом является то, что труд в японских местах лишения свободы является максимально эффективным и высокопродуктивным. При этом вся прибыль от реализации производственных процессов и финансовые поступления от выполнения производственных работ рассматриваемых уголовно-исполнительных учреждений направляются для формирования бюджета данной страны. По мнению японских властей, тюремное произ-

водство и пенитенциарный труд являются весьма значимой частью общего процесса исправления осужденных [11, с. 48]. Большая часть заключенных занята в трудовых процессах на предприятиях металлургического комплекса, металлообрабатывающего сектора, деревообрабатывающей, сельскохозяйственной, швейной отраслей, полиграфического бизнеса, бумажного производства.

При этом в японских тюремных заведениях не существует такой финансово-экономической категории, как зарплата. Занятым в производственных отношениях заключенным предоставляются финансовые выплаты за проделанную работу, полностью зависящие от величины их производственных достижений. Ежемесячные выплаты за трудовые отношения заключенных японской пенитенциарной системы поступают на их специальные личные счета [12, с. 375]. Часть этой суммы они отправляют своим родственникам, кроме того, выплачивают компенсации материального ущерба потерпевшим, а оставшиеся деньги заключенным разрешается использовать по их усмотрению. К платным услугам относится покупка продуктов питания, которые можно приобрести в специализированном оптовом магазине, которые имеются практически во всех учреждениях.

В рассматриваемом контексте следует отметить важность достижения целей в процессе ресоциализации осужденных, поскольку только так можно снизить постпенитенциарную рецидивную преступность и в целом преступные проявления в стране. Проблема ресоциализации осужденных в настоящее время весьма актуальна для Японии, поскольку является одной из задач деятельности пенитенциарных учреждений. Уголовно-исполнительная система Японии составляет часть системы уголовного правосудия Японии, и она призвана социализировать, перевоспитывать, реабилитировать и наказывать правонарушителей. Проводя анализ японской практики, связанной с ресоциализацией осужденных лиц на основе активизации работы по взаимодействию учреждений уголовно-исполнительной системы и различных институтов гражданского общества, следует сказать о том, что японские ученые делают акцент на активном функционировании Ассоциации СБС – старших братьев и сестер [13, с. 82]. Она является разновидностью общественного движения, а ее деятельность распространена в 550 местных обществах, работа в которых идет на добровольных началах и способствует ресоциализации осужденных лиц [14, с. 41].

В настоящее время ресоциализация осужденных выступает в качестве показателя успешной работы учреждений, исполняющих наказание. При этом важно отметить, что в обязательном порядке данная работа базируется на основах признания прав и свобод человека, несмотря на то что персоналу пенитенциарных систем приходится работать с лицами, совершившими преступления и отбывающими за это наказание. Заключенным оказывается всестороннее содействие и разнообразная помощь, которые способствуют им в дальнейшем развить свои позитивных личностных качеств, нейтрализации негативных черт характера и подготовке к полноценному процессу жизни в японском обществе. Полностью справиться с решением указанных проблем, которые имеют большую социальную важность и значимость, не так просто. Поэтому в Японии стремятся использовать положительный опыт деятельности пенитенциарных учреждений, преуспевающих в вопросах исправления и ресоциализации лиц, находящихся в местах заключения.

Все без исключения японские заключенные имеют доступ к книгам и другим материалам для чтения. Как убедительно доказано специалистами, проводившими изучение особенностей функционирования японской пенитенциарной системы, чтение считается эффективным средством помощи не только в обучении, но и в воспитании осужденных. В настоящее время это одно из важнейших занятий в свободное время в пенитенциарных учреждениях. Данный вид деятельности должен быть доступен, поскольку гарантирует право заключенного на получение знаний. Поэтому администрация японских тюрем стремится обеспечивать потребности в чтении. В дополнение к газетам и книгам, хранящимся в пенитенциарных учреждениях, заключенным разрешается доступ к собственным книгам и

материалам для чтения, которые они приобрели или которые были им присланы родными. При этом важно отметить, что доступ заключенных к собственным книгам и материалам для чтения не запрещен и не ограничивается, если иное не предусмотрено положениями законов и нормативных актов из-за риска поставить под угрозу надлежащее исполнение деятельности, связанной с исправлением и обращением осужденных, или риска уничтожения доказательств в ходе судебных процессов над заключенными [15, с. 147]. Также всем заключенным предоставляется возможность ежедневно заниматься в свободное от работы время физическими упражнениями в течение 30 мин. Если позволяет погода, то физкультурой вполне можно заниматься на открытом воздухе.

В заключение важно отметить, что сегодня японской пенитенциарной системе присущи существенные достижения и высокие результаты в процессах воспитания и перевоспитания осужденных лиц. В условиях середины 20-х гг. XXI столетия тюремная система Японии среди многих аналогичных мировых систем славится безопасностью и порядком. Организация режима и условия содержания в ней отличаются особыми мерами и высокой требовательностью к лицам, отбывающим уголовные наказания. За многие годы не было серьезных тюремных бунтов, а число побегов из тюрем и нападений на работников пенитенциарных учреждений намного ниже, чем в других развитых государствах мира. Такие особенности, присущие японской пенитенциарной системе, не остались незамеченными как среди специалистов, занимающихся изучением особенностей работы зарубежных систем по исполнению уголовных наказаний, так и среди практических работников, все чаще интересующихся положительным японским опытом по совершенствованию функционирования системы исполнения наказаний в этой стране. В дальнейшей перспективе отечественным специалистам необходимо продолжить подобные исследования, потому что в настоящее время лица, отбывающие уголовные наказания, представляют собой целевые объекты по проведению комплексных научных исследований как в виде социальных групп, так и отдельных индивидуумов. Подробные исследовательские процессы, направленные на изучение пенитенциарных учреждений, необходимо проводить в целях дальнейшего совершенствования отечественной уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мякочина М. С. Влияние конфуцианства на культурную и политическую жизнь Японии // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 3. С. 108–111.
2. Кобец П. Н. Японский опыт совместного противодействия преступности полиции с населением и перспективы его внедрения в Российской Федерации // *Ius Publicum et Privatum*. 2025. № 3 (31). С. 103–110.
3. Морозов Н. А. Япония: преступность и уголовная политика / под ред. и вступ. статья В. Е. Квашиса. СПб., 2016. 400 с.
4. Кобец П. Н., Краснова К. А. Обращение с задержанными иностранными гражданами: опыт Японии // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 19–20 октября 2022 года / отв. редактор А. Г. Чириков. Новокузнецк, 2022. С. 98–101.
5. Квашис В. Е. Исполнение наказания в Японии (сравнительно-правовые аспекты) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44). С. 8–13.
6. Федяев А. Е. Сравнительно-правовой анализ некоторых видов уголовных наказаний по законодательству Китая, Республики Корея и Японии // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2005. № 9. С. 49–53.
7. Penal Institutions in Japan. URL: <http://www.moj.go.jp/content/000002239.pdf> (дата обращения: 21.06.2026).
8. Тимофеева Е. А., Дядченко Е. А. Пенитенциарная система Японии в XXI в.: традиции и современность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 36–40.

9. Краткая информация о мировых тюрьмах: Япония. URL: <https://prisonstudies.org/country/japan> (дата обращения: 21.06.2026).
10. Бражников М. Ю. Особенности осуществления уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, в Японии // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 26–29.
11. Тимофеева Е. А. К вопросу об особенностях организации трудовой занятости осужденных в России и за рубежом // Актуальные проблемы правоведения. 2019. № 4 (64). С. 48–55.
12. Фумм А. М. Пенитенциарная система Японии // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара, 2013. С. 373–379.
13. Кобец П. Н., Краснова К. А. Взаимодействие пенитенциарной системы и общества: опыт Японии // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов XIII Всерос. науч.-практ. конф., Пермь, 2–3 апреля 2026 года. Пермь, 2026. С. 80–84.
14. Квашиш В. Е. Преступность в Японии: вчера, сегодня и завтра // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 39–45.
15. Стрельникова А. Г., Кубасов Н. А. Особенности реализации общественного воздействия как фактор исправления осужденных в зарубежных странах // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 1 (42). С. 146–148.

REFERENCES

1. Myakochina M.S. Influence of confucianism on the cultural and political life of Japan. *Nauchnye trudy Moskovskogo humanitarnogo universiteta = Scientific Works of Moscow University for the Humanities*, 2017, no. 3, pp. 108–111. (In Russ.).
2. Kobets P.N. Japanese experience of police–population cooperation in fighting crime and prospects for its implementation in the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: setevoinauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and publiclaw*, 2025, no. 3 (31), pp. 103–110. (In Russ.).
3. Morozov N.A. *Yaponiya: prestupnost'i ugovovnaya politika* [Japan: crime and criminal policy]. Saint Petersburg, 2016. 400 p.
4. Kobets P.N., Krasnova K.A. Treatment of Detained Foreign Citizens: The Japanese Experience. In: Chirikov A.G. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy XXII Vseros. nauch.-prakt. konf., Novokuznetsk, 19–20 oktyabrya 2022 goda* [The penal system today: the interaction of science and practice: proceedings of the 22nd All-Russian scientific and practical conference, Novokuznetsk, October 19–20, 2022]. Novokuznetsk, 2022. Pp. 98–101. (In Russ.).
5. Kvashis V.E. The execution of punishment in Japan (comparative legal aspects). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (44), pp. 8–13. (In Russ.).
6. Fedyaev A.E. Comparative law analysis of certain types of criminal punishments under the legislation of China, the Republic of Korea, and Japan. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2005, no. 9, pp. 49–53. (In Russ.).
7. *Penal institutions in Japan*. Available at: <http://www.moj.go.jp/content/000002239.pdf> (accessed June 21, 2026).
8. Timofeeva E.A., Dyadchenko E.A. The Japanese Penitentiary System in the 21st Century: Traditions and Modernity. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2019, no. 1, pp. 36–40. (In Russ.).
9. *Kratkaya informatsiya o mirovykh tyur'makh: Yaponiya* [Brief information about world prisons: Japan]. Available at: <https://prisonstudies.org/country/japan> (accessed June 21, 2026).
10. Brazhnikov M.Yu. Features of the implementation of criminal penalties not related to imprisonment in Japan. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 4 (29), pp. 26–29. (In Russ.).
11. Timofeeva E.A. On the issue of the specifics of organizing the employment of convicts in Russia and abroad. *Aktual'nye problemy pravovedeniya = Actual Problems of Jurisprudence*, 2019, no. 4 (64), pp. 48–55. (In Russ.).
12. Fumm A.M. The penitentiary system of Japan. In: *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava* [Encyclopedia of Penitentiary Law]. Samara, 2013. Pp. 373–379. (In Russ.).

13. Kobets P.N., Krasnova K.A. Interaction between the penitentiary system and society: the Japanese experience. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sb. materialov XIII Vseros. nauch.-prakt. konf., Perm', 2–3 aprelya 2026 goda*[Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the XIII All-Russian scientific and practical conference, Perm, April 2–3, 2026]. Perm, 2026. Pp. 80–84.(In Russ.).

14. Kvashis V.E. Crime in Japan: yesterday, today, and tomorrow. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (59), pp. 39–45.(In Russ.).

15. Strel'nikova A.G., Kubasov N.A. Features of the implementation of public influence as a factor in the correction of convicts in foreign countries. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 1 (42), pp. 146–148.(In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОБЕЦ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

PETR N. KOBETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Статья поступила 24.06.2026

Научная статья
УДК 343.32+343.34
doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.011

Мародерство как специальный вид имущественного преступления в условиях вооруженного конфликта: уголовно-правовая характеристика состава

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ

Ставропольский филиал Краснодарский университет МВД России,
Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика мародерства как специального состава преступления, обусловленного обстановкой вооруженного конфликта, военного времени либо ведения боевых действий. Исследуется специфика законодательной конструкции ст. 356.1 УК РФ, позволяющая разграничить мародерство и традиционные формы преступлений против собственности. Уделено внимание определению признаков предмета преступления, способа завладения имуществом, момента окончания состава, содержания корыстной цели, а также вопросам применения положений о крайней необходимости. Обосновывается вывод о критериях общественной опасности данного преступления.

Ключевые слова: мародерство; вооруженный конфликт; военное время; военное положение; международное гуманитарное право; преступления против мира и безопасности человечества; преступления против собственности; хищение; предмет преступления; корыстная цель; квалификация мародерства; уголовная ответственность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Козаев Н. Ш., Рясков Д. А. Мародерство как специальный вид имущественного преступления в условиях вооруженного конфликта: уголовно-правовая характеристика состава // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 80–88. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.011.

Criminal Law Classification of Looting in Armed Conflict: Examination of the Elements of the Crime

NODAR SH. KOZAEV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru

DMITRII A. RYASOV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru

Abstract. The article considers criminal law classification of looting as elements of the crime determined by the context of an armed conflict, wartime, or combat operations. The article describes the specifics of the legislative structure of Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation that distinguishes looting from traditional forms of crimes against property. The analysis focuses on the distinguishing attributes of the subject-matter of the offence, the means of appropriation, the point of consummation, and the nature of the requisite pecuniary (self-interested) intent. It also examines the applicability of the necessity defense. The paper substantiates the criteria for evaluating public danger of this crime.

Keywords: looting; armed conflict; wartime; martial law; international humanitarian law; crimes against peace and the security of humanity; crimes against property; theft; object of the crime; mercenary purpose; qualification of looting; criminal liability.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kozaev N.Sh., Ryasov D.A. Criminal law classification of looting in armed conflict: examination of the elements of the crime. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 80–88. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.011.

Современные вооруженные конфликты характеризуются не только изменением тактики применения военной силы, но и использованием соответствующей обстановки в корыстных целях участниками вооруженного противостояния. Нарушение установленных правил ведения боевых действий нередко выходит за пределы непосредственного причинения вреда противнику и затрагивает иные общественные отношения, связанные с защитой гражданского населения, сохранением имущества и обеспечением минимальных гуманитарных гарантий. Одним из таких проявлений выступает мародерство, поскольку в условиях вооруженного конфликта незаконное завладение имуществом приобретает дополнительную общественную опасность, обусловленную использованием обстоятельств, при которых возможности потерпевших по защите своих прав существенно ограничены.

В российском уголовном законодательстве ответственность за данное преступление закреплена в составе ст. 356.1 УК РФ. Закрепление соответствующей нормы свидетельствует о стремлении законодателя выделить соответствующий состав из системы преступлений против собственности, определив его качественные особенности существенно повышающими степень общественной опасности.

Данное преступление относится к категории деяний, которые в уголовно-правовой доктрине принято именовать конвенционными, поскольку его нормативную основу составляют положения международного гуманитарного права, закрепляющие обязательные стандарты поведения сторон вооруженного конфликта. Следует поддержать позицию А. К. Князькиной, согласно которой международное гуманитарное право опирается на установленные границы допустимого поведения участников вооруженного конфликта, исключающие использование военной обстановки в качестве средства противоправного завладения чужим имуществом [1, с. 306]. Данный вывод представляется обоснованным, поскольку запрет разграбления имеет не только имущественно-правовую, но и гуманитарную природу. Его назначение состоит в обеспечении защиты лиц, которые вследствие ранения, гибели, эвакуации либо иных последствий вооруженного конфликта объективно лишены возможности самостоятельно обеспечить сохранность принадлежащего им имущества.

Такой подход получил закрепление в положениях Женевской конвенции 1949 г. [2], возлагающей на стороны вооруженного конфликта обязанность принимать необходимые меры для защиты раненых и больных от ограбления и недопущения разграбления имущества погибших. При этом действие указанного запрета не зависит от масштабов военного противостояния, его интенсивности или характера: гуманитарные ограничения сохраняют силу на всем протяжении конфликта, поскольку их назначение заключается в минимизации произвольного насилия и обеспечении защиты лиц, наиболее уязвимых перед последствиями войны.

Именно данная международно-правовая основа во многом определила необходимость самостоятельного закрепления ответственности за мародерство в российском уголовном законодательстве. Введение ст. 356.1 УК РФ в научной литературе рассматривается как отражение стремления законодателя учитывать специфику данного деяния, которая не сводится исключительно к незаконному завладению имуществом, а связана с особой обстановкой совершения преступления и нарушением установленных правил поведения в период вооруженного конфликта.

Согласно ч. 1 ст. 356.1 УК РФ мародерством признается совершенное с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу военного либо иных лиц чужого имущества, включая имущество, находящееся при убитых или раненых, а также имущество гражданского населения. Такая законодательная конструкция позволяет выделить ключевой признак рассматриваемого преступления – использование чрезвычайной обстановки вооруженного противостояния для противоправного обращения чужого имущества в собственных интересах.

Размещение нормы в разделе «Преступления против мира и безопасности человечества» подчеркивает ее международно-правовую направленность и связь с гуманитарными обязательствами государства. Однако в научной литературе встречается позиция о целесообразности ее отнесения к преступлениям против военной службы, аргументируемая тем, что мародерство подрывает авторитет Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), нарушает воинскую дисциплину и противоречит воинским традициям [3, с. 27].

В целом разделяя приведенную позицию, необходимо отметить, что она отражает лишь один из аспектов общественной опасности мародерства. Рассмотрение данного деяния исключительно через призму нарушения воинской дисциплины и авторитета ВС РФ не в полной мере раскрывает содержание охраняемых уголовным законом отношений, поскольку последствия мародерства выходят за пределы внутренней организации военной службы. Совершение таких действий затрагивает более широкий комплекс общественных отношений, основанных на международно-правовых принципах гуманного права. Именно данный аспект обуславливает дискуссию относительно его родового и непосредственного объекта.

В качестве основного непосредственного объекта мародерства, по мнению Д. А. Безбородова и В. В. Сомко, следует рассматривать общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленных международным гуманитарным правом правил ведения вооруженного конфликта в части обращения с чужим имуществом [4, с. 21]. Поддерживая мнение специалистов, отметим, что в составе мародерства посягательство направлено не только на имущественную сферу как таковую, но, прежде всего, на закрепленный международными нормами правовой режим использования и охраны имущества в условиях войны (боевых действий).

Дополнительным непосредственным объектом мародерства выступают отношения собственности, поскольку рассматриваемое деяние реализуется посредством противоправного безвозмездного изъятия чужого имущества и тем самым нарушает установленный правопорядок в сфере владения, пользования и распоряжения материальными благами.

Предмет мародерства образует любое движимое или недвижимое имущество независимо от формы собственности (частной, государственной, муниципальной и иной), а также правового статуса потерпевшего – будь то имущество физических лиц, включая военнослужащих, юридических лиц либо международных организаций. Как справедливо отмечает Д. В. Лобач, «использование законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 356¹ УК РФ формулы “в том числе” при указании на имущество, находящееся при убитых или раненых, а равно имущество гражданского населения, свидетельствует о неконкретизированном, открытом характере перечня» [5, с. 56]. Данная конструкция не ограничивает предмет исключительно названными категориями, а подчеркивает их социальную уязвимость в условиях вооруженного конфликта.

Дискуссионным представляется вопрос о возможности признания предметом мародерства объектов, изъятых из гражданского оборота либо ограниченных в нем. Речь может идти, в частности, о наркотических средствах, психотропных веществах, огнестрельном оружии и иных предметах, оборот которых подлежит специальному правовому регулированию. По мнению В. С. Коростелева, с формально-юридической точки зрения указанные объекты сохраняют признак имущественной ценности и, следовательно, способны выступать предметом безвозмездного изъятия [6, с. 43]. Однако их незаконное завладение в условиях вооруженного конфликта затрагивает дополнительные сферы общественных отношений, охраняемых уголовным законом (общественную безопасность, здоровье населения и т. д.). В этой связи обоснованным представляется применение правил квалификации по совокупности преступлений (например, со ст. 226 или ст. 229 УК РФ), поскольку содеянное выходит за пределы исключительно имущественного посягательства.

Одновременно следует отметить, что с позиций законодательной техники представляется возможным дальнейшее совершенствование конструкции ст. 356.1 УК РФ посредством выделения квалифицированных составов, предусматривающих ответственность за противоправное завладение предметами, обладающими повышенной социальной значимостью и потенциальной криминогенной опасностью. В этой связи следует согласиться с В. В. Власенко, который обоснованно указывает, что подобная дифференциация уголовной ответственности позволила бы более точно учитывать специфику предмета посягательства в условиях вооруженного конфликта и повысить эффективность уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений [7, с. 39].

Кроме того, представляется обоснованной позиция указанного автора о том, что предметом мародерства не могут признаваться вещи, лишенные экономической стоимости и не обладающие признаками имущества в гражданско-правовом смысле [7, с. 39–40]. К числу таких объектов могут быть отнесены, в частности, личные письма, фотографии, дневниковые записи и иные предметы, не имеющие самостоятельной имущественной ценности. Полагаем, что аналогичный подход применим к государственным наградам: их изъятие образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 324 УК РФ, что исключает квалификацию по ст. 356.1 УК РФ в данной части.

Законодательная конструкция ст. 356.1 УК РФ не содержит указания на минимальный стоимостной порог предмета посягательства. Тем самым формально-юридические основания привлечения к ответственности возникают независимо от размера причиненного имущественного ущерба. Однако подобная нормативная неопределенность не предполагает императивного признания уголовно наказуемым любого, в том числе минимального по стоимости, изъятия, поскольку на данное деяние, как и на иные преступления, распространяется действие ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности, допускающей учет характера и степени общественной опасности конкретного поведения.

В случаях завладения предметами незначительной материальной ценности при отсутствии иных отягчающих обстоятельств не исключается возможность признания деяния малозначительным в смысле ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако такая оценка допустима лишь при условии, что посягательство не сопровождается признаками, повышающими степень его общественной опасности и не влечет существенного нарушения охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Вместе с тем применение общих положений о малозначительности деяния к отдельным случаям совершения мародерства требует дифференцированного подхода с учетом конструкции конкретного состава преступления. Как справедливо отмечает Д. Ю. Корсун, признание малозначительными квалифицированных и особо квалифицированных видов мародерства представляется необоснованным, поскольку их повышенная общественная опасность уже получила законодательную оценку через включение дополнительных квалифицирующих обстоятельств, таких как причинение вреда жизни или здоровью человека, а также значительный имущественный ущерб [8, с. 113]. Поддерживая суждение автора, следует подчеркнуть, что общественную опасность деяния составляют не столько неправомерный характер завладения чужим имуществом, сколько обстановка вооруженного конфликта, существенно повышающая степень общественной опасности содеянного. Поэтому считаем справедливой позицию специалистов, исключающих возможность применения положений о малозначительности к таким формам мародерства.

Наряду с этим дискуссионным остается вопрос о возможности уголовно-правовой оценки действий лица, заглаживающего предметами, находящимися на местах захоронений. Разрешение данной проблемы непосредственно связано с определением правового режима такого имущества и установлением того, сохраняет ли оно признаки чужого имущества как обязательного элемента состава преступления. Если вещь была добровольно оставлена собственником и в результате этого утратила связь с конкретным лицом, она не может рассматриваться как предмет чужой собственности в уголовно-правовом смысле [9, с. 56]. В данном случае отсутствует один из ключевых признаков хищения, а именно обращение имущества, принадлежащего другому лицу, что исключает возможность квалификации содеянного по ст. 356.1 УК РФ.

Иное решение вопроса возможно лишь тогда, когда имущество сохраняет принадлежность определенному владельцу либо находится во владении лиц, уполномоченных обеспечивать его сохранность. Например, завладение личными вещами погибшего военнослужащего или гражданского лица, находящимися при нем либо переданными для хранения, сохраняет признаки противоправного обращения чужого имущества и требует оценки с учетом положений о мародерстве.

Анализ объективной стороны мародерства предполагает обращение к системной взаимосвязи ст. 356.1 УК РФ с общими положениями уголовного закона о хищении как родовом имущественном посягательстве. Использование законодателем терминологического конструкта «безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества» свидетельствует о том, что рассматриваемый состав сконструирован как специальная форма хищения, специфика которой определяется не столько способом завладения, сколько особой обстановкой совершения деяния – военным временем, режимом военного положения либо условиями вооруженного конфликта.

В уголовно-правовой доктрине сложились различные подходы к толкованию диспозиции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ. Согласно одной позиции, мародерство может реализовываться лишь в формах, предполагающих фактическое изъятие имущества из владения потерпевшего, – в виде кражи, грабежа либо разбоя [10, с. 105]. Аргументация сторонников данного подхода строится на том, что отсутствие указания на вверенность имущества препятствует квалификации как присвоения и растраты, а термин «изъятие» не в полной мере соотносится с конструкцией мошенничества, основанного на обмане или злоупотреблении доверием [11, с. 57].

Иная точка зрения исходит из расширительного толкования нормы и предполагает, что законодатель, не конкретизируя способ совершения, допускает реализацию мародерства посредством любых форм хищения при условии наличия корыстной цели и совершения деяния в предусмотренной законом обстановке [12, с. 43].

Разрешение указанной доктринальной проблемы, на наш взгляд, связано, прежде всего, с обращением к содержанию законодательной конструкции мародерства и ее соотношением с общими признаками хищения. Использованный в диспозиции ст. 356.1 УК РФ терминологический конструкт «безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества» не является случайным и соответствует сложившейся юридической технике описания родовых признаков хищения. Его смысловое содержание указывает на необходимость учета не только факта завладения имуществом, но и характера действий виновного, направленных на установление фактического контроля над предметом преступного посягательства.

Следовательно, момент окончания мародерства следует связывать не с устремлением лица извлечь корыстную выгоду, а с фактическим приобретением возможности владеть, пользоваться либо распоряжаться незаконно приобретенным имуществом потерпевшего. Такой подход, по мнению К. В. Вишневецкого, А. А. Кашкарова и М. В. Рудика, позволяет сохранить внутреннюю согласованность ст. 356.1 УК РФ с общей конструкцией преступлений против собственности и одновременно учитывать специфику совершения данного деяния в условиях вооруженного конфликта [3, с. 27].

Наряду с деянием, образующим объективную сторону мародерства, необходимо обратить внимание на обстоятельства, при которых оно приобретает квалификационное значение в составе ст. 356.1 УК РФ. К числу обязательных признаков рассматриваемого состава относится время его совершения, поскольку законодатель связывает ответственность за мародерство не с любым незаконным завладением чужим имуществом, а с действиями, совершенными в особой обстановке, – в период военного времени, вооруженного конфликта либо ведения боевых действий.

При этом понятие военного времени имеет бланкетный характер и раскрывается не в уголовном законе, а в положениях законодательства об обороне. Согласно ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 14.11.2025) «Об обороне» военное время представляет собой период, начинающийся с момента объявления состояния войны либо фактического начала военных действий и завершающийся объявлением об их прекращении, но не ранее фактического окончания таких действий.

Не менее значимым признаком является обстановка совершения преступления, характеризующаяся совокупностью объективных условий, в которых реализуется противоправное поведение. Бланкетный характер ст. 356.1 УК РФ обуславливает необходимость обращения к иным нормативным источникам. Так, Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» определяет военное положение как особый правовой режим, вводимый Указом Президента Российской Федерации в случае агрессии либо непосредственной угрозы агрессии. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976, раскрывает понятие вооруженного конфликта как вооруженного столкновения ограниченного масштаба

между государствами либо противоборствующими сторонами в пределах территории одного государства, разграничивая международные и внутренние конфликты. Следовательно, квалификация мародерства требует установления наличия соответствующего правового и фактического обстоятельства, в котором осуществляется посягательство.

При этом оценка действий лица, внешне соответствующих признакам мародерства, требует учета обстоятельств, исключающих преступность деяния. Одним из таких обстоятельств является крайняя необходимость, поскольку условия вооруженного конфликта могут создавать ситуации, в которых обращение к чужому имуществу обусловлено не стремлением к незаконному обогащению, а необходимостью предотвращения более значительного вреда.

В частности, изъятие лекарственных препаратов, средств связи, продуктов питания или иных предметов первой необходимости в ситуации непосредственной угрозы жизни и здоровью людей может быть направлено на устранение возникшей опасности, а не на получение имущественной выгоды. В подобных случаях содеянное подлежит оценке с учетом положений ст. 39 УК РФ о крайней необходимости и при наличии предусмотренных законом условий не может рассматриваться как преступление.

Рассмотрев признаки, характеризующие внешнюю сторону состава мародерства, следует обратиться к уголовно-правовой оценке его внутреннего содержания.

Субъективная сторона мародерства характеризуется прямым умыслом и обязательной корыстной целью. Виновное лицо осознает не только фактический характер совершаемых действий, связанных с изъятием или обращением чужого имущества, но и понимает, что действует в особой обстановке, а именно в период военного времени, вооруженного конфликта либо ведения боевых действий. При этом его воля направлена на противоправное обращение имущества в свою пользу либо в пользу иных лиц.

Именно корыстная цель выступает тем признаком, который позволяет отграничить мародерство от хищения. В случаях же, когда виновный действует без цели извлечения имущественной выгоды, например для устранения непосредственной угрозы жизни или здоровья людей, вопрос об ответственности должен решаться с учетом иных положений уголовного закона.

Субъект мародерства соответствует общим признакам субъекта преступления, установленным уголовным законом. Диспозиция ст. 356.1 УК РФ не устанавливает каких-либо специальных требований к лицу, совершившему данное преступление.

Определяя возрастные границы уголовной ответственности за мародерство, законодатель исходил из общего подхода, закрепленного в ст. 20 УК РФ, установив возможность привлечения к ответственности за данное преступление с шестнадцатилетнего возраста.

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о правовой оценке действий несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, которые совершают завладение чужим имуществом в обстоятельствах, внешне соответствующих признакам мародерства. Формальное сходство таких действий с составом преступления, предусмотренным ст. 356.1 УК РФ, само по себе не позволяет применять указанную норму, поскольку виновные к моменту совершения преступления не достигли возраста уголовной ответственности. В связи с этим считаем оправданным содеянное при данных обстоятельствах квалифицировать исходя из фактического содержания содеянного.

Подводя итоги исследованию, считаем правильным рассматривать мародерство как преступление, сочетающее в себе признаки посягательства на отношения собственности и ставящее под угрозу гарантии, сформированные международным гуманитарным правом для периода вооруженного противостояния. Именно сочетание имущественного и гуманитарного аспектов обуславливает необходимость самостоятельного уголовно-правового регулирования данного деяния и формирования единообразных подходов к его квалификации.

Дальнейшее развитие законодательства в данной сфере может быть связано с более детальной дифференциацией уголовной ответственности с учетом характера предмета посягательства и степени общественной опасности конкретных форм мародерства. В частности, требует дополнительного научного осмысления вопрос о выделении квалифицирующих обстоятельств, связанных с незаконным завладением имуществом, имеющим особое значение для обеспечения жизнедеятельности населения в условиях вооруженного конфликта либо способным повлечь дополнительные тяжкие последствия. Такой подход позволил бы более точно учитывать различные варианты проявления данного преступления и обеспечивать соответствие уголовно-правовой оценки реальной опасности содеянного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Князькина А. К. Понятие и классификация конвенционных преступлений и их место в системе Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 302–311.
2. Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540383/chapter/6c1cd64c4ef27b5d5b90eeb7b25f85dc/?ysclid=mmekqb1lr6594727144> (дата обращения: 12.02.2026).
3. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А., Рудик М. В. Мародерство: новая уголовно-правовая трактовка // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 25–30.
4. Безбородов Д. А., Сомко В. В. Мародерство: особенности объекта и объективной стороны преступления // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 19–25.
5. Лобач Д. В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 53–61.
6. Коростелев В. С. О предпосылках для корректировки предмета составов хищения и вымогательства вещей, ограниченных в обороте или изъятых из оборота // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 2 (16). С. 41–47.
7. Власенко В. В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9 (1067). С. 37–43.
8. Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние с квалифицирующими признаками // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 112–116.
9. Исмаилов Р. А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 55–59.
10. Понаровкина А. М. Хищение надмогильных сооружений и имущества, находящегося в захоронении: вопросы уголовно-правовой квалификации // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2021. № 22. С. 103–110.
11. Анисимов В. Ф. Присвоение или растрата: спорные вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 1. С. 55–60.
12. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 39–44.

REFERENCES

1. Knyaz'kina A.K. Concept and classification of convention crimes and their place in the system of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2009, no. 1, pp. 302–311. (In Russ.).
2. *Zhenevskaya Konventsiya o zashchite grazhdanskogo naseleniya vo vremya voiny (Zheneva, 12 avgusta 1949 g.)* [The Geneva Convention for the Protection of Civilian Persons in Time of War (Geneva, August 12, 1949)]. Available at: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540383/chapter/6c1cd64c4ef27b5d5b90eeb7b25f85dc/?ysclid=mmekqb1lr6594727144> (accessed February 12, 2026).

3. Vishnevetskii K.V., Kashkarov A.A., Rudik M.V. Pillage: a new criminal legal interpretation. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2023, no. 2, pp. 25–30. (In Russ.).
4. Bezborodov D.A., Somko V.V. Looting: characteristics of the crime target and specifics of actus reus in the crime. *Kriminalist = Criminalist*, 2024, no. 2 (47), pp. 19–25. (In Russ.).
5. Lobach D.V. Criminal law characteristics of looting as a crime against the peace and security of mankind in the Russian criminal legislation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2023, no. 1 (93), pp. 53–61. (In Russ.).
6. Korostelev V.S. On the prerequisites for adjusting the subject matter of the elements of theft and extortion involving items restricted in circulation or withdrawn from circulation. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo Bulletin of the Samara Humanities Academy. Series: Law*, 2014, no. 2 (16), pp. 41–47. (In Russ.).
7. Vlasenko V.V. Criminal liability for looting. *Zakonnost' = Legality*, 2023, no. 9 (1,067), pp. 37–43. (In Russ.).
8. Korsun D.Yu. A minor act with qualifying features. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2019, no. 9, pp. 112–116. (In Russ.).
9. Ismagilov R.A. Some problems in qualifying the theft of property from the bodies of the deceased and their burial sites. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (15), pp. 55–59. (In Russ.).
10. Ponarovkina A.M. Theft of grave structures and property located in the burial: issues of criminal law qualification. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific Notes of the Tambov Branch of RoSMU*, 2021, no. 22, pp. 103–110. (In Russ.).
11. Anisimov V.F. Misappropriation or embezzlement: controversial issues of classification. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2007, no. 1, pp. 55–60. (In Russ.).
12. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Qualification of looting and its delimitation from other crimes. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (64), pp. 39–44. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru

NODAR SH. KOZAEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Research Work of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru

DMITRII A. RYASOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Law Enforcement Intelligence Operations of Internal Affairs Bodies of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru

Статья поступила 16.07.2026

Научная статья

УДК 343.2

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.012

Меры поощрения в отношении лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах

ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА КОВАЛЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, lera.kovalenko.89@list.ru

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА СТАРИКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, katyastar7531@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается система мер поощрения, применяемых к подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах. Анализируется правовая основа, выявляются ключевые противоречия и дисфункции существующего механизма, обусловленные неясностью его целей и формальным характером ряда мер. Предлагается концепция реформирования системы поощрений через расширение перечня значимых для содержащихся под стражей льгот, их дифференциация и создание прозрачных процедур применения, что соответствует принципам гуманизации пенитенциарной политики.

Ключевые слова: меры поощрения; следственный изолятор; подозреваемые и обвиняемые; уголовно-исполнительная система; пенитенциарная система; стимулирование правопослушного поведения.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Коваленко В. В., Старикова Е. С. Меры поощрения в отношении лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 89–94. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.012.

Original article

Incentive Measures for Persons Detained in Pre-Trial Detention Centers

VALERIYA V. KOVALENKO

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, lera.kovalenko.89@list.ru

EKATERINA S. STARIKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, katyastar7531@gmail.com

Abstract. The paper reviews the incentive framework for detainees in pre-trial facilities, exposing major inconsistencies and inefficiencies arising from unclear goals and the merely formal application of several existing measures. To address this, it puts forward a reform concept that hinges on broadening the scope of tangible privileges for inmates, differentiating them according to significance, and creating clear, transparent procedures for granting them – changes that are fully consistent with ongoing efforts to humanize the penal system.

Keywords: incentive measures; pre-trial detention center; suspects and the accused; penal system; penitentiary system; encouragement of law-abiding behavior.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kovalenko V.V., Starikova E.S. Incentive measures for persons detained in pre-trial detention centers. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 89–94. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.012.

В Российской Федерации на фоне тенденции к снижению уровня преступности уголовно-исполнительная система остается важным инструментом пенитенциарной политики. В советский период исправительные учреждения, включавшие исправительно-трудовые колонии, тюрьмы, учреждения для применения к заключенным мер медицинского характера и арестные дома, базировались на идеологии обязательного труда и жесткой изоляции [1]. Сейчас же при стремительном развитии общества, увеличении его потребностей и трансформации социальных отношений российская пенитенциарная система стоит перед необходимостью глубокой модернизации. Эволюция от исправительно-трудовых колоний к современным исправительным колониям и следственным изоляторам формально отразила смену парадигмы. Однако нынешние реалии требуют перехода от системы, карающей и изолирующей, к системе, ориентированной на результативную ресоциализацию и безопасность общества в долгосрочной перспективе.

Ключевым вызовом становится не просто физическое содержание лиц, лишенных свободы, а их «отправная точка», которая начинается со следственного изолятора. Содержащиеся в СИЗО подозреваемые и обвиняемые находятся в состоянии острого психологического и социального кризиса, вызванного изоляцией, неопределенностью исхода дела и стрессом от столкновения с карательным аппаратом государства. От их первоначального опыта, сформировавшихся установок, понимания и поведения зависит не только ход следствия, но и, в случае если суд признает их вину, дальнейшая траектория всего отбывания наказания. Психика человека, травмированная жесткими условиями и ощущением потерянности, склонна формировать деструктивные защитные механизмы: агрессию, апатию, полное отчуждение от норм закона и общества. Это создает «порочный круг», когда человек, еще не признанный виновным, уже проходит интенсивную криминализацию в системе, признанной осуществлять правосудие.

Поэтому в целях привития правопослушного поведения подозреваемым и обвиняемым, сохранения их социально полезных качеств и создания основы для ресоциализации используются меры поощрения, которые влияют на первоначальное формирование поведенческой модели в условиях изоляции.

СИЗО как учреждение уголовно-исполнительной системы находится в точке пересечения двух фундаментальных, но часто противоречащих друг другу принципов: неотвратимости наказания и ресоциализации.

тимости изоляции лиц, в отношении которых избрана мера пресечения, и презумпции невиновности. В настоящее время УИС играет ключевую роль в исполнении такой меры пресечения, как содержание под стражей лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. В рамках этой деятельности одной из важнейших управленческих задач выступает поддержание правопорядка и дисциплины в СИЗО [2].

Внедрение здесь продуманной, многоуровневой системы позитивных стимулов – это не просто акт гуманизма, а стратегическая инвестиция в будущую управляемость и безопасность всей УИС. Лицо, которое еще на этапе СИЗО усвоило, что конструктивное поведение, сотрудничество со следствием, участие в образовательных программах и сохранение социальных связей ведут к реальному улучшению условий и смягчению процессуального положения, с гораздо большей вероятностью сохранит мотивацию к правомерному поведению при этапировании в исправительную колонию, будет восприимчиво к программам исправления и ресоциализации, не станет участником дестабилизации режима в учреждении.

Однако, до сих пор не существует единого понимания правовой природы поощрительных норм и способов их применения. Эта теоретическая неопределенность препятствует их эффективному использованию в работе учреждений и органов УИС [3].

Следовательно, возникает вопрос: какова природа поощрения? На сегодняшний день в доктрине отсутствует единое понимание. Фактически система выполняет две сугубо утилитарные функции:

- дисциплинарно-режимную: поддержание внутреннего распорядка, предотвращение правонарушений и конфликтов;
- компенсаторно-мотивационную: создание позитивного стимула в условиях крайне ограниченной свободы.

Однако правовая регламентация не отражает этой двойственности, что приводит к ее восприятию персоналом исключительно как приписка к системе взысканий, а содержащимся под стражей – как к формальности.

Статья 37 Федерального закона Российской Федерации от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ № 103) предусматривает возможность применения мер поощрения и взыскания для стимулирования законопослушного поведения и добросовестного исполнения обязанностей.

Однако эффективность данного инструментария серьезно ограничена рядом фундаментальных проблем. В доктрине уголовно-исполнительного права до сих пор отсутствует единое понимание правовой природы поощрительных норм, их целей и механизмов применения в условиях СИЗО. Эта теоретическая неопределенность напрямую транслируется в правоприменительную практику. В отличие от исправительных учреждений, где основная цель – исправление осужденных, в следственных изоляторах воспитательная работа как таковая ограничена, поскольку под стражей содержатся лица, чья вина еще не доказана судом. Следовательно, меры поощрения и взыскания в таких учреждениях используются для поддержания порядка и соблюдения режимных требований, а не для воспитания, что сужает их потенциал [4].

Система мер поощрения для лиц, содержащихся под стражей, представляет собой сложный и многогранный инструмент пенитенциарной политики. Она функционирует на стыке задач обеспечения строгого режима, воспитательного воздействия и соблюдения прав человека. Этот механизм не только регулирует поведение, но и служит важным индикатором взаимодействия между администрацией СИЗО и лицом, содержащимся под стражей.

За примерное выполнение обязанностей, соблюдение установленного порядка содержания под стражей к подозреваемым и обвиняемым могут применяться такие меры поощрения, как:

– благодарность, она не увеличивает благо, однако при рассмотрении дела в суде их количество будет учитываться при запросе характеристики, что может стать смягчающим обстоятельством. Также подозреваемый или обвиняемый может быть хорошим примером сокамерникам и давать им понимание, что за выполнение правил внутреннего распорядка надлежащим образом они будут поощрены. В случае если в суде будет доказана его вина и приговор вступит в законную силу, осужденный будет этапирован в исправительное учреждение, где администрацией тоже будут учитываться поощрения в виде благодарности для определения его как «положительно характеризуемого осужденного», распределения в отряд облегченных условий отбывания наказания, принятия заявления на условно-досрочное освобождение при положительном поведении;

– досрочное снятие ранее наложенного взыскания, жестко ограниченное сроками, которые могут превышать время нахождения лица под стражей, применяется лишь при наличии неснятого взыскания, что делает его недоступным для лиц с безупречным поведением;

– досрочное снятие ранее наложенного взыскания в виде выговора допускается не ранее чем через три месяца со дня наложения такого взыскания, досрочное снятие ранее наложенного взыскания в виде водворения в карцер или одиночную камеру на гауптвахте – не ранее чем через шесть месяцев со дня отбытия взыскания;

– денежная премия за лучшие показатели в работе (согласно указанному закону, премирование осуществляется за счет доходов, получаемых от труда подозреваемых и обвиняемых), при этом на практике денежная премия как мера поощрения трудно реализуема в силу того, что отсутствует сам факт наличия рабочих мест, в связи с текучестью контингента и отсутствием навыков и квалификации подозреваемых и обвиняемых. Кроме этого, по нашему мнению, основная проблема заключается в отсутствии достаточных средств, необходимых для стимулирования законопослушного поведения лиц, содержащихся под стражей в СИЗО;

– демонстрация дополнительного фильма, разрешение на дополнительное посещение помещения для спортивных занятий, а также на другие формы проведения досуга для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых (ФЗ № 103).

Содержание в СИЗО – это период высокой неопределенности и стресса, который может провоцировать продолжение развития девиантного поведения или его формирование. Поэтому в целях стимулирования правопослушного поведения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО, целесообразно расширить перечень предусмотренных законом мер поощрения, которые будут решать несколько задач:

– снижение уровня агрессии и конфликтов среди содержащихся лиц, что облегчит работу администрации учреждения;

– формирование и закрепление моделей просоциального поведения на ранней стадии уголовного преследования;

– сохранение психологического и физического здоровья лица, что соответствует принципу презумпции невиновности.

В перечень дополнительных мер поощрений подозреваемых и обвиняемых рекомендуется включить:

1. Увеличение продолжительности прогулки.

Необходимо отметить, что увеличение продолжительности прогулок может стать для большинства заключенных дополнительным стимулом к добросовестному выполнению установленных режимных требований, также действенной мерой поощрения может послужить доступ к прогулочным дворикам, оборудованным спортивным инвентарем.

2. Разрешение дополнительного свидания с родственниками.

Поскольку подозреваемым и обвиняемым, согласно абзацу 4 ст. 18 ФЗ № 103, разрешено не более двух свиданий в месяц с родственниками и близкими по решению органа,

ведущего уголовное дело. Полагаем, что возможность получить дополнительное свидание может стать для них весомым поощрением.

3. Увеличение общего веса передач от положенных по закону на 5–10 килограмм по решению начальника учреждения.

Вследствие того что разрешенный вес передач подозреваемым и обвиняемым составляет 30 килограмм, дополнительная масса передаваемых вещей, сверх установленной, может послужить стимулом к правопослушному поведению как напоминание о семье или иных заботящихся о нем лицах.

Эти изменения позволят администрации следственного изолятора применять меры поощрения к большему числу подозреваемых и обвиняемых, а также более гибко и индивидуально выстраивать работу с лицами, находящимися под стражей. Также при постоянном развитии и изменении общества для более индивидуального подхода к подозреваемым и обвиняемым список рекомендуемых мер поощрения будет увеличиваться. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.07.1976 № 4203-IX «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» [7], меры поощрения имели иной вид и состав. Приоритеты с того момента сместились в сторону гуманизации, изменения видов поощрений, премирования подозреваемых и обвиняемых, появились поощрения, применяемые только к несовершеннолетним.

Таким образом, выявляется нормативная неопределенность правовой природы поощрительных норм и функциональная ограниченность существующей системы, ориентированной преимущественно на поддержание режимных требований без учета специфики статуса не осужденных, а подозреваемых и обвиняемых лиц.

Критической проблемой является фактическая нереализуемость отдельных предусмотренных законом поощрительных мер. В этой связи обоснованна необходимость расширения перечня поощрительных мер. Эти меры соответствуют принципу гуманизма и могут стать эффективным стимулом правопослушного поведения.

Также возможна разработка дифференцированной системы стимулирования с учетом индивидуальных особенностей подозреваемых и обвиняемых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шукан А. А. Становление архитектуры пенитенциарных учреждений в России // Форум молодых ученых. 2018. № 5-3 (21). С. 988–992. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-arhitektury-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-v-rossii> (дата обращения: 19.12.2025).
2. Сенатов А. В. Некоторые проблемы нормативного правового регулирования раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 116–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-normativnogo-pravovogo-regulirovaniya-razdelnogo-soderzhaniya-podozrevaemyh-i-obvinyaemyh-v-sovershenii> (дата обращения: 19.12.2025).
3. Рясова А. И., Рахманкин Е. А. Меры поощрения и взыскания, применяемые к подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 1. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/01/88574> (дата обращения: 19.12.2025).
4. Мухтарова Ю. Ш. О мерах поощрения и взыскания, применяемых к осужденным в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 50–53.

REFERENCES

1. Shukan A.A. Formation of architecture of penitentiary institutions in Russia. *Forum molodykh uchenykh = Forum of Young Scientists*, 2018, no. 5–3 (21), pp. 988–992. Available at: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-arhitektury-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-v-rossii (data obrashcheniya: 19.12.2025).

2. Senatov A.V. Some problems of normative legal regulation of separate detention of suspects and accused of committing crimes in pre-trial detention centers of the penal system. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* = *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 4 (49), pp. 116–121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-normativnogo-pravovogo-regulirovaniya-razdelnogo-soderzhaniya-podozrevaemyh-i-obvinyaemyh-v-sovershenii> (In Russ.). (Accessed December 19, 2025).

3. Rysova A.I., Rakhmankin E.A. Measures of encouragement and punishment applied to suspects and accused held in pre-trial detention facilities of the penal system. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* = *Modern Scientific Research and Innovations*, 2019, no. 1. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2019/01/88574> (In Russ.). (Accessed December 19, 2025).

4. Mukhtarova Yu.Sh. On measures of incentives and penalties applied to convicted in correctional establishments. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* = *Penal Law*, 2014, no. 1, pp. 50–53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА КОВАЛЕНКО – начальник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества научно-организационного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, lera.kovalenko.89@list.ru

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА СТАРИКОВА – курсант 3 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, katyastar7531@gmail.com

VALERIYA V. KOVALENKO – Head of the Department for Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Research and Organizational Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, lera.kovalenko.89@list.ru

EKATERINA S. STARIKOVA – 3rd year cadet at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, katyastar7531@gmail.com

Статья поступила 23.12.2025

Научная статья

УДК 343.28

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.013

Принудительные работы: уголовно-исполнительная характеристика

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КРАСОТКИН

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0588-3140>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛАСТОЧКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, lastik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, uaa9069498255@yandex.ru

Аннотация. В статье дана общая характеристика принудительных работ как вида уголовного наказания; исследуются нормы уголовного законодательства, регламентирующие принудительные работы; анализируется уголовно-исполнительное законодательство о порядке исполнения и отбывания наказания в виде принудительных работ; изучаются проблемные аспекты практики реализации наказания в виде принудительных работ на примере некоторых учреждений территориальных органов ФСИН России. На основании результатов исследования сформулированы предложения о сроках привлечения осужденных к труду, по разрешению правовых коллизий в части цензурирования цифрового контента, отнесению некоторых средств личной гигиены к запрещенным легковоспламеняющимся веществам.

Ключевые слова: принудительные работы; уголовно-исполнительная система; исправительный центр; осужденный.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Красоткин П. Н., Ласточкин А. Н., Уткин А. А. Принудительные работы: уголовно-исполнительная характеристика // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 95–102. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.013.

Original article

Forced Labor: Criminal Executive Characteristic

PAVEL N. KRASOTKIN

Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0588-3140>

© Красоткин П. Н., Ласточкин А. Н., Уткин А. А., 2026

ALEKSANDR N. LASTOCHKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, lastik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

ALEKSANDR A. UTKIN

Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, uaa9069498255@yandex.ru

Abstract. The article provides a general description of forced labor as a type of criminal punishment, assesses norms of criminal legislation regulating forced labor, analyzes penal legislation concerning the procedure for executing and serving a sentence in the form of forced labor, and studies problematic aspects of the practice of implementing punishment in the form of forced labor (case study of certain institutions of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia). Based on the research results, proposals are formulated regarding the timeframes for engaging convicts in labor, resolving legal conflicts related to the censorship of digital content, and classifying certain personal hygiene products as prohibited flammable substances.

Key words: forced labor; penal system; correctional center; convict.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Krasotkin P.N., Lastochkin A.N., Utkin A.A. Forced labor: criminal executive characteristic. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 95–102. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.013.

Наказание в виде принудительных работ было предусмотрено в УК РФ 1996 г. в редакции 2011 г. [1], однако отсутствие необходимого объема финансирования привело к систематическому введению отлагательных норм в рамках федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» до 1 января 2017 г.

Сущность принудительных работ заключается в содержании осужденного в специализированном учреждении под надзором, привлечении к обязательному труду с удержанием из заработной платы фиксированного процента в доход государства (ч. 3, 5 ст. 53.1 УК РФ). Принудительные работы представляют собой гибридный вид наказания, в котором аккумулируются признаки нескольких видов наказаний [2].

Принудительные работы применяются в качестве основного вида наказания (ст. 45 УК РФ) и устанавливаются на срок от 2 месяцев до 5 лет (ч. 4 ст. 53.1 УК РФ).

К принудительным работам осуждают только совершеннолетних мужчин и женщин. Не совершеннолетним данный вид наказания не назначается (ст. 53.1 УК РФ).

В 2024 г. к принудительным работам, по данным судебной статистики РФ [3], было осуждено 21,4 тыс. чел. (АППГ – 15,3 тыс. чел., то есть + 40 %). Удельный вес принудительных работ среди иных мер уголовно-правового характера составил 4,2 % (АППГ – 2,7 %).

Принудительные работы исполняются в следующих учреждениях: исправительных центрах (далее – ИЦ) (ч. 7.1 ст. 16 УИК РФ), участках исправительных центров (далее – УИЦ) (ч. 3.1 ст. 60.1 УИК РФ) и изолированных участках, функционирующих как исправительные центры при исправительных учреждениях (далее – ИУФИЦ) (ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ).

Уместно отметить, что в 2016 г. было принято решение о создании первых исправительных центров для исполнения наказания в виде принудительных работ. Такие центры появи-

лись в четырех регионах: Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях [4].

По состоянию на 1 января 2023 г. функционировало уже 367 учреждений, из них: 46 ИЦ и 321 УИЦ, ИУФИЦ [5].

На 27 ноября 2025 г. в состав УИС России для исполнения наказания в виде принудительных работ уже входят 405 учреждений, из них: 53 ИЦ, 58 УИЦ и 275 ИУФИЦ [6]. Мероприятия по вводу в эксплуатацию (ремонтные работы) проводятся в отношении 2 ИЦ, 3 УИЦ и 14 ИУФИЦ. Указанные учреждения способны разместить 50 064 осужденных. На необходимость увеличения количества мест для принудительных работ дал согласие Президент России В. В. Путин [7].

На приоритетный характер развития исправительных центров указывают федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 06.04.2018 № 420, и Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (далее – Концепция УИС России до 2030 г.). Именно развитие сети исправительных центров – одна из основных задач деятельности УИС России, для реализации которой к 2024 г. планировалось кратное увеличение размещения осужденных к принудительным работам, к 2030 г. – в полном объеме (разд. II, XII Концепции УИС России до 2030 г.).

Приоритетный характер развития исправительных центров обусловлен экономической целесообразностью, ведь особенность принудительных работ заключается в расширении участия в этом процессе хозяйствующих субъектов (организаций и предприятий любой организационно-правовой формы, индивидуальных предпринимателей).

1 декабря 2025 г. на рабочей встрече с Президентом РФ В. В. Путиным директор ФСИН России А. А. Гостев отметил, что институт исправительных центров работает, приносит положительные результаты по социализации и ресоциализации осужденных, способствует возмещению ущерба, причиненного преступлениями осужденных [8]. На 20,44 % увеличен средний размер заработной платы осужденных к принудительным работам (с 32,29 до 38,89 тыс. руб.).

Несмотря на положительные результаты, за более чем девять лет реализации данного вида наказания сохраняются нерешенные проблемы организационного и правового характера, что позволяет подвести некоторые итоги и определить направления для дальнейшего совершенствования системы.

1. Сроки привлечения осужденных к труду.

Особенность исполнения наказания в виде принудительных работ, в отличие от других наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества – обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы, заключается в том, что в уголовно-исполнительном законодательстве не предусмотрены сроки привлечения осужденных к труду.

Привлечение осужденных к принудительным работам предполагает не просто трудоустройство, а ряд мероприятий, направленных на обеспечение исполнения этого наказания, в том числе соблюдения прав человека и безопасности труда.

К основным мероприятиям следует отнести: определение места работы и учет индивидуальных особенностей осужденного; оформление трудовых отношений (прием документов, проведение инструктажей и др.); обеспечение безопасности (прохождение медицинской комиссии); охрану труда (обеспечение безопасных условий); организацию труда и его оплату (учет рабочего времени, удержания из заработной платы) и др.

В 2021 г. УОИНИО ФСИН России на вопрос об установлении срока привлечения к труду осужденных к принудительным работам по аналогии с исправительными работами (в 2021 г. срок привлечения к исправительным работам составлял 30 дней) дало следующий ответ: «установление срока привлечения к труду не является целесообразным. Вместе

с тем данный вопрос не будет оставлен без внимания и проработан с целью его разрешения».

Таким образом, вопрос срока привлечения осужденных к принудительным работам к труду на протяжении 7,5 лет оставался актуальным.

23 июля 2024 г. на совещании ФСИН России, где присутствовали представители Генеральной прокуратуры РФ, Минюста России, в повестке был заявлен вопрос «О рассмотрении представления Генеральной прокуратуры РФ от 28.06.2024 № 17-14-2024 «Об устранении нарушений законодательства при исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ»» и определено, что трудоустройство осужденных к принудительным работам необходимо осуществлять в течение 15 дней с даты прибытия лица в ИЦ, УФИЦ.

В дальнейшем территориальные органы ФСИН России до 20 декабря 2024 г. на местном уровне должны были издать соответствующий документ (приказ), согласно которому установить срок (15 дней), необходимый для трудоустройства осужденных к принудительным работам с даты прибытия лица в ИЦ, УИЦ, ИУФИЦ.

Однако практики отмечают, что 15 дней явно недостаточно для решения организационных вопросов (прежде всего, прохождения медицинской комиссии, получения (восстановления) необходимых документов для трудоустройства и др.), и высказываются о более приемлемом в их деятельности, разумном сроке в 30 дней.

Тем не менее по результатам опросов обучающихся курсов повышения квалификации при проведении занятий с представителями подразделений (отделов, отделений, групп) организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, не все территориальные органы ФСИН России установили пятнадцатидневный срок. В некоторых территориальных органах он составляет 10 дней, на что мы обратили особое внимание при взаимодействии с обучающимися в Томском институте повышения квалификации работников ФСИН России.

С учетом вышеизложенного мы полагаем, что имеется необходимость восполнить пробел сроков привлечения к труду осужденных к принудительным работам в уголовно-исполнительном законодательстве и предусмотреть разумный срок – 30 рабочих дней (например, в гл. 8.1 УИК РФ).

2. Правовые коллизии.

В соответствии со ст. 60.4 УИК РФ деятельность учреждения осуществляется согласно правилам внутреннего распорядка ИЦ уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР ИЦ УИС), которыми устанавливается перечень предметов и веществ, запрещенных для приобретения, хранения и использования осужденными к принудительным работам (приложение № 1 к ПВР ИЦ УИС, утвержденным Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 22.05.2026) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»).

В отличие от осужденных к лишению свободы, для которых аналогичный перечень насчитывает 31 позицию, осужденным к принудительным работам запрещено лишь 8 видов предметов и веществ. Такие послабления обусловлены особенностями режима отбывания наказания и позволяют осужденным пользоваться мобильными телефонами с выходом в Интернет (кроме помещений для нарушителей). Однако эти условия могут приводить к некоторым коллизиям.

Так, перечень предметов и веществ ориентирован на материальные объекты, подлежащие физическому изъятию, среди которых следует выделить материалы, предметы и видеофильмы эротического и порнографического содержания; печатные издания, материалы, предметы и символику, пропагандирующие войну, разжигание национальной и ре-

лигиозной вражды, культ насилия или жестокости, экстремистские материалы и символику экстремистской организации; игральные карты (п. 5–7 приложения № 1 к ПВР ИЦ УИС).

Вместе с тем осужденные к принудительным работам в силу разрешенного использования смартфонов имеют доступ к Интернету, который формально не подпадает под действие перечня, но в нем можно найти любую информацию, к которой относятся: 1) материалы эротического и порнографического содержания; 2) изображения, пропагандирующие войну, национальную или религиозную рознь, культ насилия или жестокости; 3) экстремистские материалы и символика экстремистских организаций; 4) игры в карты в цифровой форме и др.

Администрация ИЦ не обладает компетенциями по цензурированию цифрового контента. Даже если осужденные были бы обязаны предоставлять телефоны для проверки, выявление запрещенного контента носило бы случайный характер, а его квалификация часто вызывала бы затруднения. Отсутствие в перечне прямой отсылки к информации, распространение которой ограничено законом, создает правовую неопределенность и не позволяет использовать должные меры реагирования.

Еще одним примером коллизии является определение обычных средств личной гигиены (аэрозольных дезодорантов, антиперспирантов, пены для бритья в аэрозольных баллонах, на которых нанесена пиктограмма опасности СГС: огнеопасно) как запрещенных легковоспламеняющихся веществ, которые также включены перечень предметов и веществ, запрещенных для приобретения, хранения и использования осужденными к принудительным работам (п. 2 приложения № 1 к ПВР ИЦ УИС).

В практике некоторых ИЦ, УИЦ, ИУФИЦ нередки случаи, когда сотрудники администрации усматривают нарушение установленного запрета при обнаружении у осужденных таких средств, ссылаясь на маркировку «огнеопасно» (пламя в квадрате / ромбе). Подобная позиция поддерживалась и некоторыми представителями прокуратуры субъектов РФ.

Так, по результатам проверки Пермской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях у осужденных в ИЦ были выявлены аэрозольные дезодоранты. Администрация ИЦ провела проверку, признала наличие нарушений и привлекла осужденных к ответственности. Один из них был водворен в помещение для нарушителей, признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, в отношении него в порядке ч. 5 ст. 60.15 УИК РФ были переданы материалы в суд для решения вопроса замены принудительных работ лишением свободы. Параллельно этот осужденный обжаловал действия администрации в суд. В ходе судебного разбирательства были получены пояснения Главного управления МЧС России по Пермскому краю, согласно которым указанное косметическое средство не может быть отнесено к веществам и материалам по какой-либо группе горючести и воспламеняемости. Таким образом, суд не усмотрел в действиях осужденного состава нарушения и признал применение мер дисциплинарного взыскания незаконным (Кировский районный суд г. Перми от 01.12.2025 по делу № 2а-2858/2025).

Данный пример демонстрирует, что отсутствие уточнений в рассматриваемом перечне и формальный подход в квалификации приводят к неоднозначному толкованию положений уголовно-исполнительного законодательства и, как следствие, соответствующему реагированию прокуратуры и суда.

Проведенное нами исследование фокусируется на конкретных проблемах исполнения принудительных работ, но их спектр не является исчерпывающим. Вопросы реализации принудительных работ регулярно привлекают внимание ученых своей актуальностью. В частности, в работах М. Б. Глазкова [9, с. 37], А. А. Уткина и П. С. Таскаева [10] достаточно подробно рассматриваются иные проблемы, связанные с реализацией исполнения наказания в виде принудительных работ.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Принудительные работы как вид уголовного наказания служат инструментом реализации целей и задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, сочетая карательное, исправительное и предупредительное воздействие.

2. По нашему мнению, принудительные работы – это такой вид наказания, который продиктован условиями рыночной экономики. Наказание в виде принудительных работ является экономически более целесообразным для государства, в отличие от исправительных учреждений. Особенность принудительных работ заключается в возможности использовать потенциал негосударственного сектора для снижения нагрузки на федеральный бюджет. Заинтересованные организации предоставляют учреждениям УИС в безвозмездное пользование имущество (строения, здания) для создания и организации работы ИЦ, УИЦ, ИУФИЦ в целях проживания, привлечения к труду осужденных.

3. Анализ практики исполнения наказания в виде принудительных работ показал, что на фоне положительных результатов существует ряд проблем, которые требуют особого внимания законодателя.

4. На заседании коллегии Минюста России 17 марта 2023 г. были подведены итоги деятельности ведомства за 2022 г., где отмечалось, что к 2024 г. планируется довести общее количество мест в исправительных центрах до 80 тыс. [11].

Очевидно, что этот показатель не достигнут даже к 2025 г., поскольку, как отмечалось выше, ИЦ, УИЦ и ИУФИЦ способны разместить только 50 064 осужденных.

Мы полагаем, что такие расхождения связаны с определенными тенденциями последних лет, наблюдаемыми в обществе. Например, в некоторых территориальных органах лимит учреждения существенно (на 20–30 %) расходится с его фактической заполняемостью. Возможно, снижение наполняемости обусловлено тем, что в связи с изменением статуса принудительных работ закон расширил перечень лиц, которым принудительные работы не назначаются (добавили одиноких отцов с детьми до трех лет), и другими причинами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Российская газета. 2011. 9 декабря.
2. Красоткин П. Н., Ласточкин А. Н. Принудительные работы: сущность, содержание и практика применения // *Ius Publicum et Privatum*. 2025. № 3(31). С. 117–126.
3. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/12/s/8> дата обращения 01.01.2026.
4. О создании федеральных казенных учреждений : Распоряжение Правительства РФ от 12.11.2016 № 2392-р (ред. от 20.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6691.
5. Краткая характеристика УИС России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 15.06.2026).
6. Исправительные центры // ФСИН России : офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/> (дата обращения: 15.06.2026).
7. Путин согласился с идеей увеличить число мест для принудительных работ. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61f800e79a79471525af1a9b> (дата обращения: 15.06.2026).
8. Встреча с директором ФСИН Аркадием Гостевым. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78617> (дата обращения: 04.12.2025).
9. Глазков М. Б. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ на современном этапе // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступ. и докл. участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. Рязань, С. 36–42.
10. Уткин А. А., Таскаев П. С. Правовое регулирование трудовой деятельности осужденных к наказанию в виде принудительных работ: анализ проблем и пути их решения // *Вестник*

Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 3 (25). С. 93–102.

11. На заседании коллегии Минюста России подведены итоги деятельности ведомства за 2022 год. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49354/> (дата обращения: 16.06.2026).

REFERENCES

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 420-FZ dated December 7, 2011. *Rossiiskaya gazeta* = *Russian Newspaper*, December 9, 2011.
2. Krasotkin P.N., Lastochkin A.N. Forced labor: essence, content and practice of application. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava* = *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2025, no. 3 (31), pp. 117–126. (In Russ.).
3. Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/12/s/8> (accessed January 1, 2026).
4. On the establishment of federal government institutions: Decree of the Government of the Russian Federation of November 12, 2016 No. 2392-r (as amended on October 20, 2021). In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 47. Art. 6,691. (In Russ.).
5. *Kratkaya kharakteristika UIS Rossii* [Brief description of the penal system of Russia]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed June 15, 2026).
6. Correctional centers. *FSIN Rossii: ofits. sait* [Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/> (In Russ.). (Accessed June 15, 2026).
7. *Putin soglasilsya s ideei uvelichit' chislo mest dlya prinuditel'nykh rabot* [Putin has backed the idea of increasing the number of places for forced labor]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/61f800e79a79471525af1a9b> (accessed June 15, 2026).
8. *Vstrecha s direktorom FSIN Arkadiem Gostevym* [Meeting with the Director of the Federal Penitentiary Service Arkady Gostev]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78617> (accessed December 4, 2025).
9. Glazkov M.B. Problems of executing punishment in the form of forced labor at the present stage. In: *VI mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sb. tez. vystup. idokl. uchastnikov (priurochennyy k 30-letiyu so dnyapriinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiiskoi Federatsii")*, Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 goda [VI International penitentiary forum "Crime, Punishment, Correction": collection of abstracts of presentations and reports of the participants (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993, "On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation"), Ryazan, November 15–17, 2023]. Ryazan, Pp. 36–42. (In Russ.).
10. Utkin A.A., Taskaev P.S. Legal regulation of the labor activity of convicts sentenced to compulsory labor: analysis of problems and ways to solve them. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii* = *Bulletin the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees the Federal Penal Service of Russia*, 2025, no. 3 (25), pp. 93–102. (In Russ.).
11. *Na zasedaniikollegiiMinyustaRossii podvedeny itogideyatel'nostivedomstva za 2022 god* [At the meeting of the board of the Ministry of Justice of Russia, the results of the agency's activities for 2022 were summed up]. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49354/> (accessed June 16, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КРАСОТКИН – кандидат юридических наук, доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-

PAVEL N. KRASOTKIN – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Execution of Non-Custodial Sentences and Legal Support for the Activities of the Penal System of the

исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-05-88-3140>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛАСТОЧКИН – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, lastik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН – старший преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, uaa9069498255@yandex.ru

Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-05-88-3140>

ALEKSANDR N. LASTOCHKIN – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Laboratory of the Organizational and Science Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, lastik@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

ALEKSANDR A. UTKIN – Senior Lecturer at the Department of Execution of Punishments Not Related to Imprisonment and Legal Support for the Activities of the Penal System of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, uaa9069498255@yandex.ru

Статья поступила 22.06.2026

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.014

Классификация преступлений против военной службы в зеркале произошедших законодательных изменений

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

Торгово-промышленная палата Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, Enkuz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2063-8679>

Аннотация. В статье исследуется трансформация уголовного законодательства о преступлениях против военной службы, произошедшая в 2022–2025 гг. под влиянием геополитических факторов и специальной военной операции. Автором обосновывается недостаточность традиционной классификации по объекту посягательства и предлагается новая модель, базирующаяся на критериях времени и обстановки совершения деяния (период мобилизации, военное положение, вооруженный конфликт). Выделены три группы составов: с трансформируемой, статичной и детерминированной тяжестью. Показано, что наиболее жесткой пенализации подверглись посягательства на единоначалие и боеспособность армии. Выявлены юридико-технические дефекты конструирования особо квалифицированных составов (ст. 333, 334 УК РФ), размывающие границы судебного усмотрения, предложены конкретные изменения редакции данных норм.

Ключевые слова: уголовное законодательство; преступления против военной службы; классификация; специальная военная операция; время; обстановка; тяжесть преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кузнецов Е. Н. Классификация преступлений против военной службы в зеркале произошедших законодательных изменений // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 103–110. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.014.

Original article

Classification of Crimes Against Military Service in Light of Recent Legislative Changes

EVGENII N.KUZNETSOV

Nizhny Novgorod Chamber of Commerce and Industry, Nizhny Novgorod, Russia, Enkuz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2063-8679>

Abstract. The article discusses amendments in criminal legislation on crimes against military service adopted in 2022–2025 under the influence of geopolitical

factors and the special military operation. The author substantiates the insufficiency of the traditional classification based on the object of the encroachment and proposes a new model based on the criteria of the time and circumstances in which the act is committed (the period of mobilization, martial law, and armed conflict). The author identifies 3 groups of offences, in particular, those with transformable, static, and determined severity. It is shown that attacks on the unity of command and combat capability of the army are subjected to the most severe penalization. Legal and technical defects in the construction of specially qualified teams (articles 333, 334 of the Criminal Code of the Russian Federation) blurring the limits of judicial discretion are identified, and specific changes to the wording of these norms are proposed.

Keywords: criminal law; crimes against military service; classification; special military operation; time; situation; severity of the crime.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuznetsov E.N. Classification of crimes against military service in light of recent legislative changes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 103–110. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.014.

В социально-гуманитарных науках при решении возникающих исследовательских задач используется различный методологический инструментарий. Одним из часто применяемых приемов является классификация, позволяющая теоретически осмысливать различные события общественной жизни, группировать их по видам, определять место каждого из них в системе общественных отношений [1, с. 118–121]. Роль классификации в уголовном законодательстве трудно переоценить, поскольку она призвана: познать сущность включенных в него институтов; установить предназначение различных классификационных групп, определить их признаки; представить изучаемые уголовно-правовые запреты в научно-обоснованном и структурированном виде; выявить взаимосвязь и взаимообусловленность включенных в уголовный закон структурных образований [2, с. 7–8].

Вопрос классификации посягательств против военной службы в науке уголовного права является дискуссионным, но необходимым для комплексного изучения и упорядочивания знаний о структуре воинских преступлений [3, с. 74]. Так, на сегодняшний день в доктрине сложилось множество подходов к разграничению рассматриваемых деяний, однако большинство из них не учитывают произошедшие в 2022–2025 гг. изменения военно-уголовного законодательства. Речь идет о введении в большинство статей гл. 33 УК РФ специальных квалифицированных составов преступлений, учитывающих период военного положения, военное время либо условия вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Данные изменения фактически сформировали внутри системы преступлений против военной службы особый блок норм, обладающих уникальной спецификой.

Важно подчеркнуть, что указанные составы преступлений в их актуальной редакции до настоящего момента практически не подвергались глубокой классификационной обработке в юридической науке. В связи с отсутствием устоявшихся доктринальных взглядов на стремительную милитаризацию уголовного законодательства возникает задача разработки новых критериев дифференциации [4, с. 3]. Переход к рассмотрению конкретных классификаций в рамках настоящего исследования продиктован необходимостью выявления закономерностей соотношения новых квалифицированных составов преступлений с основными.

Поэтому в дополнение к традиционным взглядам нами предлагается ряд авторских классификаций, учитывающих динамику современного законодательства и особенности конструирования обсуждаемых составов преступлений.

Классификация по времени и обстановке совершения (в период мобилизации, военного положения, военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий). Обоснованность такого выделения обусловлена масштабной трансформацией военно-уголовного законодательства. В последние годы геополитическая напряженность и переход к решению задач в специальных правовых режимах предопределили учет степени общественной опасности одних и тех же деяний, совершенных в условиях повседневной службы и особые периоды.

В целях избегания категориальных разногласий, важно оговориться, что в контексте работы под «особым периодом» или «особым временем» понимается преступление, совершенное в период мобилизации, в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. При этом необходимо принимать во внимание, что ряд составов исключают словосочетание «в период мобилизации», что не отражается нами при употреблении, но подразумевается в соответствующих случаях.

Следует также отметить дискуссионность вопроса об отнесении указанного квалифицированного признака к характеристике времени или обстановки. Ввиду филологических и юридико-технических особенностей конструирования данного признака нами он рассматривается в качестве совместного обстоятельства времени или обстановки. По мнению Е. И. Грузинской и Р. С. Должикова, использование двух понятий «время» и «обстановка» как альтернативных признаков обусловлено применением войск в вооруженных конфликтах, не всегда сопряженных с введением военного положения или объявлением Российской Федерацией состояния войны [5, с. 198]. Избранный подход позволяет классифицировать исследуемые посягательства следующим образом:

- группа преступлений, основные составы которых имеют квалифицированные части, предусматривающие совершение деяния в период мобилизации, военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий: ст. 332 (ч. 2.1, 2.2), ст. 333 (ч. 3), ст. 334 (ч. 3), ст. 335 (ч. 4), ст. 337 (ч. 2.1, 3.1, 5), ст. 338 (ч. 3), ст. 339 (ч. 3), ст. 340 (ч. 4), ст. 341 (ч. 4), ст. 342 (ч. 4), ст. 343 (ч. 4), ст. 344 (ч. 4), ст. 345 (ч. 2), ст. 346 (ч. 4), ст. 347 (ч. 2), ст. 348 (ч. 2) УК РФ;

- группа преступлений, не предусматривающая усиление ответственности при их совершении в определенный период времени: ст. 336, 349–352 УК РФ;

- специфическая группа, в которой условия военного времени или мобилизации являются криминообразующими признаками основного состава преступления: ст. 352.1 УК РФ.

В научном сообществе вопрос об отнесении ст. 352.1 УК РФ к третьей группе вызывает определенные дискуссии, так как напрямую законодатель не относит к числу обязательных признаков состава преступления его совершение в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Однако при характеристике данного деяния высшая судебная инстанция (в ППВС № 11) неоднократно упоминает категории: «окружение», «противник», «бой», относя его к группе преступлений против порядка прохождения военной службы в особые периоды. Вышеизложенное позволяет небезосновательно полагать, что преступление, запрещенное ст. 352.1 УК РФ, может быть совершено лишь в описываемых условиях.

В контексте сказанного немаловажное значение имеет санкция рассматриваемых норм. Обзор степени тяжести основных составов воинских преступлений позволил классифицировать их следующим образом:

- деяния небольшой тяжести: ч. 1 ст. 332, 333, 335–337, 339, 341–344, 346–350 УК РФ;
- деяния средней тяжести: ч. 1 ст. 334, 340, 345, 351, 352 УК РФ;
- тяжкие преступления: ч. 1 ст. 338, 352.1 УК РФ.

Сопоставление вышеизложенных результатов позволяет прийти к выводу, что изолированное рассмотрение категорий тяжести основных составов и влияния особых режимов

формирует фрагментарный взгляд относительно архитектоники гл. 33 УК РФ. С учетом масштабных законодательных трансформаций 2022–2025 гг., обусловленных потребностями правового обеспечения специальной военной операции, научный интерес представляет выявление органической связи характера общественной опасности преступления со временем и обстановкой его совершения.

Интеграция упомянутых критериев в рамках единой классификации позволит более системно изложить авторский подход на исследуемые посягательства, отразив реальную дифференциацию ответственности в зависимости от динамики угроз интересам военной безопасности. Рассмотрим далее предлагаемую авторскую классификацию, синтезирующую критерии степени тяжести и особенностей действия норм в особых режимах.

1. Составы преступлений с трансформируемой тяжестью. Это наиболее обширная группа деяний, которые в обычных условиях относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, но при совершении в период мобилизации или военное время (в соответствии со специальными частями статей) переходят в разряд более тяжких. При этом важно отметить, что их совершение в указанный период повышает степень тяжести на разное количество категорий, ввиду чего целесообразно выделить следующие подгруппы:

1.1. Воинские преступления, переходящие из категории небольшой тяжести в категорию средней тяжести. Под данную категорию попадают: ч. 1 ст. 337, ч. 3 ст. 340, ч. 3 ст. 341, ст. 347 и ст. 348 УК РФ. Так, в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий верхний предел наказания по ч. 2.1 ст. 337, ч. 5 ст. 340, ч. 5 ст. 341, ч. 2 ст. 347 УК РФ не превышает пяти лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 348 УК РФ – семи лет, что для деяний с неосторожной формой вины соответствует средней тяжести.

1.2. Воинские преступления, переходящие из категории средней тяжести в категорию тяжких. К числу таких деяний представляется возможным отнести:

– ст. 340 УК РФ «Нарушение правил несения боевого дежурства» (ч. 1 – лишение свободы сроком до пяти лет, ч. 4 – лишение свободы сроком от пяти до десяти лет);

– ст. 344 УК РФ «Нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне» (ч. 2 – лишение свободы на срок до пяти лет, ч. 3 – лишение свободы на срок до семи лет).

1.3. Воинские преступления, переходящие из категории тяжких в категорию особо тяжких преступлений. Данную подгруппу представляет ст. 338 УК РФ «Дезертирство», устанавливающая наказание за самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявку в тех же целях на службу (ч. 1 – лишение свободы на срок до семи лет, ч. 3 – лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет).

1.4. Воинские преступления, переходящие из категории небольшой тяжести в категорию тяжких преступлений. Являясь самой часто встречаемой разновидностью, данная подгруппа включает в себя следующие предписания:

– ст. 332 УК РФ «Неисполнение приказа» (ч. 1 – содержание в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет; ч. 2.2 – лишение свободы на срок от трех до десяти лет);

– ст. 337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы» (ч. 3 – лишение свободы на срок до трех лет; ч. 3.1 – лишение свободы на срок до семи лет);

– ст. 339 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами» (ч. 1 – содержание в дисциплинарной воинской части на срок до одного года; ч. 3 – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет);

– ст. 341 УК РФ «Нарушение правил несения пограничной службы» (ч. 1 – лишение свободы сроком до трех лет; ч. 4 – лишение свободы сроком от пяти до десяти лет);

– ст. 342 УК РФ «Нарушение уставных правил караульной службы» (ч. 1 – лишение свободы сроком до двух лет; ч. 4 – лишением свободы на срок от пяти до десяти лет);

– ст. 344 УК РФ «Нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне» (ч. 1 – содержание в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет; ч. 3 – лишение свободы на срок до семи лет);

– ст. 346 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества» (ч. 1 – лишение свободы на срок до двух лет; ч. 3 – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет).

1.5. Воинские преступления, переходящие из категории средней тяжести в категорию особо тяжких. К данным деяниям, общественная опасность которых в связи со сложившейся обстановкой, по мнению законодателя, выросла больше всего, относятся:

– ст. 333 УК РФ «Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы» (ч. 1 – лишение свободы на срок до пяти лет, ч. 3 – лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет);

– ст. 334 УК РФ «Насильственные действия в отношении начальника» (ч. 1 – лишение свободы на срок до пяти лет, ч. 3 – лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет).

Подводя итог изучению группы составов с трансформируемой тяжестью, следует констатировать существенный сдвиг в векторе уголовно-правовой политики, обусловленный изменением геополитической обстановки. Если в мирное время многие воинские посягательства воспринимались законодателем как специфические нарушения внутреннего порядка (о чем свидетельствует категория тяжести составов преступлений), то в условиях последних лет они приобрели статус угроз национального масштаба [6, с. 3–4].

Данная трансформация реализована через интенсификацию репрессивного потенциала существующих норм. Военнослужащий в особый период рассматривается как субъект обеспечения безопасности государства, и любое посягательство на порядок несения службы в этих условиях приравнивается по тяжести к наиболее опасным преступлениям.

Таким образом, сопоставление санкций перечисленных предписаний демонстрирует повышение степени общественной опасности у большинства составов преступлений, превращая гл. 33 УК РФ в одну из самых строгих областей уголовно-правового регулирования.

2. Составы преступлений со статичной тяжестью. К данной разновидности относятся деяния, категория тяжести которых не меняется в зависимости от специального периода, так как законодатель не выделил для них специальные квалифицированные части по указанному признаку. Следует также упомянуть о прямом предписании судам признавать совершение воинских преступлений в период мобилизации или ведения боевых действий обстоятельством, отягчающим наказание (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ), даже если этот признак прямо не закреплен в статье Особенной части УК РФ. Однако данное предписание не меняет саму категорию преступления в структуре уголовного закона. Так, к преступлениям данной группы нами отнесены: ст. 335, 336, 343, 349–352 УК РФ.

Законодатель сознательно не наделил вышеперечисленные нормы квалифицированными составами преступлений в зависимости от особых режимов. На наш взгляд, сохранение прежних рамок ответственности объясняется спецификой охраняемых общественных отношений. В то время как деяния первой группы посягают на само существование и возможность функционирования армии, предписания второй группы регулируют преимущественно дисциплину и внутренний климат коллектива. Характер таких деяний остается относительно неизменным, не приобретая качественно новой природы и общественной опасности, в отличие, например, от дезертирства или неисполнения приказа, которые в боевой обстановке потенциально влекут угрозу государственной безопасности.

Кроме того, в первой группе доминируют деяния с умышленной формой вины, тогда как во второй преобладают посягательства, связанные с небрежностью при обращении с источниками повышенной опасности или бытовыми конфликтами [7, с. 44–45]. Видится закономерным, что ужесточение санкций, например, за неосторожную порчу имущества или нарушение субординации, не обеспечило бы искомого превентивного эффекта, а лишь привело к избыточной репрессивности уголовного закона.

Таким образом, статичность степени тяжести данной группы посягательств обеспечивает сохранение пределов санкции преимущественно за неосторожные и межличностные преступления вне зависимости от периода их совершения, при этом подразумевая воздействие времени и обстановки на судебское усмотрение (при избрании вида и размера наказания).

3. Составы с детерминированной тяжестью. В данную группу входит деяние, которое в принципе невозможно совершить вне периода военного положения, военного времени либо условий вооруженного конфликта или ведения боевых действий – ст. 352.1 УК РФ. Характеризуемое преступление определено законодателем как тяжкое, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Его обособление в самостоятельную группу продиктовано уникальной законодательной конструкцией – в отличие от большинства воинских посягательств, это преступление не может быть совершено вне особого периода. Время и обстановка добровольной сдачи в плен выступают не квалифицирующим, а криминообразующим признаком.

Синтез условий времени и обстановки со степенью общественной опасности позволил выявить закономерности и обосновать современную уголовную политику. Как уже упоминалось, сформировавшаяся геополитическая обстановка предопределила разделение гл. 33 УК РФ на «повседневный» и особый режимы. Отдельного внимания требуют сами направления ужесточения ответственности, заложенные в первой группе рассматриваемой классификации, так как повышение степени тяжести деяний происходит нелинейно.

На наш взгляд, допустимо выдвинуть гипотезу, объясняющую мотивы законодателя при дроблении обсуждаемых составов преступлений. Очевидно, что при создании уголовного закона государство преследовало цель – обеспечить охрану и функционирование легитимных военных сил, однако позже интересы претерпели существенную трансформацию. Видится оправданным, что в боевой обстановке потеря управления тождественна неминусовой катастрофе, ввиду чего верхний предел наказания сильно увеличен.

Вместе с тем освещаемая реформа проявила серьезные дефекты юридической техники при конструировании уголовно-правовых запретов [8, с. 3]. Это наглядно отражается в ситуациях, где особо квалифицированный состав одновременно относится и к основному, и к квалифицированному составу преступления (например, ст. 333 и 334 УК РФ). Искусственное отождествление разных по степени тяжести деяний размывает пределы наказания особо квалифицированного состава, делая его слишком широким ввиду отличий разграничения общественной опасности по ч. 1 и ч. 2 соответствующих статей.

Так, нами предлагается изменить действующее законодательство следующим образом:

– изложить ч. 3 ст. 333 и 334 УК РФ в следующей редакции:

«Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий,

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет».

Внедрить ч. 4 ст. 333 и 334 УК РФ следующей формулировки:

«Деяния, предусмотренные частью второй настоящей статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий,

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

Предложенные изменения направлены на устранение чрезмерно широкого судебного усмотрения при назначении наказания по соответствующим составам преступлений, совершенных в особых режимах. Вместе с этим целесообразность их внедрения обусловлена:

– дифференциацией степени общественной опасности. В действующей редакции разрыв между ч. 1 и ч. 3 ст. 333 и 334 УК РФ составляют две категории тяжести (со средней до

особо тяжкой). Разделение на ч. 3 и ч. 4 позволяет суду более точно оценить общественную опасность насильственных действий в условиях особых режимов. Кроме того, установление нижнего предела санкции ч. 4 подчеркивает исключительную опасность групповых вооруженных преступлений;

– унификацией правоприменительной практики. Текущее состояние рассматриваемых норм позволяет правоприменителю уравнивать составы с разной объективной стороной. Выделение отдельных частей для основного и квалифицированного составов исключает ситуацию, когда за качественно разные по опасности деяния назначается идентичное наказание;

– повышением эффективности превенции. Более строгий нижний предел санкции в ч. 4 служит сдерживающим фактором против формирования организованных групп внутри воинских подразделений, а также способствует реализации принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, обеспечивая соразмерность кары характеру общественной опасности.

Таким образом, проведенное изучение классификации преступлений против военной службы в свете произошедших в 2022–2025 гг. изменений позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, традиционная дифференциация посягательств военнослужащих, выстроенная исключительно вокруг защищаемых общественных отношений, в условиях современных геополитических событий исчерпала свой эвристический потенциал. Опора лишь на объект посягательства лишает правоприменителя возможности адекватно реагировать на качественные изменения угроз.

Во-вторых, замещение привычной статичной классификации воинских преступлений по объекту посягательства новой моделью, основанной на критериях времени и обстановки совершения деяния, позволяет преодолеть доктринальный пробел и выявить закономерности в области уголовной политики.

В-третьих, предложенная классификация подразумевает разделение посягательств, содержащихся в гл. 33 УК РФ, на динамичные (изменяющие тяжесть), статичные и детерминированные составы воинских преступлений.

В-четвертых, мотивы законодателя при повышении репрессивности норм продиктованы стремлением обеспечить эффективное выполнение поставленных боевых задач. Максимально жесткой пенализации подверглись составы преступлений, устанавливающие ответственность за посягательства на единоначалие и боеспособность армии, в то время как наказания за нарушение должностных инструкций повысились не так сильно.

В-пятых, при изучении ужесточения ответственности в исследуемых составах преступлений выявлены серьезные юридико-технические изъяны, выражающиеся в искусственном слиянии разных по общественной опасности деяний (в ст. 333 и 334 УК РФ) внутри единых особо квалифицированных составов преступлений. Подобная консолидация неоправданно расширяет границы судебного усмотрения, стирает грань между несопоставимыми инцидентами и нарушает принцип соразмерности наказания.

В-шестых, устранение выявленных дефектов требует внесения изменений в действующее законодательство в части дробления ряда объединенных особо квалифицированных составов преступлений на обособленные с более точными рамками ответственности в соответствии со степенью общественной опасности каждого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов В. М., Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве : моногр. Н. Новгород, 2005. 260 с.
2. Кузнецов А. П., Маршакова Н. Н. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: система преступлений и их классификация: учеб. пособие. Н. Новгород, 2008. 214 с.

3. Маршак Н. Н. Классификация преступлений против военной службы // Юридический мир. 2007. № 12. С. 73–77.
4. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022–2024) : моногр. / под общ. ред. Р. В. Закомолдина. Самара, 2024. 260 с.
5. Грузинская Е. И., Должиков Р. С. Критический анализ объективных признаков преступлений против военной службы (глава 33 УК РФ) // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 1–1. С. 189–201.
6. Абдулханьянов И. А., Бражин Ю. Ю., Дубов Е. И. Уголовное законодательство Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции : практикум. М., 2026. 104 с.
7. Преступления против военной службы / под общ. ред. канд. юрид. наук. зам. Председателя Верховного Суда РФ Н. А. Петухова. СПб., 2002. 399 с.
8. Абдулханьянов И. А. Использование фикции в регламентации уголовной ответственности военнослужащих // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению осужденных и ресоциализации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 26–27 октября 2023 г.). Вологда, 2024. С. 3–6.

REFERENCES

1. Baranov V.M., Chumanov E.V. *Klassifikatsiya v rossiiskom zakonodatel'stve: monogr.* [Classification in Russian legislation: monograph]. Nizhny Novgorod, 2005. 260 p.
2. Kuznetsov A.P., Marshakova N.N. *Osobennayachast' Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: sistema prestuplenii i ikh klassifikatsiya: ucheb. posobie* [Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: system of crimes and their classification:]. Nizhny Novgorod, 2008. 214 p.
3. Marshakova N.N. Classification of crimes against military service. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2007, no. 12, pp. 73–77. (In Russ.).
4. *Militarizatsiya i mobilizatsiya Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (2022–2024): monogr.* [Militarization and mobilization under the Criminal Code of the Russian Federation (2022–2024): monograph]. Ed. by Zakomoldin R.V. Samara, 2024. 260 p.
5. Gruzinskaya E.I., Dolzhikov R.S. Critical analysis of objective signs of crimes against military service (Chapter 33 of the criminal code of the Russian Federation). *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 1–1, pp. 189–201. (In Russ.).
6. Abdulkhannyanov I.A., Brazhin Yu.Yu., Dubov E.I. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh provedeniya spetsial'noi voennoi operatsii: praktikum* [Criminal legislation of the Russian Federation in the context of the special military operation: practicum]. Moscow, 2026. 104 p.
7. *Prestupleniya protiv voennoi sluzhby* [Crimes against military service]. Ed. by Petukhov N.A. Saint Petersburg, 2002. 399 p.
8. Abdulkhannyanov I.A. The use of fiction in regulating the criminal liability of military personnel. In: *Penitentsiarnaya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu osuzhdennykh i resotsializatsii: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 26–27 oktyabrya 2023 g.)* [The penitentiary system of Russia in the modern conditions of society's development: from the paradigm of punishment to the correction of convicts and resocialization: collection of materials of the International scientific and practical conference. (Vologda, October 26–27, 2023)]. Vologda, 2024. Pp. 3–6. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЗНЕЦОВ – эксперт по международным проектам Торгово-промышленной палаты Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, Enkuz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2063-8679>

EVGENII N. KUZNETSOV – International Project Expert at the Nizhny Novgorod Chamber of Commerce and Industry, Nizhny Novgorod, Russia, Enkuz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2063-8679>

Статья поступила 08.07.2026

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.015

Цифровизация антикоррупционной деятельности в уголовно-исполнительной системе: тенденции и перспективы

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nadezda17041976@yandex.ru

МАРГАРИТА КОНСТАНТИНОВНА САЛЬКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, salkovamargarita5@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается внедрение информационных технологий в деятельность уголовно-исполнительной системы, в том числе перспективы цифровизации антикоррупционной деятельности в части представления сведений о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера, осуществления государственных закупок, подачи уведомлений о возможном возникновении конфликта интересов, информирования о возможном коррупционном поведении сотрудников, возникновении коррупционных факторов и рисков.

Ключевые слова: антикоррупционная деятельность; правонарушения коррупционной направленности; уголовно-исполнительная система; цифровые технологии; коррупционные риски; цифровой профиль.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Салькова М. К. Цифровизация антикоррупционной деятельности в уголовно-исполнительной системе: тенденции и перспективы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 111–117. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.015.

Original article

Digitalization of Anti-Corruption Activities in the Penal System: Trends and Prospects

NADEZHDA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru

MARGARITA K. SAL'KOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, salkovamargarita5@gmail.com

Abstract. The article considers introduction of information technologies into activities of the penal system, including prospects for digitalization of anti-corruption activities in terms of providing information on income, expenses and property obligations, public procurement, notification of possible conflicts of interest, information about possible corrupt behavior of employees, as well as occurrence of corruption factors and risks.

Keywords: anti-corruption activities; corruption-related offenses; penal system; digital technologies; corruption risks; digital profile.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuznetsova N.V., Sal'kova M.K. Digitalization of anti-corruption activities in the penal system: trends and prospects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 111–117. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.015.

Коррупция в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) представляет собой многогранную и структурную проблему, которая выходит далеко за рамки отдельных правонарушений, трансформируясь в серьезные преступления, подрывающие основы государственной службы. Ее опасность заключается не только в прямом ущербе репутации системы исполнения наказаний, но и в глубинном разрушении механизмов правового регулирования, ослаблении доверия общества к институтам власти, а также в создании благоприятных условий для распространения организованной преступности. Статистика ежегодно фиксирует случаи правонарушений коррупционной направленности со стороны сотрудников [1, с. 479].

Показатели в масштабе страны также наглядно иллюстрируют объем преступлений коррупционной направленности. Так, за последние пять лет (2021–2025 гг.) в России наблюдается неоднозначная динамика коррупционных преступлений, отмечаются значительные структурные изменения и рост отдельных категорий правонарушений. В 2021 г. было зарегистрировано более 35 тыс. коррупционных преступлений, что составляло 1,74 % от общего числа зарегистрированных общественно опасных деяний. При этом в том же году показатели коррупционной преступности выросли на 13,8 % по сравнению с предыдущим периодом. Центральное место в структуре таких преступлений занимало взяточничество (53,03 % в 2021 г.). В 2023 г. количество выявленных коррупционных преступлений составило 36,4 тыс., а в 2024 г. – 38,5 тыс. (рост на 5,7 %). В 2025 г. зафиксировано более 43,2 тыс. рассматриваемых противоправных деяний, что на 12,3 % больше показателя 2024 г. [2].

Проявления коррупции в УИС многообразны и часто тесно взаимосвязаны. Наиболее распространенным видом преступлений остается получение взяток (ст. 290 УК РФ), когда сотрудники за материальное вознаграждение предоставляют осужденным незаконные льготы: содействуют незаконному условно-досрочному освобождению, изменяют режим отбывания наказания, организуют внеочередные свидания или используют труд осужденных в личных целях. Последствия коррупции в УИС носят комплексный характер. Прежде всего, она подрывает авторитет государственной власти, вызывая у граждан скептическое отношение к системе исполнения наказаний.

В этой связи процесс противодействия коррупции в УИС требует системного подхода, включающего не только совершенствование кадровой политики, повышение правовой грамотности сотрудников, усиление контрольных механизмов и профилактику профес-

сиональной деформации, но и внедрение современных технологий. Как представляется, только комплексное решение этих задач способно минимизировать риски и восстановить доверие населения к институтам системы исполнения наказаний.

В настоящее время внедрение цифровых технологий в различных сферах деятельности становится трендом, поскольку они позволяют оптимизировать управленческие процессы, ускоряют обмен информацией, способствуют снижению бюрократической волокиты, а также сокращению коррупционных факторов.

В условиях реформирования отечественная система исполнения наказаний находится в процессе масштабной трансформации, стратегическая цель которой как раз и заключается в повышении прозрачности управленческих и производственных процессов, снижении коррупционных рисков и иных злоупотреблений, а также установлении и укреплении системного контроля деятельности пенитенциарных учреждений [3, с. 42–43].

Важнейшим элементом становится создание и внедрение единой информационной системы (далее – ЕИС), которая обеспечивает сквозную автоматизацию рабочих процессов и централизованное формирование баз данных по всем направлениям деятельности ФСИН России. Уже сейчас это позволяет унифицировать документооборот, сократить объем ручных операций и минимизировать возможности для субъективного вмешательства в принятие решений.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция) цифровой трансформации в указанный период должны быть подвержены все сферы ее деятельности [4]. В этой связи цифровизация антикоррупционной деятельности становится логичным этапом реализации Концепции. В настоящее время указанный процесс получает развитие на практике и реализуется через ряд технологических решений.

Во-первых, внедряются системы электронного автоматизированного документооборота и учета данных, личных дел, статистической отчетности, что позволяет свести к минимуму риски манипуляций с документами, отчетностью и др. Искусственный интеллект применяется для анализа массивов данных о сотрудниках, осужденных, родственниках, выявляя паттерны, указывающие на возможные коррупционные схемы и риски.

Во-вторых, внедрение электронных очередей и онлайн-сервисов, применение средств видео-конференц-связи сокращает личные контакты сотрудников, осужденных и их родственников, которые могут служить почвой для коррупционных действий, а также упрощают взаимодействие с другими государственными органами, повышая доступность различных процедур для заинтересованных лиц.

В-третьих, нельзя не отметить значительный позитивный опыт по цифровизации процесса предоставления справок о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера. Рассмотрение результатов внедрения специального программного обеспечения «Справки БК» (далее СПО «Справки БК») показало значительное сокращение времени на заполнение и предоставление справок, автоматизацию сбора и первичной обработки сведений, повышение оперативности приема и обработки материалов.

В-четвертых, ключевым инструментом новой политики стала государственная информационная система «Посейдон» (далее – ГИС «Посейдон») [5], которая позволяет в режиме реального времени отслеживать финансовое положение как самих должностных лиц, так и их окружения. Система автоматически обменивается данными с базами федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России), получая сведения о доходах, налогах и т. д. Аналогичный обмен данными происходит с Росреестром (например, получение сведений о недвижимом имуществе и сделках с ним), Росфинмониторингом, Росимуществом, Росавиацией, государственной автомобильной инспекцией, банками, государственными корпорациями и др.

Внедрение ГИС «Посейдон» стало важнейшим шагом по систематизации процесса антикоррупционной работы, поскольку комплекс позволяет объединять разрозненные потоки

данных, поступающих от широкого круга источников, обеспечивает их централизованный и всесторонний анализ, что существенно повышает оперативность и точность проверок на предмет соблюдения антикоррупционного законодательства, позволяет незамедлительно выявлять коррупционные риски и связи.

В-пятых, в московском следственном изоляторе № 2 («Бутырка») реализуется проект «Цифровое СИЗО» [6]. Он направлен на обеспечение прозрачности и безопасности процессов, происходящих в учреждении, за счет внедрения современных технологий. С помощью цифровой системы обеспечиваются входной контроль, досмотр, процедура учета, мониторинг территории учреждения. Для идентификации арестованных используется технология биометрического распознавания личности. Аналитическая система позволяет осуществлять быстрый поиск по спецконтингенту, формировать требуемую отчетность, создавать и печатать ориентировки.

Системы видеонаблюдения помогают фиксировать нарушения как со стороны контингента, так и со стороны сотрудников. Видеоаналитика способствует выявлению правонарушающего поведения, дает возможность прогнозировать потенциальные риски [7, с. 56]. Реализация рассматриваемой системы повышает эффективность надзорной деятельности, минимизирует условия для коррупционных проявлений, обеспечивает безопасность.

Таким образом, процесс внедрения цифровых технологий в УИС последовательно реализуется. Он представляет собой не просто технологическое обновление, а системный механизм модернизации пенитенциарной сферы. Не является исключением и антикоррупционная деятельность. При этом ожидаемый эффект от ее цифровизации должен быть более многогранен, поскольку указанный процесс направлен на создание прозрачной, контролируемой и устойчивой к коррупционным проявлениям системы исполнения наказаний. Представляется правильным, что конечным результатом должно стать повышение открытости, законности и социальной результативности отечественной уголовно-исполнительной системы, а это в перспективе укрепит доверие общества к институтам службы исполнения наказаний и повысит эффективность их работы.

В то же время данный процесс не стоит на месте и требует совершенствования уже применяемых цифровых ресурсов.

Например, в настоящее время продолжает активно использоваться СПО «Справки БК». Несмотря на то что с 1 января 2026 г. законодателем отменена обязанность ежегодного представления декларации о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера [8] для широкого круга лиц, в том числе сотрудников УИС, остается отдельная категория лиц, которые по мере возникновения перечисленных в законе юридических фактов обязаны такую декларацию представлять. В настоящее время процесс представления сведений состоит из следующих этапов:

1. Сбор необходимых сведений о себе, супруге, несовершеннолетних детях.
2. Заполнение сведений в СПО «Справки БК» на всех подходящих членов семьи.
3. Печать справки (справок) и собственноручное их подписание.
4. Отправка справки (справок) организацией, осуществляющей почтовые (курьерские) услуги, оплата услуг.
5. Хранение справок на бумажном носителе в личном деле сотрудника.

Указанный порядок сохраняется, и, несмотря на автоматизацию некоторой части операций, справку на себя и членов семьи нужно заполнить, распечатать, подписать и передать в отдел кадров.

Логичным шагом в улучшении процесса декларирования доходов и расходов, на наш взгляд, станет внедрение полноценной электронной цифровой подписи, интегрированной в существующий программный комплекс. Это позволит исключить бумажный документооборот, сократить временные затраты на оформление, обеспечить криптографическую защиту целостности документа, зафиксировать точное время подписания и создать юри-

дически значимый цифровой след. Для реализации потребуется интеграция с удостоверяющими центрами и регламентация порядка проверки подписей. Дальнейшим шагом может стать автоматизация декларирования личной заинтересованности.

На наш взгляд, развитие процессов цифровизации антикоррупционной деятельности в УИС необходимо продолжать. Например, можно добавить новые опции, позволяющие подавать через соответствующий портал уведомления о возникновении личной заинтересованности, намерении выполнять иную оплачиваемую работу, получении подарков и т. д.

Цифровая система способна не просто хранить шаблоны уведомлений, но и предлагать предустановленные сценарии конфликтов интересов на основе типовых ситуаций, подсвечивать потенциальные риски при заполнении соответствующих разделов (например, если указывается связь с организацией-контрагентом) и формировать автоматические оповещения ответственным лицам. Интеграция с внешними базами данных (единым государственным реестром юридических лиц, единым государственным реестром налогоплательщиков, реестрами государственных контрактов) позволит в режиме реального времени сверять сведения о родственниках, имуществе и деловых связях декларанта. Например, при указании в справке лица, связанного с поставщиком услуг для УИС, система может автоматически пометить запись как требующую дополнительной проверки.

Перспективным направлением является создание единого цифрового профиля служащего, объединяющего сведения о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера, данные о близких родственниках (с возможностью актуализации через «Государственные услуги»), историю поданных уведомлений о конфликте интересов, информацию о полученных подарках.

Такая консолидация данных позволит применять алгоритмы анализа связей для выявления скрытых паттернов, таких как неоднократные контракты с организациями, аффилированными с родственниками, аномальные изменения в структуре расходов и повторяющиеся случаи получения подарков от одних и тех же лиц.

Для противодействия склонению к коррупционным действиям можно внедрить анонимный цифровой канал сообщений через мобильное приложение или веб-интерфейс. Система может и шифровать обращения с гарантией конфиденциальности, и автоматически категоризировать жалобы по ключевым признакам (взятка, вымогательство, покровительство), и направлять оповещения в антикоррупционные подразделения с приоритетом на основе критичности ситуации. Востребованными будут и использование чат-ботов для первичного сбора информации, и подсказки заявителю о правовых механизмах защиты.

Важным элементом цифровизации должен стать автоматизированный мониторинг закупок и контрактов. Интеграция с Единой информационной системой в сфере закупок позволит не только отслеживать отклонения от среднерыночных цен и выявлять признаки ограничения конкуренции (например, единичных участников торгов), но и сопоставлять победителей закупок с базами дисквалифицированных лиц. При обнаружении рисков система может блокировать проведение платежей до дополнительной проверки или формировать отчеты для ревизионных органов.

В перспективе развитие искусственного интеллекта откроет возможности прогнозирования зон повышенного коррупционного риска на основе исторических данных (например, определенные типы закупок или регионы деятельности), выявления нетипичных поведенческих паттернов сотрудников и предложения оптимальных мер профилактики.

Ключевыми условиями успешной цифровизации должны стать обеспечение кибербезопасности (защита персональных данных, предотвращение несанкционированного доступа), гармонизация нормативно-правовой базы (регламентация электронной подписи, электронного документооборота, обмена данными между ведомствами), обучение персонала работе с новыми инструментами и поэтапное внедрение с пилотным тестированием в отдельных учреждениях УИС.

Реализация этих мер позволит не просто перевести существующие процедуры в цифровой формат, но и создать проактивную систему антикоррупционного контроля, способную предотвращать нарушения еще до их совершения.

Таким образом, внедрение цифровых технологий открывает широкие возможности для автоматизации рутинных операций, существенного снижения влияния человеческого фактора и создания более надежной системы мониторинга деятельности сотрудников.

Практическая реализация цифровизации демонстрирует значительные преимущества: существенное ускорение процессов обработки и анализа информации, повышение точности выявления потенциальных конфликтов интересов, обеспечение более действенного контроля соблюдения антикоррупционных требований, а также снижение административной нагрузки на сотрудников.

Перспективным представляется развитие технологий искусственного интеллекта для предиктивной аналитики, создание защищенных каналов анонимного информирования о коррупционных правонарушениях, автоматизация процессов мониторинга государственных закупок и внедрение биометрических систем контроля. Однако успешная имплементация цифровых решений требует комплексного подхода к решению ряда критически важных задач. Особое внимание необходимо уделить обеспечению кибербезопасности, совершенствованию нормативно-правовой базы, повышению уровня цифровой грамотности сотрудников и организации качественной технической поддержки внедряемых систем. Результаты исследования убедительно доказывают, что цифровизация антикоррупционной деятельности в УИС выступает необходимым и эффективным инструментом модернизации системы противодействия коррупции. При этом важно подчеркнуть, что цифровые технологии следует рассматривать не как самоцель, а как инструмент повышения эффективности антикоррупционных мер.

Дальнейшее развитие цифровизации должно быть направлено на создание интегрированной системы, объединяющей все аспекты антикоррупционного контроля и обеспечивающей комплексный подход к предупреждению коррупционных правонарушений в УИС. Такой подход позволит создать действительно эффективную систему противодействия коррупции, отвечающую современным вызовам и требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волох А. И., Моисеев Н. Д., Степанова Т. В. О профилактике коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе // Государство и право. 2025. № 2. С. 478–480.
2. Состояние преступности в России январь–декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/?utm> (дата обращения: 17.05.2026).
3. Карабанов Р. М., Балакин А. В. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы // StudNet. 2022. № 3. С. 42–43.
4. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.
5. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон») : указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 (ред. от 31.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 18. Ст. 3053.
6. ФСИН рассказала о работе первого в России цифрового СИЗО. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8339047> (дата обращения: 26.05.2026).

7. Силантьева Н. А. Цифровой контроль в уголовно-исполнительной системе: перспективы и вызовы внедрения новых технологий // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1 (100). С. 53–62.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8292.

REFERENCES

1. Volokh A.I., Moiseev N.D., Stepanova T.V. On the prevention of corruption crimes in the penal system. *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, 2025, no. 2, pp. 478–480. (In Russ.).
2. The state of crime in Russia January–December 2025. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://mvd.rf/?utm> (In Russ.). (Accessed May 17, 2026).
3. Karabanov R.M., Balakin A.V. Digital transformation of the penal enforcement system. *StudNet*, 2022, no. 3, pp. 42–43. (In Russ.).
4. On the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021 (as amended on May 27, 2023). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. Art. 3,397. (In Russ.).
5. On the state information system in the field of combating corruption “Poseidon” and amendments to certain acts of the President of the Russian Federation (together with the “Regulation on the state information system in the field of combating corruption “Poseidon”): decree of the President of the Russian Federation No. 232 of April 25, 2022 (as amended on December 31, 2025). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 18. Art. 3,053. (In Russ.).
6. *FSIN rasskazala o rabote pervogo v Rossii tsifrovogo SIZO* [The FSIN spoke about the work of Russia's first digital pre-trial detention center]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8339047> (accessed May 26, 2026).
7. Silant'eva N.A. Digital control in the penal system: prospects and challenges of introducing new technologies. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta* = *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2025, no. 1 (100), pp. 53–62. (In Russ.).
8. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 505-FZ of December 28, 2025. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2025. No. 52 (Part I). Art. 8,292. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nadezda17041976@yandex.ru

МАРГАРИТА КОНСТАНТИНОВНА САЛЬКОВА – курсант 2 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, salkovamargarita5@gmail.com

NADEZHDA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru

MARGARITA K. SAL'KOVA – 2-year cadet at the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, salkovamargarita5@gmail.com

Статья поступила 05.06.2026

Научная статья

УДК 343.28/.29

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.016

Цели наказания в отечественном уголовном праве: анализ подходов

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Аннотация. В статье анализируются подходы к пониманию целей наказания в отечественном уголовном праве. Следует отметить, что в научной среде возникает множество дискуссий относительно рассматриваемого института уголовного права. Цель публикации состоит в анализе и осмыслении содержания целей наказания, регламентированных Уголовным кодексом Российской Федерации. Внимание на смещении акцентов с карательной составляющей целей наказания в сторону профилактических начал. Указаны проблемные аспекты, касающиеся формулировок и сущности целей наказания в отечественном законодательстве. Подчеркивается актуальность рассмотрения ресоциализации в качестве цели наказания. В связи с этим сформулировано предложение по внесению изменений в статью Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющую цели наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание; цели наказания; восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения преступлений; ресоциализация осужденного.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Латышева Л. А. Цели наказания в отечественном уголовном праве: анализ подходов // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 118–123. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.016.

Original article

Goals of Punishment in Domestic Criminal Law: Analyzing Approaches

LYUDMILA A. LATYSHEVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, Vologda, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Abstract. The article analyzes approaches to understanding the goals of punishment in domestic criminal law. There is no general consensus in the scientific community regarding the institution of criminal law under consideration. The purpose of

the publication is to analyze and comprehend the content of the purposes of punishment regulated by the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is focused on shifting the emphasis from the punitive component of the goals of punishment towards the preventive one. Problematic aspects concerning the formulations and the essence of goals of punishment in domestic legislation are indicated. The relevance of considering resocialization as a goal of punishment is emphasized. In this regard, we propose amending the article of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes the goals of punishment.

Key words: criminal punishment; goals of punishment; restoration of social justice; correction of the convicted person; prevention of crimes; resocialization of the convicted person.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Latysheva L.A. Goals of punishment in domestic criminal law: analyzing approaches. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 118–123. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.016.

Категория цель находит отражение в различных областях человеческой жизнедеятельности: политике, экономике, психологии. Так, согласно психологии цель представляет собой осознанный образ предвосхищаемого, желаемого результата, на достижение которого направлено действие человека; заранее мыслимый результат сознательной деятельности [1, с. 285]. Например, в сфере управления цель одновременно понимается как материальное воплощение идеи, которая должна быть достижима [2, с. 776].

Вместе с тем цель является одной из многогранных категорий в понятийном аппарате, она выработана философской наукой на основе человеческого опыта. В философии цель предполагает предвосхищенный в сознании результат, на достижение которого направлены действия субъекта [3, с. 534].

Таким образом, указанные определения свидетельствует о том, что, во-первых, цель побуждает к деятельности, во-вторых, она направлена на конечный достижимый результат.

Цель является и правовым понятием. Как отмечает А. В. Стремоухов, правовая наука наполняет цель новым содержанием, превращает эту категорию в элемент познания правовой действительности [4].

В контексте нашего исследования в центре внимания стоит цель наказания в уголовном праве, поскольку сегодня вопрос определения целей наказания является весьма дискуссионным и представляет собой один из принципиальных вопросов уголовного права. Не утихают научные споры относительно формулировок, содержательного компонента заявленных в уголовном законодательстве целей наказания. Отдельные ученые отмечают, что цели наказания лишены конкретики, следовательно, не представляется возможным определить их конечный результат.

С точки зрения Л. Л. Кругликова, цели наказания необходимо признавать итоговым, конечным, предвосхищаемым мыслительной деятельностью результатом, которого желает достичь государство в процессе применения наказания [5, с. 347].

Если сделать небольшой экскурс в историю формирования целей наказания в отечественном уголовном праве, то можно увидеть, что цели наказания в различные исторические периоды отличались своим разнообразием и были обусловлены проводимой в государстве политикой. Довольно длительное время целью наказания признавалось устрашение преступников, возмездие за совершенное преступление, о чем свидетельствуют положения Русской Правды, Судебника 1497 г. и 1550 г., Соборного Уложения [6, с. 18]. Цели

наказания находили отражение через чрезмерное применение суровых и жестоких телесных и членовредительских наказаний, квалифицированных видов смертной казни.

Следует обратить внимание, что фактически до XX в. цели наказания не имели законодательного закрепления. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а также в Уголовном уложении 1903 г. вообще отсутствует упоминание о них.

Кардинальным образом изменилась ситуация в начале XX в., в частности в первом УК РСФСР 1922 г. содержалась статья, регламентирующая цели наказания и другие меры социальной защиты, к числу которых относились: общее предупреждение новых преступлений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества, приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений [7, с. 18].

В ст. 20 УК РСФСР 1960 г. указывалось, что наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет цель: исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Положения законодательства относительно целей уголовного наказания советского периода свидетельствуют о том, что карательная составляющая уголовной политики постепенно смещается в сторону исправления осужденного, его перевоспитания.

Как отмечает И. В. Дворянсков, отечественная доктрина уголовного права по сравнению с зарубежными всегда основывалась на сочетании карательных аспектов с исправительных воздействием [8, с. 255].

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплены три цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Не смотря на то что цели наказания сегодня имеют четкое закрепление в законе, в научной среде отсутствует единое мнение относительно их наименования и содержательного аспекта. Наряду с этим некоторые исследователи предлагают расширить перечень целей наказания. В частности, В. К. Дуюнов предлагает включить в перечень целей наказания кару, под которой понимается «реакция на проступок определенного лица, носящая характер упрека, осуждение, порицание этого лица и совершенного им проступка, имеющая целью оказание на виновное лицо и его поведение необходимого воспитательно-психологического и иного предупредительного воздействия» [9, с. 11].

Как отмечалось ранее, вопрос о целеполагании уголовного наказания является весьма спорным. Например, А. И. Коробеев указывает на несоответствие декларируемых целей уголовного наказания реальным возможностям в их достижении [10, с. 46].

Так, цель уголовного наказания – восстановление социальной справедливости – многие ученые трактуют по-разному. Некоторые считают, что она сводится к назначению справедливого наказания, которое должно быть соразмерно преступлению [11, с. 292], другие – к возмещению ущерба и вреда [7, с. 21]. Например, С. В. Максимов понимает под «восстановлением социальной справедливости» «видоизмененное понятие кары» [12, с. 110]. Обтекаемость используемой формулировки, на наш взгляд, не позволяет определить, как достичь указанную цель, как соизмерить причиненный преступлением ущерб и наказание. Вместе с тем Б. С. Волков считает, что цель «восстановление социальной справедливости» следует исключить из целей наказания вообще [13, с. 386]. На наш взгляд, цель «восстановление социальной справедливости» складывается из отдельных компонентов: карательный элемент, соразмерность наказания преступлению, необходимость возмещения материального ущерба и морального вреда.

Неоднозначное отношение и к такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений. Общеизвестным мнением в науке уголовного права является отнесение общей и частной превенции к основной цели наказания. Многие исследователи, в частности С. В. Познышев, М. Д. Шаргородский [14, с. 247], склоняются к тому, что наказание преследует одну общую значимую цель – предупреждение преступлений, которая подразделяется на общее и специальное предупреждение. Общее предупреждение предполагает определенные наказания за конкретные преступления, предупреждая тем самым граждан избегать противоправного поведения. Специальное предупреждение, в свою очередь, предусматривает предупреждение совершения преступлений не всеми лицами, а теми, кто совершил преступление. На наш взгляд, данная цель носит индивидуализированный характер. В этой связи общее и специальное (частное) предупреждение преступлений должны быть отражены в законе.

Не меньше дискуссий вызывает и цель наказания – исправление осужденного. Многие ученые под сомнение ставят реальность осуществления заявленной цели. Так, И. Я. Козаченко считает, что исправление осужденных является недостижимой целью наказания, что ставит под сомнение необходимость ее закрепления в законодательстве криминального цикла [15, с. 116].

Как отмечает В. Е. Южанин, сегодня наблюдается тенденция вытеснения идеи исправления идеей ресоциализации [16, с. 35]. Очевидно, что за признание ресоциализации одной из первостепенных целей уголовного наказания выступают многие ученые. В частности, в исследовании Т. Н. Волковой предлагается наряду с целью исправления установить в уголовном законодательстве цель ресоциализации осужденных [17, с. 108, 109]. А. А. Бровкина и С. А. Корнеев предлагают дополнить ч. 2 ст. 43 УК РФ положением о том, что ресоциализация является одной из доминирующих целей наказания [18, с. 101]. На наш взгляд, в условиях пенитенциарного учреждения проблематично рассуждать об исправлении человека, особенно, когда речь заходит об исправлении взрослого человека с устоявшимися жизненными позициями и принципами.

Следует обратить внимание, что закрепление ресоциализации в качестве возможной цели уголовного наказания предлагается не только отечественными, но и зарубежными учеными. Так, в исследовании А. А. Тита рекомендуется в ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь заменить цель «исправление» на «ресоциализация» [19, с. 119].

В целом ресоциализация сегодня является одним из перспективных направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики. Особенно это актуально в свете развития института пробации, где ресоциализация выступает одной из ключевых целей.

Подводя итог, следует отметить, что единого подхода к пониманию целей уголовного наказания сегодня не выработано. Изменения, происходящие в определении и понимании целей наказания, в различные периоды развития нашего общества в основном были продиктованы политикой государства, в том числе и уголовной. Сегодня мы с уверенностью можем констатировать, что карательная политика в отношении лиц, совершивших преступление, не оправдывает себя, а в свете гуманизации системы назначения и исполнения наказаний основной вектор политики государства должен быть направлен на отказ от репрессивных начал. В свете сказанного мы солидарны с позициями многих ученых, в числе которых Т. Н. Волкова, В. И. Зубкова, И. Я. Козаченко, М. С. Рыбак, В. Е. Южанин, выступающих за закрепление ресоциализации в качестве цели уголовного наказания. В этой связи предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 43 УК РФ: формулировку «в целях исправления осужденного» заменить на «в целях ресоциализации осужденного» и изложить в следующей редакции: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях ресоциализации осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск, 1998. 554 с.
2. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник : учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой, А. А. Емельянова. М., 2006. 848 с.
3. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987. 590 с.
4. Стремоухов А. В. Цель как философская и правовая категория // XX Юбилейные Царско-сельские чтения : материалы муждунар. конф. СПб., 2016. Т. 3. С. 106–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsel-kak-filosofskaya-i-pravovaya-kategoriya/viewer> (дата обращения: 04.04.2026).
5. Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. 567 с.
6. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.
7. Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. 464 с.
8. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
9. Дуюнов В. К. Проблемы наказания в новом уголовном праве России. Белгород, 1998. 297 с.
10. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика в современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 45–53.
11. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть : учеб. Краснодар, 1999. 444 с.
12. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. Ульяновск, 2002. 147 с.
13. Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. Ф. Р. Сундукова. Казань, 2003. 647 с.
14. Шаргородский М. Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб., 2003. 434 с.
15. Козаченко И. Я. Можно ли исправить неисправимое? // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 113–116.
16. Южанин В. Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 30–38.
17. Волкова Т. Н. Ресоциализация осужденных как мера профилактики преступности и цель уголовного наказания // Правовая культура. 2007. № 2 (3). С. 102–109.
18. Бровкина А. А., Корнеева С. А. Ресоциализация осужденных как цель уголовного наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1 (22). С. 97–102.
19. Тит А. А. Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 113–122.

REFERENCES

1. Golovin S.Yu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a practical psychologist]. Minsk, 1998. 554 p.
2. *Teoriya sistem i sistemnyy analiz v upravlenii organizatsiyami: Spravochnik: ucheb. posobie* [Theory of systems and system analysis in the management of organizations: Reference book: study guide]. Ed. by Volkova V.N., Emel'yanov A.A. Moscow, 2006. 848 p.
3. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Ed. by Frolov I.T. Moscow, 1987. 590 p.
4. Stremoukhov A.V. Purpose as a philosophical and legal category. In: *XX Yubileinye Tsarskosel'skie chteniya: materialy muzhdunar. konf. T. 3* [XX Anniversary Tsarskoye Selo readings: proceedings of the international conference. Volume 3]. Saint Petersburg, 2016. Pp. 106–111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsel-kak-filosofskaya-i-pravovaya-kategoriya/viewer> (In Russ.). (Accessed April 4, 2026).
5. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: ucheb. dlya vuzov* [Russian criminal law. General part: textbook for universities]. Ed. by Kruglikov L.L. Moscow, 2005. 567 p.
6. Latysheva L.A. *Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugolovno-ispolnitel'nyi i kriminologicheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of

- resocialization of persons sentenced to imprisonment: penal and criminological aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2015. 29 p.
7. *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 2: Uchenie o nakazanii: ucheb. dlya vuzov* [Criminal law course. General part. Volume 2: doctrine of punishment: textbook for universities]. Ed. by Kuznetsova N.F., Tyazhkoval M. Moscow, 2002. 464 p.
8. Dvoryankov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Scienc*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
9. Duyunov V.K. *Problemy nakazaniya v novom ugovnom prave Rossii* [Problems of punishment in the new criminal law of Russia]. Belgorod, 1998. 297 p.
10. Korobeev A.I. Criminal law policy in modern Russia in the field of penalization (depenalization): carrot or stick. *Biblioteka kriminalista = Criminalist Library*, 2014, no. 3 (14), pp. 45–53. (In Russ.).
11. Galiakbarov R.R. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Criminal law. General part: textbook]. Krasnodar, 1999. 444 p.
12. Maksimov S.V. *Tsel' v ugovnom prave: metodologicheskie aspekty* [Purpose in criminal law: methodological aspects]. Ul'yanovsk, 2002. 147 p.
13. *Ugovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': ucheb.* [Russian criminal law. General part: textbook]. Ed. by Sundurov F.R. Kazan, 2003. 647 p.
14. Shargorodskii M.D. *Izbrannye trudy po ugovnomu pravu* [Selected works on criminal law]. Saint Petersburg, 2003. 434 p.
15. Kozachenko I.Ya. Is it possible to fix the incorrigible? *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 4, pp. 113–116. (In Russ.).
16. Yuzhanin V.E. Correlation of goals and tasks of criminal law, punishment and its execution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 30–38. (In Russ.).
17. Volkova T.N. Resocialization of convicts as a crime prevention measure and the purpose of criminal punishment. *Pravovaya kul'tura = Legal Culture*, 2007, no. 2 (3), pp. 102–109. (In Russ.).
18. Brovkina A.A., Korneeva S.A. Resocialization of the convicted as a goal of criminal punishment. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (22), pp. 97–102. (In Russ.).
19. Tit A.A. Resocialization as a goal of punishment (on the example of the Republic of Belarus). *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 2 (43), pp. 113–122. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

LYUDMILA A. LATYSHEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Статья поступила 25.06.2026

Научна статья

УДК 343.843

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.017

О реабилитационных центрах клиентов пробации в Кыргызской Республике

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОТАПОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

Аннотация. На основании сравнительно-правового анализа уголовно-исполнительного законодательства, законодательства о пробации, подзаконных актов в статье рассматривается деятельность реабилитационных центров клиентов пробации в Кыргызской Республике. При описании правовых основ деятельности реабилитационных центров в Кыргызской Республике исследуются состав учредителей таких учреждений, их виды и направления деятельности. Кроме того, в статье проводится оценка особенностей правил приема, размещения и исключения клиентов пробации из реабилитационных центров в Кыргызской Республике. Формулируются выводы и предложения по использованию организационно-правовых основ деятельности реабилитационных центров в Кыргызской Республике в совершенствовании законодательства о пробации в Российской Федерации.

Ключевые слова: пробация; клиент пробации; участники пробации; реабилитационный центр; социальное общежитие.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Потапов А. М. О реабилитационных центрах клиентов пробации в Кыргызской Республике // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 124–129. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.017.

Original article

On Rehabilitation Centers for Probation Clients in the Kyrgyz Republic

ANDREI M. POTAPOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

Abstract. Based on a comparative legal analysis of penal legislation, probation legislation, and by-laws, the article considers the activities of rehabilitation centers for probation clients in the Kyrgyz Republic. When describing the legal basis of rehabilitation centers in the Kyrgyz Republic, the composition of the founders of such institutions, their types and areas of activity are studied. Besides, the article consid-

ers the specifics of the rules for admission, placement and exclusion of probation clients from rehabilitation centers in the Kyrgyz Republic. The author proposes to use organizational and legal foundations of rehabilitation centers in the Kyrgyz Republic in improving the legislation on probation in the Russian Federation.

Keywords: probation; probation client; probation participants; rehabilitation center; social dormitory.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Potapov A.M. On rehabilitation centers for probation clients in the Kyrgyz Republic. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 124–129. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.017.

Реализация института probation зависит от особенностей ее правового регулирования в государстве применения. Сравнительно-правовой анализ законодательства о probation в странах со схожим законодательством Российской Федерации показывает, что данные вопросы могут получить дополнительное развитие в отечественном нормотворчестве и правоприменительной деятельности с учетом положительного опыта этих государств [1, с. 202].

В Российской Федерации практика применения законодательства о probation находится в стадии формирования, но даже непродолжительный срок ее реализации показывает необходимость внесения отдельных изменений в текущем периоде. В частности, одним из направлений внесения изменений является деятельность центров probation. Так, в настоящее время законодателем в Российской Федерации рассматривается вопрос по включению в число учредителей центров probation коммерческих организаций, на территории которых функционируют исправительные центры [2]. Соглашаясь с правильностью такого подхода законодателя в Российской Федерации, представляется целесообразным провести сравнительно-правовой анализ деятельности реабилитационных центров для клиентов probation в Кыргызской Республике для понимания возможных вариантов использования зарубежного опыта в отечественном законодательстве и практике. Выбор реабилитационных центров в Кыргызской Республике в качестве объекта сравнительно-правового анализа обусловлен достаточно продолжительным периодом их функционирования, их видами, обновлением нормативной правовой базы их деятельности. Это подчеркивает актуальность выбранного направления научного исследования. Важность данного круга вопросов подтверждается и в юридической литературе [3, с. 194; 4, с. 54–64].

Прежде всего отметим, что в Кыргызской Республике основания направления лиц в реабилитационные центры для клиентов probation регулируются Уголовно-исполнительным кодексом Кыргызской Республики (далее – УИК КР) [5]. Так, в ч. 3 ст. 162 УИК КР закреплена возможность направления лиц, нуждающихся в социальной помощи, по их письменному заявлению и представлению учреждения, исполняющего наказание, в центры социальной адаптации.

Кроме того, уголовно-исполнительное законодательство Кыргызской Республики включает ряд категорий лиц, которые не могут быть направлены в реабилитационные центры (центры социальной адаптации): осужденные инвалиды I и II групп, а также осужденные, достигшие пенсионного возраста, которые направляются органами социальной защиты в дома инвалидов и престарелых; лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, больные туберкулезом, венерическим заболеванием, в отношении которых необходимо продолжение принудительного лечения, лица, живущие с ВИЧ/СПИДом, после отбытия и освобождения от наказания подлежат направлению в специальные учреждения органов здравоохранения.

Принимая во внимание указанные положения уголовно-исполнительного законодательства Кыргызской Республики, отметим, что ключевое содержание деятельности реабилитационных центров для клиентов пробации содержится в Законе Кыргызской Республики «О пробации» (далее – Закон о пробации в КР) [6]. Данный подход реализован и в Российской Федерации. Однако его содержание имеет существенные отличия [7, с. 93; 8, с. 1–15]. Данные отличия заключаются в том, что реабилитационные центры подразделяются на два вида: реабилитационные центры (социальные общежития) и реабилитационные центры исправительных учреждений. Соответственно, направление в реабилитационные центры (социальные общежития) осуществляется при исполнительной и постпенитенциарной пробации, а в реабилитационные центры исправительных учреждений – в рамках пенитенциарной пробации в период отбывания уголовного наказания.

Указанные виды реабилитационных центров отличаются и по составу их учредителей. Так, реабилитационные центры при исправительных учреждениях создаются их администрацией, их функционирование, правила размещения, пребывания и исключения клиентов пробации устанавливаются администрацией исправительных учреждений в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и необходимостью выполнения клиентами пробации индивидуальной программы оказания социально-правовой помощи.

Реабилитационные центры (социальные общежития) могут создаваться органами местного самоуправления при поддержке некоммерческих организаций (ч. 2 ст. 33 Закона о пробации в КР). Кроме того, к их созданию могут привлекаться общественность и волонтеры (ч. 2 ст. 29 Закона о пробации в КР). Пробационный надзор за клиентами пробации, направленными в реабилитационные центры (социальные общежития), осуществляется с учетом правил пребывания в них. Органы местного самоуправления обеспечивают функционирование реабилитационных центров (социальных общежитий) и оказывают содействие органам пробации в решении задач по исправлению и ресоциализации клиентов пробации. При этом эффективность осуществления пробации оценивается также по количеству созданных и функционирующих реабилитационных центров (социальных общежитий) и является одним из критериев оценки деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления [9, с. 15–21].

Оценка особенностей деятельности реабилитационных центров при исправительных учреждениях в рамках пенитенциарной пробации будет предметом отдельного нашего исследования. Представляется, что деятельность реабилитационных центров (социальных общежитий) представляет большой интерес ввиду появления и развития таких учреждений в Российской Федерации.

Правила размещения, пребывания и исключения из реабилитационных центров (социальных общежитий) утверждены Министерством юстиции Кыргызской Республики [10]. Основаниями приема и размещения в реабилитационном центре являются отсутствие постоянного или временного места жительства; наличие письменного согласия клиента пробации на размещение; невозможность самостоятельного проживания в силу возраста, состояния здоровья либо нахождения в трудной жизненной ситуации; направление территориального органа пробации, содержащее обоснование о необходимости временного размещения.

Реабилитационный центр в течение трех рабочих дней со дня поступления документов клиента пробации рассматривает их и принимает решение о временном размещении либо об отказе во временном размещении с указанием причин. В случае принятия положительного решения реабилитационный центр заключает с клиентом пробации договор о временном проживании.

Проживание клиента пробации в реабилитационном центре осуществляется на срок от одного до шести месяцев с возможностью продления по письменному представлению

органа пробации. Представление с обоснованием причин продления рассматривается реабилитационным центром в течение трех рабочих дней.

Основы правового положения клиентов пробации в реабилитационном центре складываются из определенной совокупности их прав и обязанностей.

Клиент пробации имеет право: на безопасное временное проживание, получение социальной, психологической и иной помощи; получение полной, доступной и достоверной информации о правилах пребывания в реабилитационном центре, порядке и условиях предоставления услуг; уважение личного достоинства, неприкосновенности частной жизни и защиту от дискриминации; обжалование действий персонала реабилитационного центра в его администрацию либо в орган пробации; применение мер ответственности исключительно на законных основаниях с обязательным документальным оформлением (акт, протокол).

При этом клиент пробации обязан соблюдать правила внутреннего распорядка, выполнять требования персонала реабилитационного центра и условия договора; участвовать в мероприятиях по социальной адаптации, предусмотренных программами реабилитационного центра.

В случае нарушения клиентом пробации условий пребывания реабилитационный центр составляет соответствующий акт и уведомляет об этом орган пробации.

Основаниями для исключения клиента пробации из реабилитационного центра являются: добровольный отказ клиента пробации от дальнейшего пребывания; истечение установленного срока временного проживания; систематическое нарушение правил внутреннего распорядка либо неисполнение условий договора; тяжелое заболевание, требующее стационарного лечения; совершение клиентом пробации нового преступления.

При возникновении обстоятельств, исключающих дальнейшее пребывание клиента пробации в реабилитационном центре, прекращение его пребывания осуществляется с обязательным уведомлением органа пробации не позднее одного рабочего дня. Клиент пробации информируется о причинах исключения в письменной либо устной форме с разъяснением его прав и правовых последствий.

Важным вопросом является организация взаимодействия органов пробации и реабилитационных центров. Так, территориальные органы пробации в Кыргызской Республике осуществляют пробационный надзор за клиентами пробации, в случае необходимости устанавливают электронный надзор; не реже одного раза в месяц посещают клиента пробации, размещенного в реабилитационном центре.

При этом реабилитационный центр обеспечивает условия проживания и реабилитации клиента пробации, по запросу органа пробации предоставляет информацию о клиенте пробации, уведомляет орган пробации о поведении клиента пробации и фактах нарушения им правил проживания в реабилитационном центре.

Таким образом, рассмотрев особенности деятельности реабилитационных центров клиентов пробации в Кыргызской Республике, можно сделать ряд выводов:

Система реабилитационных центров клиентов пробации в Кыргызской Республике сложилась в виде государственного и общественного партнерства. В Российской Федерации на текущем этапе развития деятельность центров пробации реализуется только через некоммерческие (общественные) организации. Считаем, что данный подход возможен только на текущем этапе реализации пробации в Российской Федерации. В перспективе ее развития необходимо рассматривать органы местного самоуправления и иных участников, в том числе коммерческие организации в качестве возможных организаторов центров пробации, как это частично реализовано в Кыргызской Республике.

Представляется правильным использовать опыт Кыргызской Республики по созданию реабилитационных центров как в рамках пенитенциарной пробации (при исправительных учреждениях), так и в рамках постпенитенциарной пробации. При этом деятельность ре-

абилитационных центров в рамках исполнительной пробации в Кыргызской Республике пока не может рассматриваться в Российской Федерации по причине отсутствия такого вида пробации.

Существующее законодательное закрепление учредителей центров пробации в Российской Федерации по видам и содержанию их деятельности не позволит в перспективе расширять функционал таких центров без увеличения или изменения правового статуса учредителей. Законодательный опыт Кыргызской Республики, рассмотренный в работе, предлагает возможные варианты расширения в перспективе.

Представляется, что опыт Кыргызской Республики по созданию системы оценки эффективности деятельности органов пробации и других субъектов на региональном или местном уровне, в том числе в виде оценки количества создаваемых реабилитационных центров и содержания их деятельности по предупреждению рецидива преступлений, может быть востребован в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 204–210.
2. Выписка из заседания Совета Государственной Думы Российской Федерации от 08.06.2026 № 286 п. 83 «О проекте федерального закона № 1231059-8 «О внесении изменения в статью 27 Федерального закона “О пробации в Российской Федерации”» (в части предоставления возможности создания центров пробации коммерческим организациям, на базе которых функционируют участки исправительных центров, расположенные вне исправительных центров, или изолированные участки, функционирующие как исправительные центры). Внесен Государственным Собранием Республики Мордовия». Официально не опубликован.
3. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–203.
4. Селиверстов В. И. Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в оценке общественного, правозащитного и профессионального мнения // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 1. С. 54–64.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 31.01.2017 № 17 // Эркин Тоо. 2017. № 17-18.
6. О пробации : закон Кыргызской Республики от 24.02.2017 № 34 // Эркин-Тоо. 2017. № 33.
7. Жунушова Г. Б. Проблемы законодательной регламентации института пробации в Кыргызской Республике // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 8. С. 93–96.
8. Исергеева А. К. Институт пробации в уголовном процессе: проблемы, тенденции и перспективы развития (на примере стран – участниц Содружества Независимых Государств) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 196 с.
9. Советы по пробации в Кыргызстане: эффективное взаимодействие местных государственных органов, органов местного самоуправления и органов пробации : пособие. Бишкек: 2025 76 с. URL: <https://probation.gov.kg/ru/o-departamente/sovety-po-probacii.html> (дата обращения: 21.06.2026).
10. Об утверждении Правил размещения, пребывания и исключения из реабилитационных центров (социальных общежитий) клиентов пробации : приказ Министерства юстиции Кыргызской Республики от 16 марта 2026 года № 1-д. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/230042805/edition/49490/ru?ysclid=mqnwjcxja7735551298> (дата обращения: 21.06.2026).

REFERENCES

1. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–210. (In Russ.).

2. *Vypiska iz zasedaniya Soveta Gosudarstvennoi Dumy Rossiiskoi Federatsii ot 08.06.2026 No. 286 p. 83 "O proekte federal'nogo zakona No. 1231059-8 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 27 Federal'nogo zakona "O probatsii v Rossiiskoi Federatsii"" (v chasti predostavleniya vozmozhnosti sozdaniya tsentrov probatsii kommercheskim organizatsiyam, na baze kotorykh funktsioniruyut uchastki ispravitel'nykh tsentrov, raspolozhennye вне ispravitel'nykh tsentrov, ili izolirovannyye uchastki, funktsioniruyushchie kak ispravitel'nye tsentry). vnesen Gosudarstvennym Sobranie Respubliki Mordoviya"* [Extract from the meeting of the Council of the State Duma of the Russian Federation No. 286 of June 8, 2026, paragraph 83 "On the draft federal law No. 1231059-8 "On amendments to Article 27 of the federal law "On probation in the Russian Federation"" (in terms of providing the opportunity to establish probation centers for commercial organizations, on the basis of which correctional center sites located outside correctional centers, or isolated areas functioning as correctional centers). introduced by the State Assembly of the Republic of Mordovia". Not officially published.
3. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. (In Russ.).
4. Seliverstov V.I. Social adaptation of persons released from correctional institutions in assessing public, human rights and professional opinion. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 54–64. (In Russ.).
5. The Criminal Executive Code of the Kyrgyz Republic No. 17 of January 31, 2017. *Erkin Too*, 2017, no. 17–18. (In Russ.).
6. On probation: law of the Kyrgyz Republic No. 34 of February 24, 2017. *Erkin-Too*, 2017, no. 33. (In Russ.).
7. Junushova G.B. Problems of legislative regulation of the institute of probation in the Kyrgyz Republic. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana = Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*, 2018, no. 8, pp. 93–96. (In Russ.).
8. Isergepova A.K. *Institut probatsii v ugolovnom protsesse: problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya (na primere stran – uchastnits Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv): dis. ... kand. yurid. nauk* [The institution of probation in criminal proceedings: problems, trends and development prospects (case study of the member countries of the Commonwealth of Independent States): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2020. 196 p.
9. *Sovety po probatsii v Kyrgyzstane: ehffektivnoe vzaimodeistvie mestnykh gosudarstvennykh organov, organov mestnogo samoupravleniya i organov probatsii: posobie* [Probation councils in Kyrgyzstan: effective interaction of local government bodies, local self-government bodies and probation authorities: study guide]. Bishkek: 2025 76 p. Available at: <https://probation.gov.kg/ru/o-departamente/sovery-po-probatsii.html> (accessed June 21, 2026).
10. *Ob utverzhdenii Pravil razmeshcheniya, prebyvaniya i isklyucheniya iz reabilitatsionnykh tsentrov (sotsial'nykh obshchezhitii) klientov probatsii: prikaz Ministerstva yustitsii Kyrgyzskoi Respubliki ot 16 marta 2026 goda No. 1-d* [On approval of the Rules for the placement, stay and exclusion of probation clients from rehabilitation centers (social dormitories): order of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic No. 1-d of March 16, 2026]. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/230042805/edition/49490/ru?ysclid=mqwnjcxja7735551298> (accessed June 21, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОТАПОВ – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

ANDREI M. POTAPOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

Статья поступила 22.03.2026

Научная статья

УДК 343.3/7

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.018

Актуальные проблемы и пути совершенствования ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА РАНЕНКОВА

Московский областной филиал Московского ордена Почета университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, alena_ranenкова@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УГЛИЦКИХ

Московский областной филиал Московского ордена Почета университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

Аннотация. В статье исследуется сложный и актуальный вопрос о применимости норм УК РФ за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в условиях стремительного развития цифрового пространства. Анализируется существующее российское уголовное и административное законодательство, выявляя пробелы и двусмысленности, возникающие при квалификации действий родителей, чье ненадлежащее воспитание или жестокое обращение, в том числе в цифровой среде, негативно сказывается на развитии и благополучии собственных несовершеннолетних детей. Особое внимание уделяется таким аспектам, как проблемы правоприменительной практики, связанные с неоднозначностью толкования ключевых понятий, сложностями квалификации при разграничении с административными правонарушениями или иными составами УК РФ, а также несоразмерности тяжести последствий и наказаний, назначаемых виновным. Предлагаются пути совершенствования действующего уголовного законодательства, направленные на более эффективную защиту прав и интересов детей, а также на формирование адекватной уголовно-правовой ответственности за неисполнение обязанностей по их воспитанию.

Ключевые слова: новорожденный ребенок; малолетний; несовершеннолетний; воспитание; неисполнение обязанностей; ненадлежащее исполнение обязанностей; жестокое обращение; родители; законные представители; насилие; семейный блогинг; эксплуатация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Раненкова Е. А., Углицких Д. В. Актуальные проблемы и пути совершенствования ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 130–145. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.018.

Current Challenges and Prospects for Enhancing Liability for Neglecting Parental Duties Towards a Minor

ELENA A. RANENKOVA

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, alena_ranenкова@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>

DMITRII V. UGLITSKIKH

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

Abstract. The article addresses the complex and timely issue of how the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on failure to fulfil parental obligations towards a minor apply in today's rapidly evolving digital environment. The authors analyze current criminal and administrative and reveal gaps and ambiguities that arise when classifying the actions of parents whose improper upbringing or abuse, including in the digital environment, has a negative impact on the development and well-being of their own minor children. Particular attention is paid to the problems in law enforcement practice related to the ambiguity in interpreting key concepts, the difficulties in qualifying offenses when distinguishing them from administrative offenses or other elements of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the disproportionality between the severity of the consequences and the punishments imposed on the guilty parties. The authors propose ways to improve current criminal legislation to ensure more effective protection of children's rights and interests, as well as to establish adequate criminal liability for failure to fulfill obligations related to their upbringing.

Keywords: newborn child; juvenile; underage; upbringing; failure to perform duties; improper performance of duties; abuse; parents; legitimate representatives; violence; family blogging; exploitation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ranenkova E.A., Uglitskikh D.V. Current challenges and prospects for enhancing liability for neglecting parental duties towards a minor. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 130–145. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.018.

В современном мире, где социальные сети и блогинг стали неотъемлемой частью жизни многих людей, включая родителей, возникает ряд острых вопросов, связанных с безопасностью и благополучием детей. С одной стороны, это может способствовать формированию позитивного образа семьи и обмену опытом. С другой стороны, подобная публичность создает повышенный риск для детей, чья жизнь становится объектом внимания и потенциальной эксплуатации. Родители-блогеры, открыто демонстрирующие свою семейную жизнь и воспитательные подходы в Интернете, могут неосознанно или намеренно допускать нарушения, связанные с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Это может выражаться в пренебрежении базовыми потребностями ребенка,

создании рискованных ситуаций ради контента или же в распространении информации, нарушающей права несовершеннолетнего. Существующее уголовное законодательство, хотя и предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию (ст. 156 УК РФ), оказывается недостаточно адаптированным к специфике деятельности современных родителей-блогеров. Это мера применяется лишь в исключительных случаях, когда нарушения достигают грубой, опасной для жизни и здоровья формы. Подобное отношение со стороны родителей приводит к серьезным физическим и духовным травмам ребенка, вызывает патологическое развитие личности и формирует у него искаженные представления о семье. В этой связи важную роль играет изучение вопроса, связанного с невыполнением законными представителями своих обязанностей по воспитанию. Только так можно выявить имеющиеся правовые проблемы в данной области и разработать эффективные меры по их устранению.

Несмотря на законодательную и государственную защиту, ребенок оказывается практически уязвимым перед лицом бытового насилия, воспринимаемого его родителями как один из эффективных способов воспитания. По данным главы Следственного комитета Александра Бастрыкина, в 2024 г. около двух тысяч российских детей стали жертвами домашнего насилия. В целом же за прошлый год следователями было расследовано свыше 21 тысячи преступлений, совершенных против детей: «По итогам расследованных в 2024 году уголовных дел количество малолетних, пострадавших от криминальных посягательств со стороны близких, членов семьи, составило порядка двух тысяч человек», – сообщил Бастрыкин [1].

С положительной стороны отметим, что по данным Судебной статистики Российской Федерации, за 2022–2024 гг. зафиксирован спад числа осужденных по ст. 156 УК РФ: в 2022 г. – 615, в 2023 г. – 498, в 2024 г. – 424, за 1 полугодие 2025 г. – 187 (см. диаграмму 1) [2].

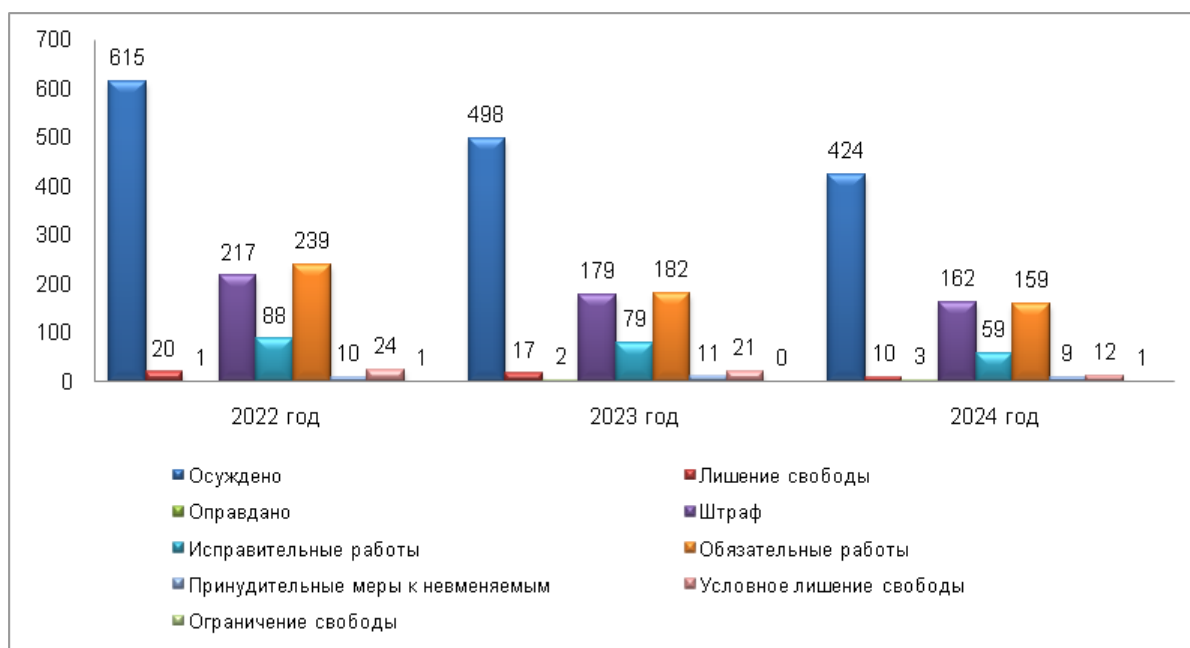

Диаграмма 1. Данные Судебной статистики Российской Федерации о количестве осужденных по ст. 156 УК РФ за 2022–2024 гг.

Но данный факт может быть связан с высокой латентностью указанных преступлений, а также с ошибочной квалификацией по ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающей ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

Для наступления уголовной ответственности за преступное неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего необходимо наличие одного из обязательных признаков – жестокого обращения с несовершеннолетним. Тем не менее термин «жестокое обращение с несовершеннолетним» законодательно до сих пор не закреплён и является оценочным, что порождает ряд трудностей, связанных с неоднозначностью толкования и других ключевых понятий, сложностями квалификации при разграничении с административными правонарушениями или иными составами УК РФ, а также несоразмерности тяжести возможных последствий и наказаний, назначаемых виновным.

Актуальная редакция ст. 156 УК РФ гласит: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним». Состав преступления включает четыре главных элемента, без которых невозможно ни одно преступление: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Дадим уголовно-правовую оценку данному деянию.

В соответствии с Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» родители или иные лица должны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Соответственно, родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность и социализацию личности. Видовой объект – общественные отношения, охраняющие интересы семьи и несовершеннолетних. Непосредственный же объект – общественные отношения, связанные с обеспечением необходимого духовного, физического, умственного, нравственного и социального развития конкретного ребенка. Дополнительным объектом может выступать здоровье несовершеннолетнего.

В качестве особого потерпевшего выступают несовершеннолетние лица. Это базовое определение закреплено и в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ), и в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В п. 1 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) прямо указано: «За несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних)». Дети в возрасте до 12 лет в ряде составов преступлений (особо тяжких против личности, половой неприкосновенности) признаются находящимися в беспомощном состоянии в силу возраста, что влечет более строгую ответственность, чего нельзя сказать о ст. 156 УК РФ. Понятие «несовершеннолетний» в УК РФ разъяснено в ч. 1 ст. 87: это лицо, не достигшее 18 лет, то есть определен максимальный возрастной порог, но не определен минимальный. Значит ли это, что под несовершеннолетними понимаются лица с момента рождения? В этой связи не ясна позиция законодателя относительно жестокого обращения с двумя и более несовершеннолетними, а также с детьми из другой возрастной категории. В уголовном праве выделяют и другие понятия, но их легальное толкование отсутствует, поэтому традиционно используют следующие сроки: новорожденный – ребенок с момента рождения до 30 суток, малолетний – ребенок с 31 дня до 14 лет.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, характеризуется неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего ребенка, возложенных на лицо законом, при условии что такое поведение сопряжено с «жестоким обращением». По своей конструкции состав является формальным. Преступление признается оконченным в момент совершения указанных в законе действий (бездействий), вне зависимости от наступления каких-либо общественно опасных

последствий [3, с. 12]. Не одно из указанных альтернативных деяний не определено и носит оценочный характер [4, с. 76; 5].

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» не допускается осуществление родительских прав в ущерб физическому и психическому здоровью детей и их нравственному развитию. В качестве форм жестокого обращения также рассматриваются случаи использования недопустимых методов воспитания, к ним относятся: грубое и пренебрежительное отношение; действия, унижающие его человеческие достоинства; оскорбления; эксплуатация. Данное положение подчеркивает, что жестокое обращение не ограничивается только прямым насилием, но включает и иные формы поведения родителей, которые нарушают права ребенка на достойное воспитание и развитие. Постановление также уточняет, что родители могут быть лишены судом родительских прав только в случае их виновного поведения. При этом не могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, психического расстройства или иного хронического заболевания), за исключением лиц, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией.

В научной литературе по уголовному праву высказываются различные мнения относительно ст. 156 УК РФ, особое внимание уделено понятию «жестокое обращение» и квалификации деяния. Проанализируем некоторые позиции исследователей: по мнению А. Е. Волковой, жестокость проявляется в психическом либо физическом насилии над ребенком, сопряженном с пренебрежением его потребностями, что создает опасность для его жизни, здоровья и социальной адаптации [6, с. 27]. В. Е. Батюкова отмечает, что наличие подобного термина (жестокое обращение) в диспозиции ст. 156 УК РФ затрудняет определение ситуаций, в которых неисполнение будет соответствующим для уголовной ответственности. В то же время данная оценочная категория, на наш взгляд, позволяет охватить все многообразие недопустимого поведения лиц, ответственных за воспитание детей [7, с. 110].

Ведутся споры и о том, обязательно ли для состава преступления по ст. 156 УК РФ систематичность неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Возникают вопросы о том, сколько таких обязанностей следует не исполнить или исполнить ненадлежащим образом – один раз или несколько, на протяжении какого времени. Ю. В. Морозова, например, считает, что для привлечения к ответственности по ст. 156 УК РФ должна быть установлена система неисполненных обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [8, с. 27]. За единичный факт ненадлежащего исполнения обязанности, выразившийся в причинении вреда здоровью, продолжает автор, лицо подлежит ответственности лишь за конкретное деяние против здоровья. Л. М. Прокументов отмечает, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего образуют как единичные, так и системные деяния [9, с. 35].

Большинство же ученых склоняются к мнению, что в законе нет требования о систематичности, поэтому уголовно наказуемым может быть и однократное деяние. Однако судебная практика часто исходит из того, что жестокое обращение должно свидетельствовать об определенной системе, линии поведения виновного. Поэтому единичные случаи физического насилия не признаются преступлением по ст. 156 УК РФ. Например, «в приговоре от 29 марта 2021 года по делу № 1-273/2021 суд квалифицировал действия матери как преступление по ст. 156 УК РФ. Подсудимая в период с 2 июля 2019 года по 20 октября 2020 года систематически наносила удары малолетней дочери, привязывала ее к кровати, лишала возможности свободно получать еду и питье, оставляя привязанной на продолжительное время (до трех суток). Суд подчеркнул, что такие действия носили систематический характер (более двух раз), что подтверждалось показаниями несовершеннолетних, свидетелей, протоколом осмотра места происшествия и заключением эксперта. В этом

случае систематичность стала одним из оснований для признания деяния преступным, так как единичные эпизоды в совокупности сформировали картину жестокого обращения, нарушающего права ребенка» [10].

Проанализируем другой пример из судебной практики: «Приговор по делу № 1-64/2023 от 05.07.2023, Ф. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, поскольку не выполнял комплекс возложенных на него как на родителя обязанностей, что одновременно было расценено как жестокое обращение. А именно Ф. систематически оставлял своего малолетнего ребенка без ухода, не создавал условия для проживания ребенка, не соблюдал необходимые гигиенические требования в квартире, вел аморальный образ жизни, распивая спиртные напитки в присутствии ребенка, препятствуя его отдыху. Как подчеркивается в фабуле обвинения, именно этими действиями Ф. подверг опасности жизнь и здоровье своего ребенка. По ч. 1 ст. 116.1 УК РФ совершил иные насильственные действия, причинившие физическую боль, не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ. Ранее привлекался административному наказанию за такое же деяние по ст. 6.1.1 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. По статье 156 УК РФ ненадлежащим образом исполнял обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, применял жестокое обращение, вел аморальный образ жизни, распивал спиртные напитки, что мешало полноценному отдыху ребенка. Данные действия нанесли существенный вред психическому и нравственному развитию ребенка. С учетом характера и степени общественной опасности преступлений, обстоятельств их совершения и личности виновного суд назначил следующие наказания: по ч. 1 ст. 116¹ УК РФ – штраф в размере 5 000 рублей; по ст. 156 УК РФ – штраф в размере 8 000 руб.» [11].

Спорным является и понятие «воспитание». Каким именно оно должно быть, не уточняется. Также из текста ст. 156 УК РФ не понятно, о каком виде воспитания идет речь. Очевидно, что физическое воздействие при воспитании должно исключаться. Существует множество разъяснений данного термина, а также множество видов воспитания. Например, Л. В. Байбородова и М. И. Рожков выделяют умственное, нравственное, трудовое, физическое, эстетическое, гражданское и т. д. Каждое отвечает за развитие определенных качеств и компетенций. Л. В. Байбородова, Н. В. Кручинина и Н. Д. Пятибратова выделяют две основных классификации данного понятия: в широком смысле – влияние на личность со стороны всего общества и его института (семья, школа и т. д.); в узком смысле – целенаправленная деятельность конкретных лиц (родители, опекуны, педагоги) [12, с. 21]. По их мнению, воспитание означает планомерное воздействие на личность, обеспечение правильного, то есть отвечающего собственным и общественным интересам, развития нравственности, культуры, образования, знаний и навыков несовершеннолетнего, необходимых для социально полезной деятельности и общения [13, с. 13].

Изучив понятие «жестокое обращение с несовершеннолетним» в научной литературе, мы пришли к выводу, что оно чаще всего строится вокруг типологии насилия. Однако такой подход имеет существенный пробел, он не учитывает оценочный критерий жестокости, то есть ответы на ключевые вопросы, справедливо возникающие у правоприменителей: насколько серьезный вред был причинен ребенку; какие физические и психические страдания он испытал; повлияло ли такое обращение на его развитие; каковы долгосрочные последствия для личности и здоровья ребенка. Именно тяжесть последствий должна определять и социальную оценку ситуации, и правовую квалификацию деяния. Если родители злоупотребляют своими правами, дети могут быть склонны к агрессии, направленной во вне, на свое окружение: жестоко относиться к животным или младшим по возрасту детям, портить или уничтожать имущество и т. д. Или к агрессии по отношению к самому себе,

направленной на разрушение себя: заниматься селфхармом (форма аутоагрессии, которая выражается в умышленном самоповреждающем поведении без намерения покончить с собой), предпринимать попытки к суициду, начать употреблять алкоголь или наркотики, заниматься проституцией, бродяжничеством и т. д.

Элементы состава объективной стороны по ст. 156 УК РФ, такие как время, место, способ, орудие, обстановка и средства, различаются по значимости для квалификации деяния, могут быть учтены, но в основе своей на квалификацию не влияют. Исключение составляет только способ [14].

В последние годы социальные сети заполнили «идеальные» семьи. Ленты пестрят роликами, где послушные дети встают в 5 утра, делают зарядку, идеально выполняют домашние задания и трогательно благодарят родителей за «правильное» воспитание. Однако за кулисами этого «шоу» нередко разворачиваются трагедии. Все чаще правоохранительные органы и органы опеки сталкиваются с вопиющими случаями, когда съемка контента становится прикрытием для психологического, физического насилия и откровенной эксплуатации детей.

Грань между воспитанием и жестокостью в родительском блогинге стирается тогда, когда интересы ребенка приносятся в жертву алгоритмам и рекламным интеграциям. То, что родители называют «строгим, но справедливым воспитанием», в реальности часто является систематическим унижением.

Самые распространенные формы насилия в «семейном» блогинге:

1. Эмоциональное насилие и унижение. Родители снимают детей в момент истерики, слез, страха или боли. Такие ролики называются «распаковками эмоций» или «воспитательными моментами». Ребенку могут намеренно создать дискомфортную ситуацию, чтобы снять «искреннюю реакцию» для вирусного видео. Публичное унижение, высмеивание недостатков или ошибок ребенка перед многотысячной аудиторией – это прямое психологическое насилие, последствия которого могут длиться годами.

2. Физическое насилие под видом «дисциплины». В сети периодически всплывают ролики, где родители шлепают, толкают, ставят в угол или лишают еды детей, объясняя это «традиционными методами воспитания», «так воспитывали их самих». Некоторые блогеры доходят до крайностей: заставляют детей стоять часами на гречке, надевают наручники или используют электрошокеры (как это было в громких случаях с блогерами из разных регионов России), утверждая, что это «безопасные» методы коррекции поведения.

3. Эксплуатация труда. Дети становятся «активами» семейного бизнеса. Они снимаются в рекламе, участвуют в марафонах, снимают десятки дублей. Ребенок лишен права на отдых, личное время и отказ от съемки. Когда семья живет на доходы от блога, отказ ребенка «работать на камеру» воспринимается как угроза финансовому благополучию семьи.

4. Нарушение границ и гиперсексуализация. Опасный тренд – съемка детей в ванной, переодеваний, навязывание «взрослых» образов в семейной фотосъемке и «невинных» поцелуях подростков с родителями в губы. Родители не осознают, что, выкладывая подобное в открытый доступ, они подвергают ребенка опасности, учитывая распространенность материалов с сексуальным насилием в Интернете.

Психотерапевты и детские психологи бьют тревогу: дети, которые растут в «цифровом аквариуме», где каждый шаг оценивается публикой, получают тяжелые ментальные травмы. Перечислим лишь некоторые из них:

– потеря базового доверия к миру: самый близкий человек (мать или отец) не защищает ребенка в уязвимый момент, а выставляет его слабость на всеобщее обозрение. Ребенок перестает чувствовать себя в безопасности;

– «синдром актера»: ребенок привыкает, что его любят только тогда, когда он улыбается, выполняет сценарий и приносит доход. Это приводит к серьезным личностным рас-

стройствам во взрослом возрасте: неспособности распознавать свои истинные эмоции, трудностям в построении здоровых отношений;

– посттравматическое стрессовое расстройство: если насилие носит систематический характер, у детей фиксируются те же симптомы, что у жертв домашнего насилия: энурез, заикание, тики, агрессия, аутоагрессия и др.

В России, как и во многих странах СНГ, законодательство долгое время не успевало за развитием «детского» или семейного блогинга. Однако в последние годы ситуация меняется. В 2024–2026 гг. участились случаи возбуждения уголовных дел против блогеров после того, как их ролики попадали в поле зрения общественности [15–19]. Показательным стал резонанс вокруг случаев, когда дети выглядели истощенными, имели синяки или демонстрировали поведение, характерное для жертв насилия. Главная юридическая проблема: родители являются законными представителями ребенка. Пока ребенок жив, одет и ходит в школу (даже формально), органы опеки часто ограничиваются профилактическими беседами. Система начинает работать только тогда, когда насилие становится несовместимым с жизнью или приобретает масштаб общественного резонанса.

Часто виновным вменяется рассматриваемая нами ст. 156 УК РФ, но сложность заключается в ее доказывании. Родители-блогеры аргументируют свои действия именно воспитательным процессом, а следователям приходится доказывать, что выбранный родителями «метод воспитания» является жестоким обращением, при этом практически никто не приговаривался к реальному лишению свободы, а значит, оставался безнаказанным и продолжал совершать аналогичные деяния. Поэтому суд все чаще стал пере kvalифицировать данный состав на истязание (ст. 117 УК РФ).

Далее рассмотрим субъект и субъективную сторону данного преступления. Субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которое совершило преступление. По общему правилу, уголовная ответственность наступает с 16 лет. Субъект преступления – специальный. К субъекту преступления относятся родители, иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, педагогические работники или другие работники образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанные осуществлять надзор за несовершеннолетним [18, с. 15].

На основе данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2024 гг., 1 полугодие 2025 г. мы провели анализ личностных характеристик осужденных по ст. 156 УК РФ (см. диаграммы 2–5) [10]. Чаще всего это женщины в возрасте 30–49 лет, в некоторых случаях имеющие ребенка в возрасте до трех лет, постоянные жительницы данной местности. В основном не имеют высшего образования, а лишь среднее общее или среднее профессиональное, трудоспособные рабочие, но без постоянного источника. Как мы видим, отсутствие стабильного дохода и высшего образования повышает риск стрессовых ситуаций в семье, которые могут приводить к жестокому обращению с детьми. Женщины чаще испытывают эмоциональное выгорание из-за высокой нагрузки по уходу за детьми при отсутствии поддержки, а также испытывая финансовые трудности. В качестве наказания суды предпочитают назначать обязательные / исправительные работы и штрафы, не лишая свободы (см. диаграмма 1).

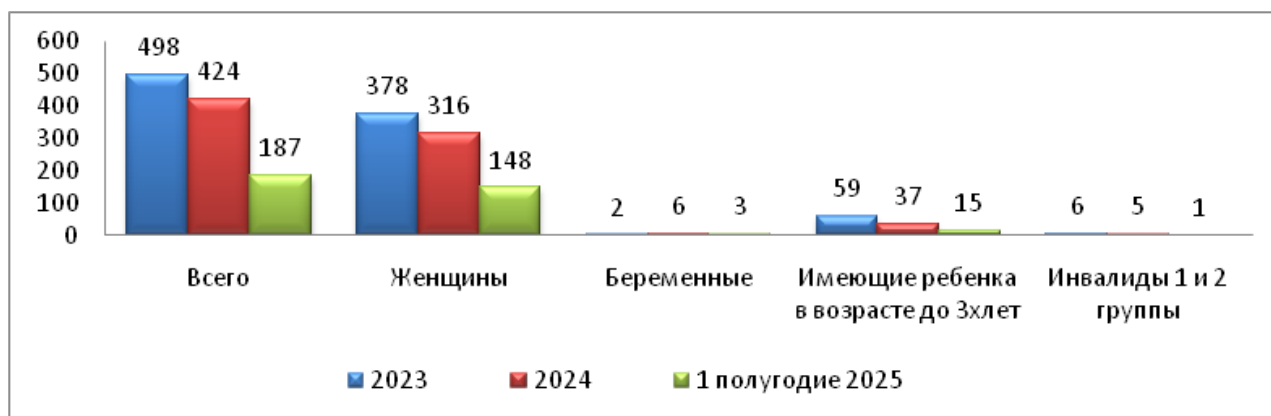

Диаграмма 2. Данные статистики за 2023–2024 гг., 1 полугодие 2025 г. об осужденных за преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ, по полу и семейному положению

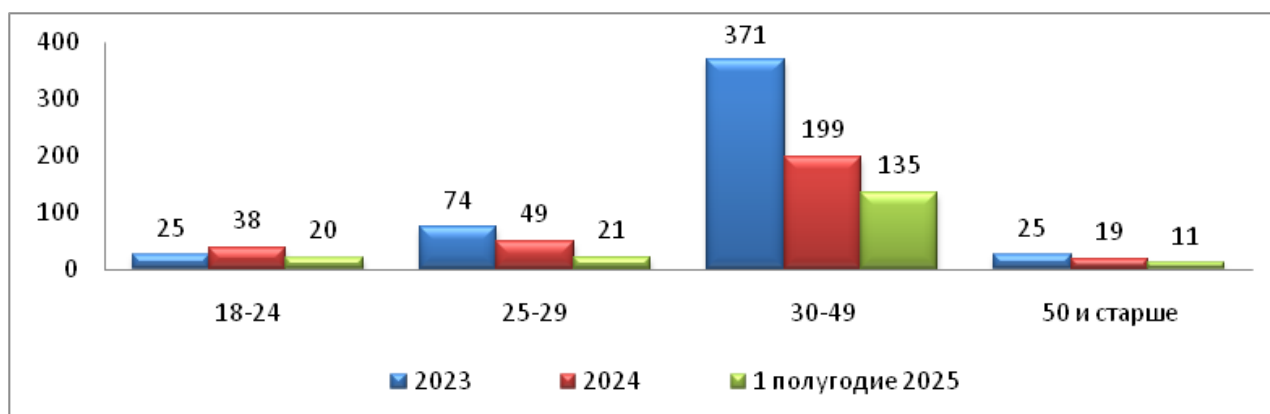

Диаграмма 3. Данные статистики за 2023–2024 гг., 1 полугодие 2025 г. об осужденных за преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ, по возрасту

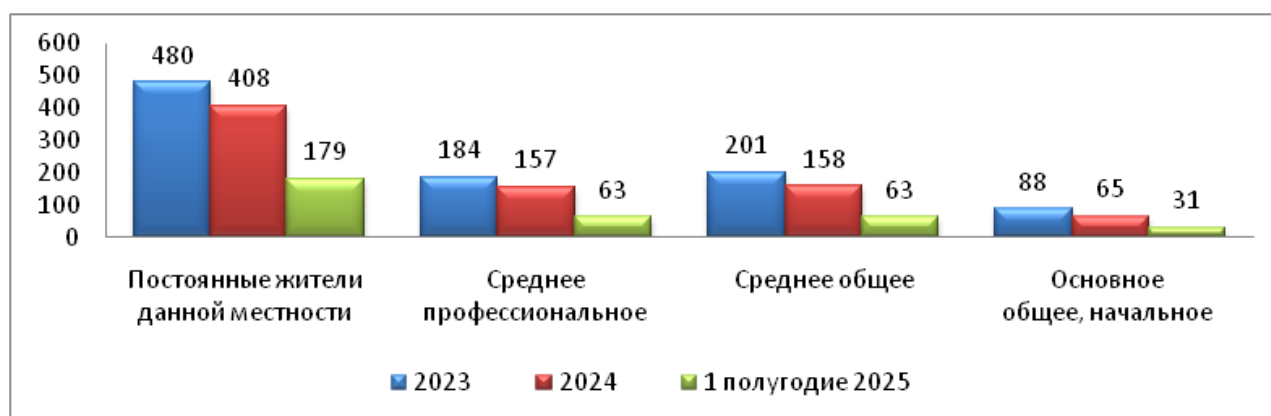

Диаграмма 4. Данные статистики за 2023–2024 гг., 1 полугодие 2025 г. об осужденных за преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ, по месту жительства и образованию

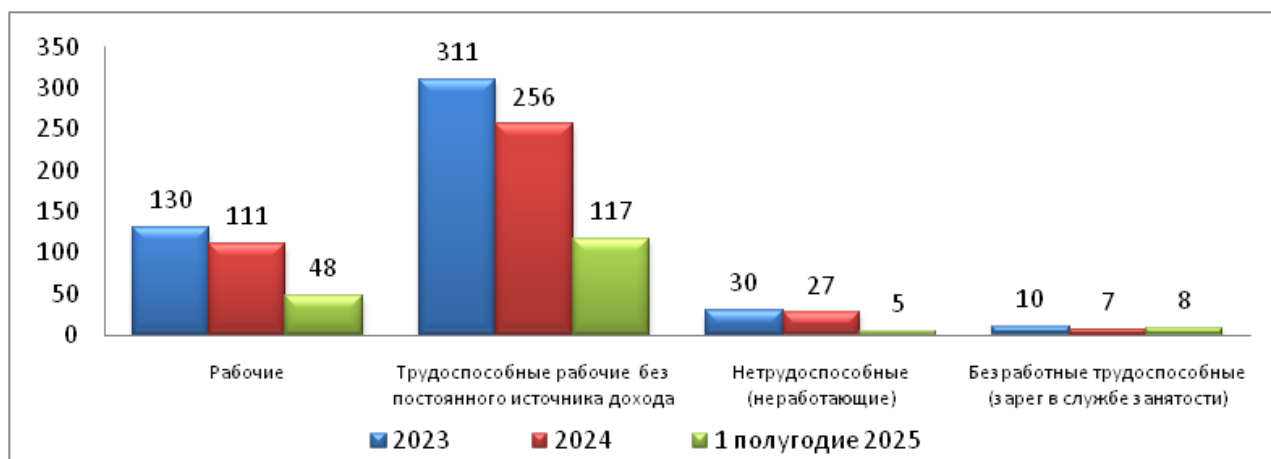

Диаграмма 5. Данные статистики за 2023–2024 гг., 1 полугодие 2025 г. об осужденных за преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ, по роду занятий

С одной стороны, это отражает индивидуализацию ответственности и учитывает важный фактор – сохранение семьи. Лишение свободы может нанести еще больший вред ребенку, лишив его даже минимального родительского попечения. Исправительные же работы позволяют осужденному осознать свою вину, принести пользу обществу и одновременно продолжить воспитание ребенка, но уже на более качественном уровне. Компенсация ущерба, штрафы частично компенсируют затраты государства на социальную поддержку пострадавших детей. С другой стороны, не все родители стремятся исправиться, и, не прочувствовав наказания, продолжают совершать аналогичные преступления, не боясь ответственности за рецидив, так как преступление относится к категории небольшой тяжести.

В целях совершенствования системы мер уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего на основе проведенного теоретического и практического анализа мы разработали некоторые рекомендации. Данные рекомендации также учитывают выявленные нами основные проблемы, связанные с неоднозначностью толкования ключевых понятий, сложностями квалификации при разграничении с административными правонарушениями или иными составами УК РФ, а также несоразмерности тяжести последствий и наказаний, назначаемых виновным.

Таким образом, в целях совершенствования уголовного законодательства за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего необходимо:

1. Пересмотреть дифференциацию уголовной ответственности и наказания в зависимости от степени общественной опасности.

При конструкции объективной стороны ст. 156 УК РФ законодатель не учитывал высокую степень общественной опасности и предусмотрел для нее лишь основной, формальный состав – преступление считается совершенным с момента совершения деяния, независимо от наступления последствий. В настоящее время ст. 156 УК РФ относится к категориям преступления небольшой тяжести и предусматривает лишение свободы до трех лет. По данным статистики, по ст. 156 УК РФ чаще назначаются штрафы и исправительные работы, что не всегда соответствует тяжести деяния и не обеспечивает должной справедливости, а также не исключает рецидив преступления. По нашему мнению, необходимо ввести в ст. 156 УК РФ три части в зависимости от степени общественной опасности, соразмерно характеру и степени совершенного деяния, а также наступившим последствиям.

Расширить специальный субъект с учетом административной преюдиции. Считаем целесообразным ввести в ст. 156 УК РФ часть 1, в которой предусмотреть признаки специального субъекта: «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за

неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», оставив санкцию до 3 лет и категорию преступления небольшой тяжести.

По нашему мнению, также необходимо ввести в ст. 156 УК РФ часть 2, в которой стоит предусмотреть соответствующие категории средней тяжести квалифицированные признаки, в частности особого потерпевшего: п. «а» – «то же деяние, совершенное в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», в которой помимо возрастных особенностей лица будет учтено и состояние здоровья, так как практике известны случаи жестокого обращения с детьми-инвалидами; п. «б» – «в отношении двух или более несовершеннолетних», что позволит учесть количественный критерий потерпевших.

Ранее мы уже установили, что способ совершенного преступления – «деяние соединено с жестоким обращением» – затрудняет правоприменительную практику. Анализ судебной практики показал, что часто «деяние соединено с жестоким обращением» судами понимается как оставление несовершеннолетнего в опасности либо создание условий, угрожающих его жизни и здоровью (в том числе лишение пищи, воды, тепла, укрытия, медицинской помощи, оставление в обстановке с наличием источников повышенной опасности), если виновный имел возможность оказать помощь или устранить опасность и был обязан заботиться о несовершеннолетнем, и квалифицируют данные деяния в совокупности со ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Предлагаем ввести в ст. 156 УК РФ часть 2, в которой предусмотреть то же деяние, сопряженное с оставлением в опасности. Данная норма позволит привлекать к ответственности за бездействие (оставление ребенка в опасности) и за активные действия, создающие угрозу его жизни и здоровью. Дает четкое закрепление критериев для правоприменителей: наличие реальной опасности для несовершеннолетнего, осознанность действий (бездействий) виновного. Далее необходимо ввести квалифицирующие признаки, учитывающие тяжесть последствий для здоровья ребенка (например, причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью ребенка) или «иные тяжкие последствия», которые могут наступить, если ребенок, не выдержав издевательств, сбежал из дома, его здоровью угрожала опасность, или предпринял попытку суицида.

Возможно, более правильной и понятной для правоприменительной практики будет формулировка «совершенное с особой жестокостью» нежели «соединено с жестоким обращением», поэтому данный способ следует исключить из объективной стороны и сделать квалифицированным признаком во 2 части нашей будущей статьи, введя п. «а»: «а равно с оставлением в опасности или с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего».

Поэтому в качестве способа совершения преступления целесообразней указать п. «в» – «с применением насилия опасного для жизни или с угрозой его применения» – для ч. 2 ст. 156 УК РФ; «те же деяния повлекшие причинение вреда по неосторожности или иные тяжкие последствия» – в ч. 3 ст. 156 УК РФ, предусмотрев тяжкое преступление.

Кроме того, данные преступления часто совершает не один законный представитель, а оба или с молчаливого согласия второго, соответственно, необходимо предусмотреть такой способ, как совершение группового преступления; в ч. 2 ст. 156 УК РФ необходимо внести п. «г» – «группой лиц, группой лиц по предварительному сговору».

В целях пресечения данных противоправных действий, совершенных родителями-блогерами, считаем целесообразным внесение в ч. 2 ст. 156 УК РФ следующего квалифицированного признака: п. «д» – «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)».

К аргументам в пользу такого подхода относятся: соответствие современной уголовно-правовой политике; повышение ясности объективной стороны преступления; возможность

более эффективного применения нормы, поскольку отпадет необходимость доказывать сложный и противоречивый признак «жестокое обращение».

2. Предложения по легальному (введение примечания к ст. 156 УК РФ) или судебному (разъяснение в Постановлении Пленума ВС РФ) толкованиям следующих понятий: «новорожденный», «малолетний», «несовершеннолетний» (уточнение минимального возрастного порога), «воспитание», «неисполнение обязанностей», «ненадлежащее исполнение обязанностей», «жестокое обращение». Отсутствие данных понятий приводит к разнородной судебной практике и ошибкам в квалификации.

Для устранения данных недостатков мы выработали авторские определения всех спорных по данному составу понятий.

Воспитание – это целенаправленный и систематический процесс передачи социального опыта, знаний, ценностей, норм поведения и навыков от старшего поколения к младшему, а также активное формирование у молодого поколения нравственных качеств, мировоззрения и готовности к выполнению различных социальных ролей.

Содержание понятия воспитание включает в себя несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, это передача культурного наследия и социального опыта. Воспитание призвано ознакомить индивида с историей, культурой, традициями и достижениями общества, в котором он живет, а также научить его ориентироваться в существующих социальных нормах и правилах. Это обеспечивает преемственность поколений и сохранение культурной идентичности. Во-вторых, воспитание направлено на развитие личности и формирование ее индивидуальных качеств. Это не просто пассивное усвоение информации, но и активный процесс становления характера, темперамента, способностей, интересов и мировоззрения. Воспитание помогает человеку осознать свои сильные и слабые стороны, развить критическое мышление, творческий потенциал и самостоятельность. В-третьих, неотъемлемой частью воспитания является формирование нравственных ценностей и этических норм. Это обучение различать добро и зло, справедливость и несправедливость, развитие эмпатии, уважения к другим людям, ответственности за свои поступки. Именно нравственное воспитание создает основу для формирования законопослушных, гуманных и социально активных граждан. Наконец, воспитание подразумевает подготовку к активной и сознательной деятельности в обществе. Это включает в себя формирование трудовых навыков, профессиональных компетенций, гражданской позиции, умения сотрудничать и решать проблемы. Воспитание делает человека не просто членом общества, но и его активным участником, способным вносить свой вклад в его развитие. Таким образом, воспитание – это комплексный и динамичный процесс, охватывающий все стороны развития человека, от его базовых потребностей до сложных духовных и интеллектуальных аспектов, формируя его как личность и как члена социума.

Неисполнение обязанностей представляет собой пассивное уклонение или активное игнорирование законным представителем установленных законодательством или подзаконными актами функций по воспитанию и обеспечению благополучия ребенка. Это включает в себя пренебрежение фундаментальными потребностями ребенка – от питания и одежды до безопасной среды, санитарии, медицинского обслуживания и режима отдыха. Также сюда относятся упущения в обеспечении его социальных связей, образовательных возможностей, развития творческих и спортивных способностей, а также в удовлетворении его законных интересов и потребностей.

Ненадлежащее исполнение обязанностей проявляется в деструктивном поведении законных представителей, которое подрывает благополучие ребенка. Сюда относятся злоупотребление правами, формальный или неполноценный подход к воспитанию, применение недопустимых законом методов воздействия, а также использование ребенка в собственных интересах. Такое поведение может способствовать формированию дезадаптивных черт личности у несовершеннолетнего, направленных на асоциальное развитие.

Жестокое обращение охватывает широкий спектр противоправных деструктивных деяний, направленных на ребенка, даже если они оправдываются благими намерениями. Это включает в себя применение физической силы, психологическое давление, игнорирование жизненно важных потребностей, нарушение личных границ, принуждение к противоправным или социально неприемлемым поступкам. Сюда же относятся формы эксплуатации – сексуальной или связанной с извлечением выгоды, а также уничижительное, пренебрежительное отношение, непрекращающиеся оскорбления или травля. Все эти проявления несут прямую угрозу благополучию, здоровью (как физическому, так и душевному) и гармоничному развитию ребенка.

Таким образом, ч. 1 ст. 156 УК РФ может быть изложена в следующей редакции:

«Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, *подвергнутому административному наказанию за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях*», – *наказывается ... либо лишением свободы на срок до трех...*».

Ввести части 2 и 3 ст. 156 УК РФ, изложив их в следующей редакции:

«2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

а) в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с оставлением в опасности или с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего;

б) в отношении двух или более несовершеннолетних;

в) с применением насилия опасного для жизни или с угрозой его применения;

г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору;

д) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), – *наказывается лишением свободы на срок от четырех до шести лет...*

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие причинение тяжкого вреда по неосторожности или иные тяжкие последствия, – *...наказываются лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет...*».

При этом в части второй и третьей данной статьи также необходимо предусмотреть и альтернативные виды наказаний, в данный момент это не является целью нашего исследования, так как мы стремились разграничить данный состав по категориям преступления в зависимости от степени общественной опасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ТАСС председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин // URL: <https://tass.ru/politika/23596255> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о судимости в России за 2022–2024 гг., 1 полугодие 2025 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.02.2026).
3. Наумов А. В., Кибальник А. Г. Уголовная ответственность и наказание : учеб. для вузов. М., 2026. 138 с.
4. Юрков С. А. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по признакам объективной стороны // Уголовное право. 2024. № 5. С. 76–80.
5. Уклонение от выполнения обязанностей родителей, выражающееся в систематическом неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию не-

- совершеннолетнего при наличии объективной возможности их выполнения, влечет за собой лишение родительских прав: определение Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 38-КГ12-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.
6. Волкова А. Е. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с жестоким обращением с детьми : дис. ... канд. юрид наук. М., 1996. 167 с.
7. Батюкова В. Е. Противодействие насилию в отношении несовершеннолетних // Современное право. 2024. № 10. С. 109–113.
8. Морозов Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ) : учеб. пособие для обучающихся по программам доп. проф. образования. СПб., 2020. 90 с.
9. Прокументов Л. М. Уголовно-правовая характеристика объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. 2025. № 4. С. 35–39.
10. Приговор Петропавловск-Камчатский городской суд Камчатского края от 29.03.2021 по делу № 1-273/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NW6o8D4r6IVu/> (дата обращения: 02.02.2026).
11. Приговор Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края от 05.07.2023 по делу № 1-64. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/35GB8zpZI7Qt/> (дата обращения 12.02.2026).
12. Байбородова Л. В., Рожков М. И. Воспитательная деятельность : учеб. М., 2023. 402 с.
13. Кручинина Н. В., Пятибратова Н. Д. Расследование преступлений против семьи : моногр. / под общ. ред. Е. П. Ищенко. М., 2019. 135 с.
14. Прокуратура Архангельской области и Ненецкого автономного округа 2024 год. URL: <https://dvinaland.ru/gov/prosecutor/?ID=1701497#cookies=yes> (дата обращения: 06.02.2026).
15. Блогершу Жади отправили в колонию на 5 лет за издевательства над детьми. URL: https://tumentoday.ru/2024/11/27/blogershu_zhadi_na_5_let_otpravili_v_ispravitelnuyu_koloniyu_za_izdevatelstva_nad_detmi/ (дата обращения: 18.02.2026).
16. Дело возбудили против треш-блогера после видео с издевательствами над дочерью. URL: <https://iz.ru/1494545/2023-04-06/delo-vozbudili-protiv-tresh-blogera-posle-video-s-izdevatelstvami-nad-docheriu> (дата обращения: 18.02.2026).
17. Мосгорсуд признал ограничение в родительских правах блогера Лесли законным. URL: <https://news.mail.ru/society/70002168/> (дата обращения: 18.02.2026).
18. «Мне – срок, детям – детдом». Обвиняемый в вымогательстве блогер ждет помощи. URL: <https://vlg.aif.ru/incidents/details/-mne-srok-detyam-detdom-obvinyayemy-v-vymogatelstve-blogger-zhdet-pomoshchi> (дата обращения: 18.02.2026).
19. Следователи проверяют нерадивую мать из Сургута после ток-шоу на Первом канале. URL: https://stribuna.ru/articles/incidents/sledovateli_proveryat_neradivuyu_mat_iz_surguta_posle_tok_shou_na_pervom_kanale/ (дата обращения: 18.02.2026).

REFERENCES

1. Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation Alexander Bastrykin. TASS. Available at: <https://tass.ru/politika/23596255> (Accessed February 10, 2026).
2. *Statisticheskimi dannymi Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF o sudimosti v Rossii za 2022–2024 gg., 1 polugodie 2025 g.* [Statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on criminal records in Russia for 2022–2024, 1st half of 2025]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (accessed February 1, 2026).
3. Naumov A.V., Kibal'nik A.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' i naka-zanie: ucheb. dlya vuzov* [Criminal responsibility and punishment: textbook for universities]. Moscow, 2026. 138 p.
4. Yurkov S.A. Problems of qualification of failure to fulfill the parenting duties towards a minor by objective features. *Ugolovnoe parvo = Criminal Law*, 2024, no. 5, pp. 76–80. (In Russ.).
5. Evasion of parental responsibilities, manifested in the systematic failure to fulfill or improper fulfillment of duties related to the upbringing of a minor, provided there is an objective possibility of fulfilling them, entails the deprivation of parental rights: ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 38-KG12-1 of June 19, 2012. In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2013. No. 3. (In Russ.).

na_ranenкова@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УГЛИЦКИХ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского ордена Почета университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

alena_ranenкова@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>

DMITRII V. UGLITSKIKH – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>.

Статья поступила 03.05.2026

Научная статья

УДК 343.825

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.019

Благотворительная деятельность осужденных в исправительных учреждениях как критерий их исправления

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА САНТАШОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

Аннотация. Исследование посвящено развитию благотворительной деятельности в организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Обозначены правовые основания благотворительной деятельности в исправительных учреждениях. Проанализированы направления деятельности в этой сфере и правоприменительная практика участия осужденных в благотворительных акциях и проектах. Участие осужденного в благотворительности может быть важным показателем его раскаяния и признания вины, изменения его мировоззрения, индикатором исправления осужденного и готовностью вести правопослушный образ жизни. Внесены предложения в уголовно-исполнительное законодательство по совершенствованию развития благотворительной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: благотворительная деятельность; осужденные к лишению свободы; воспитательная работа с осужденными; критерии исправления; ресоциализация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Санташова Л. Л. Благотворительная деятельность осужденных в исправительных учреждениях как критерий их исправления // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2026. № 3 (35). С. 146–153. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.019.

Original article

Charitable Activities of Convicts in Correctional Institutions as an Indicator of Their Rehabilitation

LYUDMILA L. SANTASHOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

Abstract. The study is devoted to the development of charitable activities in the organization of educational work with convicts sentenced to imprisonment. The legal foundations of charitable activities in correctional institutions are outlined. The areas

of activity in this sphere and the law enforcement practice of convicts' participation in charitable events and projects are analyzed. A convict's participation in charity can be an important indicator of their remorse and admission of guilt, a change in their worldview, an indicator of the convict's rehabilitation, and their readiness to lead a law-abiding lifestyle. The author proposes to amend the penal legislation to improve development of charitable activities within the penal system.

Key words: charitable activities; convicts sentenced to imprisonment; educational work with convicts; correctional criteria; resocialization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Santashova L.L. Charitable activities of convicts in correctional institutions as an indicator of their rehabilitation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 146–153. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.019.

В настоящее время одной из актуальных тенденций развития общества является развитие благотворительной деятельности. За последние годы было принято значительное количество нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу.

В Федеральном законе от 07.07.1995 № 135 «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» дано определение благотворительной деятельности: «это добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстное выполнение работ, предоставление услуг, оказание иной поддержки». В законе содержится положение о том, что граждане и юридические лица вправе беспрепятственно осуществлять благотворительную деятельность на основе добровольности и свободы выбора ее целей. Основными формами благотворительной деятельности могут быть: финансовая и материальная помощь; бесплатные услуги; гуманитарная помощь. Благотворительными организациями выступают неправительственные общественные некоммерческие, созданные для реализации своих целей. Благотворительные организации могут заниматься предпринимательской деятельностью только исключительно в интересах тех целей, ради которых они были созданы. Данным федеральным законом также регулируется деятельность благотворительных организаций, порядок их создания и ликвидации, а также ответственность учредителей.

Анализ тенденций развития благотворительности на государственном уровне, принятия нормативно-правовых актов и расширения практики благотворительной деятельности позволил нам сформулировать следующие предложения: внедрять в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы практику привлечения к благотворительности осужденных на добровольной основе в деятельность.

С начала 1990-х гг. к деятельности учреждений, исполняющих наказания, стали привлекаться общественные организации, что способствовало развитию благотворительной деятельности. В 2023 г. впервые стало возможным привлечение некоммерческих общественных организаций к воспитательной работе с осужденными к лишению свободы. Так, Федеральный закон от 06.02.2023 № 10 «О пробации в Российской Федерации» в ст. 6 закрепил субъектов пробации, к которым отнес и некоммерческие организации, которые могут привлекаться в целях осуществления мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, с указанными организациями заключаются договоры о сотрудничестве. Что касается пенитенциарной пробации, то в ст. 15 указанного закона содержится положение о том, что к работе по укреплению социальных связей осужденных могут привлекаться добровольцы (волонтеры).

Теоретически осужденный к лишению свободы также может заниматься благотворительной деятельностью. Другой вопрос в том, как это может быть реализовано в исправительных учреждениях в условиях изоляции. Благотворительность может активно использоваться в качестве воспитательного элемента в организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы под контролем куратора-волонтера из некоммерческой организации. Благотворительная деятельность позволяет сформировать такие качества характера у осужденных, как коммуникативность, ответственность, сострадание, стрессоустойчивость, которые будут полезны в дальнейшей ресоциализации. К ожидаемым результатам благотворительной деятельности осужденных можно отнести: формирование социального опыта; развитие гражданских инициатив; содействие общественно полезной занятости; снижение уровня социальной напряженности; привлечение внимания к социально значимым проблемам.

Полагаем, что для развития благотворительной деятельности в исправительных учреждениях наиболее целесообразно вовлекать осужденных в следующие направления: гуманитарная помощь для военнослужащих специальной военной операции; помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей; безвозмездная передача вещей для детских домов; помощь другим осужденным, имеющим ограничения по здоровью. Считаем, что приобщение осужденных к благотворительной деятельности развивало бы их как социально значимую личность, повышало их уровень ответственности, способствовало развитию активной гражданской позиции и увеличению мотивации для ресоциализации и социальной адаптации.

Следует сказать, что примеры благотворительной деятельности осужденных уже есть. Некоторые исправительные учреждения проводят работу по привлечению осужденных к благотворительной деятельности. Приведем несколько таких примеров.

Так, например, осужденные ИК-4 УФСИН России по Архангельской области плетут маскировочные сети для солдат специальной военной операции (далее – СВО). Осужденные освоили новый метод плетения «Травка». В день осужденные успевают сплести одну сеть. Руководство учреждения планируют наградить осужденных благодарственными письмами [1].

Схожий пример показывают осужденные в Хабаровском крае при изготовлении окопных свечей для бойцов СВО. Свечи, изготовленные осужденными, были переданы волонтерам-представителям отдела по развитию молодежной политики, физической культуры и спорта администрации Амурского муниципального района [2].

Осужденные женщины, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, вяжут теплые носки для бойцов и отправляют на фронт с помощью волонтеров добровольческого движения Еврейской автономной области «Руки ангелов» [3].

Осужденные, отбывающие наказание в межобластной больнице № 10 УФСИН России по Вологодской области, также оказывают помощь участникам СВО. Так, осужденные изготовили более 60 камуфляжных покрытий, сотрудничая с «Вологодским швейбатов». Волонтеры «Вологодского швейбата» проводят мастер-классы для осужденных по плетению маскировочных сетей. На данную работу осужденные устраиваются добровольно после получения заключения о годности по состоянию здоровья от медицинских работников учреждения. Число желающих среди осужденных, отбывающих наказание в ФКЛПУ МБ-10, плести маскировочные сети не уменьшается [4].

В ГУФСИН России по Свердловской области осужденные сшили партию рубашек и флисовых кофточек для детей разных возрастов из неблагополучных семей, изготовили наборы для рукоделия, носки, пинетки, варежки, мягкие игрушки, кормушки для птиц и передали канцелярские принадлежности в рамках благотворительной акции «Тепло маминых рук» [5].

Осужденные женщины из отряда хозяйственного обслуживания СИЗО № 1 УФСИН России по Воронежской области сшили игрушки детям-сиротам, оставшимся без попечения

родителей. Осужденные женщины изготовили к Новому году кукол, зайчиков, мишек, Деда Мороза и Снегурочку. Сделанные своими руками игрушки администрация СИЗО передала в приют «Покров», где содержатся беременные женщины, женщины с детьми, дети с тяжелой формой различных заболеваний. Данные мероприятия способствуют ресоциализации осужденных женщин и помогают раскрыть их творческий потенциал [6].

Похожий пример в исправительной колонии № 5 УФСИН России по Челябинской области, где женщины приняли участие в мастер-классе по созданию мягкой игрушки. Осужденные женщины посещают кружок декоративно-прикладного творчества и учатся создавать различные текстильные изделия. Под руководством педагога осужденные изготовили мягкие игрушки для детей. Данные занятия способствуют развитию мелкой моторики и творческих навыков у осужденных [7].

Существуют и другие примеры. Осужденная А. из ИК-6 ГУФСИН России по Свердловской области отдает часть своей зарплаты на благотворительность. Женщина была осуждена по ч. 1 ст. 228 УК РФ и, осознав свою вину, решила помогать детям. Часть дохода она перечисляет в благотворительный фонд и специальный коррекционный детский дом для детей с отклонениями в развитии. Женщина трудоустроена подсобной рабочей в колонии и имеет постоянный доход [8].

Оценка подходов к благотворительности осужденных свидетельствует о необходимости продолжения работы по ее соответствию уголовно-исполнительному законодательству. В этой связи полагаем, что в целях развития благотворительной деятельности в исправительных учреждениях необходимо внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Считаем, что осужденных, которые активно участвуют в благотворительности, необходимо дополнительно мотивировать на исправление и учитывать их участие в благотворительности как один из критериев исправления. Участие осужденного в благотворительности может быть важным показателем его раскаяния и признания вины, изменения его мировоззрения, индикатором исправления осужденного и готовностью вести правопослушный образ жизни.

В последние годы наблюдается тенденция гуманизации и либерализации системы исполнения наказаний в России, имеются случаи в практике, когда суд смягчает наказание, приняв во внимание участие обвиняемого или осужденного в благотворительной деятельности. В этой связи участие осужденного в благотворительной деятельности могло бы повлиять на его условно-досрочное освобождение и на замену неотбытой части наказания более мягким видом. Так, например, суд, рассматривая дело о мошенничестве, установил, что обвиняемый ранее не привлекался к уголовной ответственности; после задержания стал активно участвовать в благотворительных акциях. Суд учел данные обстоятельства и смягчил наказание, назначив условное осуждение вместо реального срока лишения свободы [9]. Безусловно, суд должен в каждом конкретном случае индивидуально подходить к принятию процессуального решения и учитывать личность виновного и обстоятельства совершенного преступления, поведение в местах лишения свободы.

В уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации в настоящее время отсутствуют законодательно сформулированные критерии исправления осужденных, что является пробелом законодательства. Данный вопрос в научных кругах вызывает определенную дискуссию. Так, например, Е. В. Нечаева отмечает, что «отсутствие четко сформулированных критериев, достаточно понятных для практических работников, сдерживает все направления воспитательной деятельности и снижает в целом эффективность работы исправительных учреждений» [10]. Достаточно много и научных работ, посвященных указанной теме. В. И. Селиверстов отмечал, что «основным критерием достижения цели исправления может быть только правопослушное поведение в аспекте соблюдения запрета на совершение преступлений» [11]. Проблемы критериев исправления больных осужденных представлены в научных работах А. П. Скибы. Он писал о том, что больные

осужденные представляют собой специфическую категорию, которая требует к себе особого отношения с точки зрения организации их исправления [12]. Для такой категории осужденных одним из критериев, по его мнению, будет отношение к лечению.

С точки зрения сравнительно-правового анализа законодательства стран-участниц Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) следует сказать, что УИК Республики Беларусь содержит отдельную статью, где сформулированы критерии и степень исправления осужденных. Так, в УИК Республики Беларусь используются следующие степени исправления: «ставший на путь исправления; твердо ставший на путь исправления; доказавший свое исправление по отбытии не менее одной четверти срока наказания» [13].

Интересным представляется опыт относительно правовой регламентации критериев исправления осужденных в УИК Республики Казахстан. В ст. 95 УИК Республики Казахстан «Оценка поведения с целью индивидуализации его наказания» закреплено положение о том, что степень поведения осужденного определяется постановлением начальника учреждения на основании предоставленных комиссией материалов. Степень поведения является основанием для изменения вида исправительного учреждения.

По уголовно-исполнительному законодательству Республики Казахстан положительно характеризующиеся осужденные классифицируются на три положительных степени: «1 степень – при наличии не менее одного поощрения и отсутствии взысканий в течение трех месяцев и более со дня получения последнего поощрения; 2 степень – при наличии первой положительной степени поведения, не менее одного поощрения и отсутствии взысканий в течение шести месяцев и более со дня получения первой положительной степени поведения; 3 степень – при наличии второй положительной степени поведения, не менее одного поощрения и отсутствии взысканий в течение одного года и более со дня получения второй положительной степени поведения».

Согласно УИК Республики Казахстан отрицательно характеризующиеся осужденные также классифицируются на три отрицательных степени: «1 степень – при признании нарушителем установленного порядка отбывания наказания; 2 степень – при признании систематическим нарушителем установленного порядка отбывания наказания; 3 степень – при признании злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания» [14].

Полагаем, что необходимо разработать и в законодательстве Российской Федерации критерии исправления осужденных к лишению свободы. В этой связи предлагаем включить в гл. 15 «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы» ст. 111 «Критерии исправления осужденных к лишению свободы», изложив ее следующим образом:

«1. Исправление осужденного к лишению свободы определяется администрацией исправительного учреждения по результатам аттестации осужденного на основании изучения его личности и оценки поведения в период отбывания наказания по критериям, указанным частями 2–3 настоящей статьи.

2. Критериями исправления осужденного будут являться: отношение к установленному порядку отбывания наказания; отношение к труду; отношение к учебе; отношение к воспитательным мероприятиям; отношение осужденного к совершенному им преступлению; поддержание социально полезных связей с родственниками; погашение исковой задолженности по имеющимся исполнительным листам; участие осужденных в благотворительной деятельности.

3. При проведении аттестации осужденный в качестве гарантий своего правопослушного поведения может изложить результаты своей деятельности по приобретению значимых для социальной адаптации компетенций, преодолению негативных черт личности, налаживанию социально полезных связей с родственниками и организациями, которые могут оказать ему помощь в трудоустройстве после освобождения, и другими общественными организациями.

4. По результатам аттестации осужденного администрация исправительного учреждения делает следующие выводы: осужденный характеризуется положительно и не нуждается в полном отбытии срока наказания; осужденный характеризуется отрицательно и администрация не поддерживает ходатайство осужденного на условно-досрочное освобождение (замену неотбытой части более мягким видом наказания, перевод в колонию-поселение и т. д.); осужденный характеризуется посредственно и нуждается в полном отбытии срока наказания».

Важно отметить, что участие осужденных в благотворительной деятельности как критерий их исправления не должно быть императивным, оно должно являться факультативным и учитываться наряду с перечисленными выше обязательными критериями исправления и дополнять их. Осужденные занимаются благотворительностью по зову своего сердца, искренне, поэтому принуждение в данном случае недопустимо. В целях поощрения осужденных к лишению свободы, которые активно бы занимались благотворительной деятельностью, можно предусмотреть определенные стимулы.

Таким образом, в целях развития благотворительной деятельности в исправительных учреждениях необходимы совершенствование механизма ее нормативно-правового регулирования и расширение практики привлечения к благотворительной деятельности на добровольной основе осужденных к лишению свободы. Участие осужденного в благотворительности может быть важным показателем его раскаяния и признания вины, изменения его мировоззрения, индикатором исправления осужденного и готовностью вести правопослушный образ жизни. В этой связи в целях развития благотворительной деятельности в исправительных учреждениях необходимо внести изменения в УИК РФ, предусмотрев участие в благотворительной деятельности как один из критериев их исправления.

Полагаем, что для развития благотворительной деятельности в исправительных учреждениях наиболее целесообразно вовлекать осужденных в следующие направления: гуманитарная помощь для военнослужащих специальной военной операции; помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей; безвозмездная передача вещей для детских домов; помощь другим осужденным, имеющим ограничения по здоровью. Считаем, что приобщение осужденных к благотворительной деятельности развивало бы их как социально значимую личность, повышало их уровень ответственности, способствовало развитию активной гражданской позиции и увеличению мотивации для дальнейшего исправления и ресоциализации. Таким образом, благотворительная деятельность осужденных может стать важным элементом ресоциализации и социальной адаптации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Котласе в 4-й исправительной колонии начали плести маскировочные сети для нужд СВО. Осужденные освоили ремесло всего за неделю. В день волонтеры успевают сплести одну сеть. URL: <https://www.pomorie.ru/2025/06/10/6846d0c341bed99d7b077126.html> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Осужденные в Хабаровском крае изготовили окопные свечи для участников СВО. URL: <https://hab.mk.ru/social/2024/07/02/osuzhdennye-v-khabarovskom-krae-izgotovili-okopnye-svechi-dlya-uchastnikov-svo.html> (дата обращения: 16.04.2026).
3. Помощь участникам СВО и членам их семей оказывают заключенные и сотрудники УФСИН в ЕАО. URL: <https://riabir.ru/476834/> (дата обращения: 30.01.2026).
4. Заключенные вологодских колоний помогают плести маскировочные сети бойцам СВО. URL: https://xn--35-dlcmp7ch.xn--p1ai/video/2024/01/09/zaklyuchyonnye_vologodskih_koloniy_pomogayut_plesti_maskirovochnye_seti_boycam_svo (дата обращения: 02.02.2026).
5. Среди осужденных организовали волонтерское движение. URL: <https://www.orthodox-newspaper.ru/events/at39537> (дата обращения: 13.02.2026).
6. В Воронеже женщины, сидящие в СИЗО, сшили игрушки для детей из приюта. URL: <https://www.vrn.kp.ru/online/news/5611385/> (дата обращения: 03.02.2026).

7. В пятой колонии Челябинска осужденные женщины учились создавать мягкие игрушки. URL: <https://uralpress.ru/news/v-pyatoy-kolonii-chelyabinska-osuzhdennye-zhenschiny-uchilis-sozdavat-myagkie-igrushki> (дата обращения: 06.02.2026).
8. Заключенная колонии Нижнего Тагила отдает часть зарплаты на благотворительность. URL: <https://vsenovostint.ru/2020/06/08/zaklyuchonnaya-kolonii-nizhnego-tagila-otdayot-chast-zarplaty-na-blagotvoritelnost/> (дата обращения: 16.02.2026).
9. Участие в благотворительности как фактор смягчения уголовного наказания в России. URL: <https://dzen.ru/a/ZstraCTIqWx1cUUX> (дата обращения: 16.04.2026).
10. Нечаева Е. В. О критериях определения степени исправления осужденных к уголовным наказаниям // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1-4), № 3. С. 222–227.
11. Селиверстов В. И. Исправительная доктрина и ее слияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского университета. Т. 4, № 2. 2018. С. 65–73.
12. Скиба А. П., Скорик Е. Н. К вопросу о средствах исправления больных осужденных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sredstvah-ispravleniya-bolnyh-osuzhdennyh/viewer> (дата обращения: 13.02.2026).
13. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 года № 365-3 (с изм. и доп. на 01.01.2026). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30414827&pos=144;132&doc_id2=30414827&pos2=1354;148 (дата обращения: 13.02.2026).
14. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V (с изм. и доп. по состоянию на 16.09.202). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31577723&pos=146;157&doc_id2=31577723&pos2=1460;146 (дата обращения: 13.02.2026).

REFERENCES

1. *V Kotlase v 4-i ispravitel'noi kolonii nachali plesti maskirovochnye seti dlya nuzhd SVO. Osuzhdennye osvoili remeslo vsego za nedelyu. V den' volonter uspevayut splesti odnu set'* [In Kotlas, at the 4th correctional colony, they began weaving camouflage nets for the needs of the special military operation. The convicts mastered the craft in just a week. Volunteers manage to weave one net per day]. Available at: <https://www.pomorie.ru/2025/06/10/6846d0c341bed99d7b077126.html> (accessed January 30, 2026).
2. *Osuzhdennye v Khabarovskom krae izgotovili okopnye svechi dlya uchastnikov SVO* [Convicts in Khabarovsk Krai have made trench candles for participants in the special military operation]. Available at: <https://hab.mk.ru/social/2024/07/02/osuzhdennye-v-khabarovskom-krae-izgotovili-okopnye-svechi-dlya-uchastnikov-svo.html> (accessed April 16, 2026).
3. *Pomoshch' uchastnikam SVO i chlenam ikh semei okazyvayut zaklyuchennye i sotrudniki UFSIN v EAO* [Prisoners and employees of the UFSIN in the EAO provide assistance to participants of the SVO and their family members]. Available at: <https://riabir.ru/476834/> (accessed January 30, 2026).
4. *Zaklyuchennye vologodskikh kolonii pomagayut plesti maskirovochnye seti boitsam SVO* [Prisoners of Vologda correctional facilities help to weave camouflage nets for their fighters]. Available at: https://xn--35-dlcmp7ch.xn--p1ai/video/2024/01/09/zaklyuchennye_vologodskih_koloniya_pomagayut_plesti_maskirovochnye_seti_boycam_svo (accessed February 2, 2026).
5. *Sredi osuzhdennykh organizovali volonterское dvizhenie* [A volunteer movement was organized among the convicts]. Available at: <https://www.orthodox-newspaper.ru/events/at39537> (accessed February 13, 2026).
6. *V Voronezhe zhenschiny, sidyashchie v SIZO, sshili igrushki dlya detei iz priyuta* [In Voronezh, women held in pre-trial detention centers sewed toys for children from an orphanage]. Available at: <https://www.vrn.kp.ru/online/news/5611385/> (accessed February 3, 2026).
7. *V pyatoi kolonii Chelyabinska osuzhdennye zhenschiny uchilis' sozdavat' myagkie igrushki* [At the correctional facility No. 5 in Chelyabinsk, convicted women have learned to make soft toys]. Available at: <https://uralpress.ru/news/v-pyatoy-kolonii-chelyabinska-osuzhdennye-zhenschiny-uchilis-sozdavat-myagkie-igrushki> (accessed February 6, 2026).
8. *Zaklyuchennaya kolonii Nizhnego Tagila otdaet chast' zarplaty na blagotvoritel'nost'* [A prisoner in a colony in Nizhny Tagil donates part of their salary to charity]. Available at: <https://>

vsenovostint.ru/2020/06/08/zaklyuchyonnaya-kolonii-nizhnego-tagila-otdayot-chast-zarplaty-na-blagotvoritelnost/ (accessed February 16, 2026).

9. *Uchastie v blagotvoritel'nosti kak faktor smygcheniya ugovnogo nakazaniya v Rossii* [Participation in charity as a factor in mitigating criminal punishment in Russia]. Available at: <https://dzen.ru/a/ZstpaCTIqWx1cUUX> (accessed April 16, 2026).

10. Nechaeva E.V. On the criteria for determining the degree of rehabilitation of persons sentenced to criminal penalties. *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo = Penal Law*, 2019, vol. 14 (1-4), no. 3, pp. 222–227. (In Russ.).

11. Seliverstov V.I. The correctional doctrine and its impact on the status of persons released from serving a sentence. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*, vol. 4, no. 2, 2018, pp. 65–73. (In Russ.).

12. Skiba A.P., Skorik E.N. *K voprosu o sredstvakh ispravleniya bol'nykh osuzhdennykh* [To a question about the means of correcting sick convicts]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sredstvakh-ispravleniya-bolnyh-osuzhdennykh/viewer> (accessed February 13, 2026).

13. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Respubliki Belarus' ot 11 yanvarya 2000 goda № 365-3 (s izm. i dop. na 01.01.2026)* [The Penal Code of the Republic of Belarus No. 365-3 of 11 January 2000 (as amended and supplemented on January 1, 2026)]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=30414827&pos=144;132&doc_id2=30414827&pos2=1354;148 (accessed February 13, 2026).

14. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 5 iyulya 2014 g. № 234-V (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 16.09.2022)* [Penal Code of the Republic of Kazakhstan No. 234-V of July 5, 2014 (as amended and supplemented on September 16, 2022)]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=31577723&pos=146;157&doc_id2=31577723&pos2=1460;146 (accessed February 13, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА САНТАШОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

LYUDMILA L. SANTASHOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

Статья поступила 20.03.2026

Научная статья

УДК 343.2/.7

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.020

Виктимологическая профилактика семейно-бытового насилия: проблемы квалификации и предупреждения преступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации

ИВАН ИЛЬИЧ СИНЕВ

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия, ivansinev2000@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования виктимологической профилактики семейно-бытового насилия обусловлена устойчивым ростом данного вида преступности в современном обществе. Традиционные меры противодействия, ориентированные преимущественно на правовое преследование агрессоров, демонстрируют ограниченную эффективность в предотвращении рецидивов семейно-бытового насилия. Современная профилактика семейно-бытового насилия требует системного подхода, сочетающего общие и индивидуальные меры воздействия. Цель исследования заключается в изучении проблем, связанных с виктимологической профилактикой семейно-бытового насилия, криминологическим анализом его причин, структуры и динамики, и выработке предложений по поводу решения указанных проблем на законодательном уровне.

Ключевые слова: виктимность; виктимологическая профилактика; криминологические риски; семейно-бытовое насилие; безопасность личности; семейное неблагополучие; побои; истязания; малолетние дети.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Синев И. И. Виктимологическая профилактика семейно-бытового насилия // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 154–161. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.020.

Original article

Victimological Prevention of Domestic Violence: Qualification and Prevention of Crimes in Russian Criminal Legislation

IVAN I. SINEV

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia, ivansinev2000@gmail.com

Abstract. The relevance of the study of victimological prevention of domestic violence is due to the steady growth of this type of crime in modern society. Traditional

counteraction measures, focused primarily on the legal prosecution of aggressors, demonstrate limited effectiveness in preventing the recurrence of domestic violence. Modern prevention of domestic violence requires a systematic approach combining general and individual measures of influence. The purpose of the article is to study problems related to victimological prevention of domestic violence, to conduct criminological analysis of its causes, structure and dynamics, and to develop proposals for solving these problems at the legislative level.

Key words: victimization; victimological prevention; criminological risks; domestic violence; personal security; family problems; beatings; torture; young children.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sinev I.I. Victimological prevention of domestic violence: qualification and prevention of crimes in Russian criminal legislation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 154–161. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.020.

Семейно-бытовое насилие является актуальной проблемой современности, поскольку преступления, совершаемые на почве бытовых конфликтов в семье, отличаются повышенной латентностью: потерпевшие от семейно-бытового насилия редко обращаются в правоохранительные органы с заявлением о насилии, кроме того отсутствует своевременное реагирование правоохранительных органов на обращения жертв домашнего насилия. Следует отметить, что особую тревогу вызывает насилие в отношении женщин и детей. На основании статистических данных МВД РФ за 2023 г. [1] можно сделать вывод, что чаще всего потерпевшими от насилия в семье оказываются женщины (около 50 %) и дети (17 %), поскольку в силу своих психологических и физиологических особенностей они не могут оказать активное сопротивление агрессору, в связи с чем данная категория лиц относится к группе высокого криминологического риска. В 75 % случаев в России от семейно-бытового насилия страдают женщины, в браке этот показатель возрастает до 91 %, в 2024 г. около 2 тыс. детей в России пострадали от насилия в семье. В целом в 2024 г. было расследовано более 21 тыс. преступлений против детей, среди них истязания составляют 0,5 %, то есть на состав истязаний приходится 2,1 % всех преступлений, что является существенным показателем и подчеркивает актуальность изучения и разработки мер предупреждения побоев и истязаний, которые до сегодняшнего дня не рассматривались в отдельных диссертационных исследованиях, более того самыми массовыми преступлениями в семейно-бытовой сфере стали побои и истязания. Всего в 2023–2024 гг. их фиксировали более 150 тысяч раз.

В официальной статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2024 гг. приводятся данные о случаях угроз убийством в отношении женщин: 21 141 случай в 2021 г. и 18 224 случая в 2022 г. [2].

Виктимологическая профилактика заключается в информировании правоохранительных органов об особенностях семейно-бытового насилия, проведения лекций и тренингов для сотрудников органов МВД России, касающихся тем внутрисемейного насилия и его профилактики.

В настоящее время существует Государственная система профилактики преступлений и иных правонарушений, в рамках которой в МВД России создан Временный оперативный штаб, а в Правительстве РФ образована Комиссия по делам несовершеннолетних, существуют телефоны доверия для лиц, которые стали жертвами насилия. Более того, во многих субъектах Российской Федерации создаются кризисные центры для детей и женщин, пострадавших от внутрисемейного насилия [3]. Самым главным шагом в решении проблем внутрисемейного насилия является вынесение на обсуждение в 2019 г. Государственной Думой проекта федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Рос-

сийской Федерации», который не принят на сегодняшний день. На наш взгляд, положения данного законопроекта в части применения «охранных грамот» и «судебных защитных предписаний» оказали бы положительный эффект в решении проблем, связанных с внутрисемейным насилием, однако несмотря на разработку мер государственной политики, связанной с решением проблем насилия внутри семьи, проблема остается актуальной на сегодняшний день. Утверждения о том, что законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» приведет к излишней криминализации семейно-бытового насилия и разрушит отношения внутри семьи, считаем не состоятельными. Во-первых, защита семьи является приоритетным направлением государственной политики, объединяющим усилия государства и гражданского общества; во-вторых, согласно ст. 21 Конституции РФ, «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». В актах международного права, в частности в ст. 1 Декларации ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин» под насилием рассматривается «любой акт насилия, совершаемый на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы как в общественной, так и в личной жизни». Безусловно, данные международные акты имеют важное значение для защиты семьи. Насилие в семье, проявляющееся в любой форме, нарушает конституционные права человека на охрану здоровья, а также на защиту чести и достоинства. В-третьих, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В связи с этим права лица, совершающего насилие в семье, могут быть ограничены в соответствии с законом с целью защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи.

Внутрисемейное насилие в зависимости от совершенных преступлений следует классифицировать на физическое, психологическое, сексуальное и экономическое. Следует отметить, что физическому, психическому и экономическому видам насилия наиболее подвержены женщины и дети, поскольку чаще всего дети находятся в материальной, моральной и в правовой зависимости от своих насильников. Как справедливо отмечает Ю. Е. Пудовочкин, «прямая агрессивность родителей по отношению к ребенку, являясь крайней стадией семейного неблагополучия, перечеркивает саму возможность нормального нравственного формирования личности ребенка, подростка в семейной среде» [4, с. 217]. Женщины также в большинстве случаев становятся жертвами психологического, физического и экономического насилия в семье, так как в силу своих физиологических и психологических особенностей не в состоянии противостоять виновному. Неопределенность термина «систематичность», его наличие в диспозиции ст. 117 УК РФ приводит к неточностям и ошибкам при квалификации данного преступления [5]. Из содержания ст. 117 УК РФ следует, что истязание может быть совершено не только путем систематического нанесения побоев, но и иными насильственными действиями, содержание которых не раскрыто в уголовном законодательстве. По смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в постановлении от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой», при квалификации деяния по ст. 116, 116.1, 117 УК РФ следует учитывать предшествующее совершению преступления поведение виновного, наличие судимости за истязания или аналогичные по объективным и субъективным признакам преступления [6]. Следует обратить внимание на ключевые аспекты, связанные с отграничением понятий «истязание», «побои» и «нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» в уголовном праве. Целесоо-

бразно принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при квалификации побоев и истязаний» для единообразного применения судами норм уголовного законодательства при привлечении к уголовной ответственности лиц за истязания, а также разъяснений в рамках обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по поводу разграничения побоев и истязаний, определения понятия «систематическое нанесение побоев» [7].

С точки зрения профилактической защиты лиц от семейно-бытового насилия и предотвращения рецидивов при совершении истязаний с отягчающими обстоятельствами целесообразно установление административного надзора за лицами, отбывшими наказание за совершение истязания с отягчающими обстоятельствами, путем разработки комплекса организационно-правовых мер, цифровизации процессов контроля за поднадзорными лицами и организации межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами. Данные изменения следует внести в ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ 9 (ред. от 06.04.2024) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», предусмотрев, что административный надзор устанавливается в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы за совершение тяжкого преступления (ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Целесообразным является закрепление в ст. 63 УК РФ признака, отягчающего вину обвиняемого, дополнив отдельным пунктом и изложив его в следующей редакции: «применение насилия в отношении близких лиц при совершении преступления» [8].

Наиболее распространенной уголовно-правовой и криминологической проблемой в настоящее время является истязание несовершеннолетних. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 г. показывает, что количество дел, связанных с истязанием, превысило 3 тыс., при этом значительная часть из них касается семейно-бытового насилия. Тем не менее одной из наиболее острых проблем является неточная квалификация деяний обвиняемого, что приводит к переквалификации дел на менее тяжкие составы преступлений, такие как побои. При этом потерпевшие часто сталкиваются с отказом в возбуждении уголовного дела. Указанные факторы, безусловно, влияют на виктимизацию преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием [9, с. 139]. Причины недостатков в правоприменении норм об истязании многообразны и требуют комплексного анализа. Одной из основных проблем является отсутствие четких критериев для разграничения истязания от смежных составов преступлений, таких как побои и причинение легкого вреда здоровью. Это создает сложности в квалификации преступлений и нередко приводит к ошибкам в квалификации преступлений. В Тверской области, согласно данным, с 2022 по 2023 г. было направлено в суды 52 уголовных дела по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ст. 156 УК РФ, из которых 48 связаны с преступлениями, совершенными родителями [2]. Внутрисемейное насилие является одной из самых распространенных проблем в настоящее время, квалифицирующий признак истязания «в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника» введен в ч. 2 ст. 117 УК РФ с целью защиты прав на охрану здоровья несовершеннолетних, лиц, находящихся в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а также лиц, в отношении которых совершается преступление, однако данный квалифицирующий признак не в полной мере обеспечивает защиту несовершеннолетних от семейно-бытового насилия. В связи с ростом числа случаев насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних их законными представителями, целесообразным является конструирование квалифицирующего признака, ч. 2 ст. 117 УК РФ следует дополнить п. «к» и изложить его в следующей редакции: «истязание, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего родителем, усыновителем и иными законными представителями, отвечающими за воспитание не-

совершеннолетнего и его нравственное и психологическое развитие». Более того, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» указано, что «жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания, в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей». Исходя из данных разъяснений следует отметить, что снижение оценки общественной опасности деяния преступника путем исключения квалификации по ст. 117 УК РФ недопустимо. Полагаем, что в случае, когда жестокое обращение с несовершеннолетними или малолетними детьми сопровождается систематическим нанесением побоев, деяния необходимо квалифицировать по совокупности двух статей: 156 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ [10].

Следует отметить, что государственная политика направлена на защиту семьи, в том числе обеспечение нормального нравственного и психологического развития детей. Так, в Государственную Думу 29 ноября 2019 г. был вынесен на обсуждение проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [11]. Согласно исследованиям Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского жестокое обращение в семье терпят в основном дети 6–7 лет; 60–70 % таких детей, постоянно избиваемых своими родителями, отчимами (мачехами), сожителями матери (отца), отстают в развитии, страдают различными физическими и психоэмоциональными расстройствами, что, безусловно, отражается на физическом и психическом состоянии несовершеннолетнего [12]. Г. Й. Шнайдера отмечает, что: «64 % людей, которые в детстве и юности были жертвами преступлений, будучи взрослыми, становятся преступниками, а из тех, кто не был в детстве и юности жертвой, – только 22 %» [13, с. 358]. С данной точкой зрения можно согласиться, поскольку в большинстве случаев жертвы физического, психологического и сексуального насилия в будущем повторяют действия виновного, что негативно отражается на состоянии общества и государства. Как отмечает И. Р. Шикула, «отношение к детям – это показатель, по которому можно судить о зрелости общества и об уровне его развития в целом. По вине взрослых дети чаще всего становятся жертвами физического, сексуального и психоэмоционального насилия» [14, с. 50]. Мы разделяем данное утверждение, поскольку институт семьи оказывает непосредственное влияние на формирование личности ребенка, и в большинстве случаев проблемы подростковой преступности чаще всего связаны именно с семейным неблагополучием, неправильным воспитанием в семье, а также насилием в отношении детей.

В настоящее время не выработано достаточного количества превентивных мер, связанных с профилактикой семейно-бытового насилия, однако данные проблемы невозможно решить без применения комплексного подхода, который заключается не только в изменении законодательства, регламентирующего ответственность лиц, совершающих насилие в отношении членов своей семьи, но и в оказании психологической помощи потерпевшим от семейно-бытового насилия, а также реабилитации жертв насилия [15, с. 109].

Таким образом, в ходе проведенного исследования: 1) изучены проблемы, связанные с виктимологической профилактикой семейно-бытового насилия; 2) проведен криминологический анализ причин, структуры и динамики семейно-бытового насилия в современном обществе; 3) выработаны предложения по разрешению криминологических проблем, связанных с семейно-бытовым насилием.

На законодательном уровне для эффективного решения задач исследования целесообразно:

1. а) совершенствование механизмов раннего выявления лиц группы риска через системы мониторинга семейного неблагополучия; б) внедрение адресных программ пси-

хологической коррекции для лиц, склонных к совершению семейно-бытового насилия; в) обеспечение межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и социальных служб путем создания единой базы данных жертв семейно-бытового насилия, а также лиц, ранее привлекавшихся к административной ответственности за совершение побоев и к уголовной ответственности за совершение побоев, истязаний и других преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием.

2. В связи с ростом числа случаев насилия, совершаемого в отношении несовершеннолетних их законными представителями, целесообразным является конструирование квалифицирующего признака, ч. 2 ст. 117 УК РФ следует дополнить п. «к» и изложить его в следующей редакции: «истязание, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего родителем, усыновителем и иными законными представителями, отвечающими за воспитание несовершеннолетнего и его нравственное и психологическое развитие» с целью защиты прав на охрану здоровья несовершеннолетних, лиц, находящихся в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного.

3. Целесообразно принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при квалификации побоев и истязаний» для единообразного применения судами норм уголовного законодательства при привлечении к уголовной ответственности лиц за истязания, а также разъяснений по поводу разграничения побоев и истязаний, определения понятия «систематическое нанесение побоев».

4. С точки зрения профилактической защиты лиц от семейно-бытового насилия и предотвращения рецидивов при совершении истязаний с отягчающими обстоятельствами целесообразно установление административного надзора за лицами, отбывшими наказание за совершение истязания с отягчающими обстоятельствами, путем разработки комплекса организационно-правовых мер, цифровизации процессов контроля за поднадзорными лицами и организации межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами. Данные изменения следует внести в ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», установить, что административный надзор устанавливается в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы и отбывания наказания за совершение тяжкого преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 117 УК РФ.

5. Необходимо закрепить в ст. 63 УК РФ признак, отягчающий вину обвиняемого. Статья 63 УК РФ предлагается дополнить отдельным пунктом и изложить его в следующей редакции: «применение насилия в отношении близких лиц при совершении преступления». Под близкими лицами следует понимать близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекунов, попечителей, а также лиц, состоящих в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лиц, ведущих с ним общее хозяйство.

6. Требуется принятие Федерального закона «О противодействии семейно-бытовому насилию», в котором были бы урегулированы основные моменты противодействия семейно-бытовому насилию, создание государственного фонда в целях оказания социальной помощи в реабилитации пострадавших от семейного насилия, развитие правоохранительной деятельности и системы виктимологической защиты жертв домашнего насилия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности // МВД России : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 05.05.2026).
2. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=80> (дата обращения: 05.05.2026).

3. Шикула И. Р., Каменева З. В., Краснова К. А. К вопросу эффективности защиты женщин от домашнего насилия: проблемы уголовно-правового регулирования // *Образование и право*. 2023. № 5. С. 372–377.
4. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. СПб., 2002. 291 с.
5. Матушкин П. А. Профилактика побоев и истязаний в системе предупреждения домашнего (семейно-бытового) насилия в России: обзор региональных тенденций правового регулирования // *Полицейская и следственная деятельность*. 2020. № 4. С. 40–52. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32620 (дата обращения: 05.05.2026).
6. «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой»: постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Романов А. А. Научный комментарий к проекту федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // *Право: ретроспектива и перспектива*. 2020. № 2 (2). С. 44–50.
8. Беспалов Ю. Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // *Нотариус*. 2019. № 1. С. 21–25.
9. Пузанкова И. Е., Дическул О. М. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться // *Вестник Прикамского социального института*. 2020. № 1 (85). С. 134–139.
10. Решняк М. Г. Семейно-бытовое насилие как фактор нарушения прав человека // *Российский следователь*. 2023. № 11. С. 39–42.
11. Асланян А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты бытового насилия в Российской Федерации // *Научные высказывания*. 2026. № 8 (89). С. 67–70.
12. Алиев В. М., Гладких В. И., Степанов-Вениянц В. Г. Преступления против личности. Научно-практический комментарий. М., 2019. 245 с.
13. Шнайдер Г. Й. Криминология : моногр. / пер. с нем. М., 1994. 501 с.
14. Шикула И. Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере // *Российский следователь*. 2020. № 3. С. 48–51.
15. Харламов В. С. Уголовно-правовая интерпретация виктимной стороны внутрисемейного насилия // *Журнал российского права*. 2016. № 4. С. 108–118.

REFERENCES

1. *The state of crime. MVD Rossii: ofits. sait* [The Ministry of Internal Affairs of Russia: official website]. Available at: <https://mvd.rf/reports/> (accessed May 5, 2026).
2. *Ofitsial'nyisait Sudebnogo Departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://cdep.ru/?id=80> (accessed May 5, 2026).
3. Shikula I.R., Kameneva Z.V., Krasnova KA. On the effectiveness of protecting women from domestic violence: problems of criminal law. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2023, no. 5, pp. 372–377. (In Russ.).
4. Pudovochkin Yu. E. *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnikh* [Responsibility for crimes against minors]. Saint Petersburg, 2002. 291 p.
5. Matushkin P.A. Prevention of beatings and torture in the system of prevention of domestic (family and domestic) violence in Russia: review of regional trends in legal regulation. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and investigative activities*, 2020, no. 4, pp. 40–52. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32620 (In Russ.). (Accessed May 5, 2026).
6. In the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 8, 2021 No. 11-P. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
7. Romanov A.A. Scientific commentary on the draft federal law "On the prevention of domestic violence in the Russian Federation". *Pravo: retrospektiva i perspektiva = Law: Retrospective and Perspective*, 2020, no. 2 (2), pp. 44–50. (In Russ.).
8. Bespalov Yu.F. Family violence in the Russian Federation as a vice of life and activity of the family and its members: socio-legal aspect. *Notarius = Notary*, 2019, no. 1, pp. 21–25. (In Russ.).

9. Puzankova I.E., Dicheskul O.M. Psychological violence in the family: what is it and how to deal with it. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, 2020, no. 1 (85), pp. 134–139. (In Russ.).
10. Reshnyak M.G. Domestic violence as a factor of human rights violations. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2023, no. 11, pp. 39–42. (In Russ.).
11. Aslanyan A.V. Criminal law and criminological aspects of domestic violence in the Russian Federation. *Nauchnye vyskazyvaniya = Scientific statements*, 2026, no. 8 (89), pp. 67–70. (In Russ.).
12. Aliev V.M., Gladkikh V.I., Stepanov-Veniyants V.G. *Prestupleniya protiv lichnosti. Nauchno-prakticheskii kommentarii* [Crimes against the person. Scientific and practical commentary]. Moscow, 2019. 245 p.
13. Schneider G.I. *Kriminologiya: monogr.* [Criminology: monograph]. Transl. from German. Moscow, 1994. 501 p.
14. Shikula I.R. Relevant issues of criminal law protection of rights and freedoms of an aggrieved in a helpless condition due to violence in the family and domestic environment. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 3, pp. 48–51. (In Russ.).
15. Kharlamov V.S. Criminal law interpretation of the victim side of domestic violence. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 4, pp. 108–118. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ИЛЬИЧ СИНЕВ – аспирант кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия, ivansinev2000@gmail.com

IVAN I. SINEV – postgraduate student at the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia, ivansinev2000@gmail.com

Статья поступила 08.06.2026

Научная статья
УДК 343.98 (476)
doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.021

Перспективные направления развития криминалистики в Беларуси в условиях цифровизации

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь,
lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>

МАКСИМ ПАВЛОВИЧ ШРУБ

Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного
комитета Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
m.shrub@sledcom.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

ИГОРЬ РОМАНОВИЧ ВЕРЕНЧИКОВ

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь,
lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0009-0006-1412-8605>

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа научной литературы, эмпирических данных, а также метода экспертных оценок освещены перспективные направления развития криминалистики в Беларуси на современном этапе развития цифрового общества. Через призму следственной деятельности как консолидирующего вида правоохранительной деятельности в досудебном уголовном производстве раскрыты прикладные аспекты информатизации служебной деятельности, криминалистической профилактики, компьютерной алгоритмизации, управленческой деятельности в органах предварительного следствия, компьютерной реконструкции, собирания криминалистически значимой информации, проведения осмотра места происшествия в условиях боевых действий. Сформулированы аргументированные выводы.

Ключевые слова: перспективные направления развития криминалистики; цифровизация; информационно-коммуникационные технологии; следственная деятельность; расследование преступлений.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шабанов В. Б., Шруб М. П., Веренчиков И. Р. Перспективные направления развития криминалистики в Беларуси в условиях цифровизации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 162–171. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.021.

Key Directions for the Development of Criminology in Belarus in the Era of Digitalization

VYACHESLAV B. SHABANOV

Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>

MAKSIM P. SHRUB

Institute for Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Belarusian State University, Minsk, Belarus

m.shrub@sledcom.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

IGOR' R. VERENCHIKOV

Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0009-0006-1412-8605>

Abstract. Based on the comprehensive analysis of scientific literature, empirical data, and the method of expert assessments, the article highlights promising directions for the development of criminology in Belarus at the current stage of digital society development. Viewing investigative activity as a unifying form of law enforcement work in pre-trial criminal proceedings, the article explores the practical dimensions of digital transformation in official operations. It addresses key areas including criminalistic prevention, algorithmic approaches based on computer technologies, management processes within preliminary investigation bodies, digital reconstruction techniques, the gathering of criminologically relevant data, and the examination of crime scenes under combat conditions. Reasoned conclusions are formulated.

Key words: promising areas for the development of criminology; digitalization; information and communication technologies; investigative activities; crime investigation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shabanov V.B., Shrub M.P., Verenchikov I.R. Key directions for the development of criminology in Belarus in the era of digitalization. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 162–171. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.021.

На современном этапе развития в Беларуси создана инфраструктурная основа для организации информационного обмена, сформирован базовый комплекс электронного правительства, в который вошли такие компоненты, как общегосударственная автоматизированная информационная система, государственная система оказания электронных услуг, система межведомственного электронного документооборота, государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи, единое расчетное информационное пространство, единое торговое информационное пространство,

государственная система правовой информации, единая республиканская сеть передачи данных и др.

Стратегической целью дальнейшего развития информатизации в Республике Беларусь стало совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства Республики Беларусь.

Стратегия цифрового развития страны закономерно экстраполируется и на правоохранительную сферу. Ключевую роль в досудебном производстве по уголовным делам в данной сфере играют органы предварительного следствия. В рамках реализации в стране государственной политики цифрового развития по согласованию с Главой государства в Следственном комитете Республики Беларусь (далее – Следственный комитет) с 12 апреля 2023 г. создано и функционирует главное управление цифрового развития предварительного следствия. Отделы цифрового развития предварительного следствия сегодня функционируют в каждом управлении Следственного комитета по областям и г. Минску.

Одной из задач подразделений цифрового развития предварительного следствия Следственного комитета является информатизация служебной деятельности, обеспечение реализации единой технической и технологической политики цифрового развития в ведомстве, организация и координация деятельности по разработке программного обеспечения и информационных систем.

Внедрение и использование в практической деятельности в Следственном комитете информационно-коммуникационных технологий, специальных программных продуктов, информационно-аналитических систем позволят оптимизировать и повысить эффективность выполнения возложенных на ведомство задач, начать поэтапный переход к ведению досудебного производства в электронном формате [1].

Необходимость цифрового развития предварительного следствия продиктована современной криминогенной обстановкой. По мнению руководителя ведомства К. Ф. Бычека, «в данном направлении проделана значительная работа. Пресечена деятельность ряда транснациональных организованных преступных групп, ведется активная нормотворческая и профилактическая деятельность, создаются и модернизируются собственные программные продукты. Однако приходится констатировать, что напряжение в данной сфере не спадает». По оценке главы ведомства, в общей структуре киберпреступления составляют фактически треть, а их раскрываемость хоть и возросла, но по-прежнему остается недостаточной. Всего в 2025 г. зарегистрировано более 20,6 тыс. киберпреступлений [2].

С учетом сказанного первоочередное значение имеет криминалистическая профилактика преступлений на современном этапе. Ее актуальность в Республике Беларусь обусловлена следующими факторами:

- повышением значимости формирования информационного общества;
- увеличением количества пользователей Интернета, а также абонентов сотовой связи, что создает условия для распространения преступлений в сфере высоких технологии (киберпреступности);
- необходимостью совершенствования действующего законодательства по предупреждению и пресечению киберпреступности и координацией деятельности различных государственных органов и организаций по обеспечению информационной безопасности;
- совершенствованием методики раскрытия и расследования киберпреступлений, а также отсутствием необходимых сил и средств для успешной борьбы с киберпреступностью в целом;
- необходимостью повышения цифровой грамотности населения, особенно пожилых людей [3].

Деятельность правоохранительных органов в рассматриваемой сфере не ограничивается исключительно профилактической деятельностью. Можно определить ряд направлений такой деятельности, исходя из уровня решаемых задач.

В свете глобальной цифровизации общественных отношений все большее значение для следственной деятельности приобретают средства поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и предоставления информации, основанные на компьютерных алгоритмах. Наряду со специализированными программными средствами и информационными ресурсами (ЕГБДП, ИС «Розыскные учеты», Единая автоматизированная информационная система Следственного комитета (далее – ЕАИС СК), АИС «След», АИС «Аналитика» и др.), арсенал следственных инструментов также составляют прикладные компьютерные программы универсального характера, предназначенные для фиксации, редактирования, сохранения и визуализации текстовой, аудиальной и графической информации. Использование данных средств касается не только деятельности следователя, но и процессуально-управленческих и контрольных функций руководителей следственных подразделений: их применение позволяет существенным образом оптимизировать выполнение однотипных задач процессуального руководства и контроля, сэкономить временные, личностные и материальные ресурсы.

Ввиду необходимости непрерывного развития и модернизации ЕАИС СК, научного сопровождения ее разработки и внедрения, обучения следователей работе с ней Следственным комитетом Республики Беларусь на постоянной основе осуществляется деятельность по развитию и модернизации ЕАИС СК по следующим направлениям:

Интеграция с БД «След», что оптимизирует и автоматизирует внесение криминалистически значимой информации в ходе расследования преступлений.

Реализация планирования служебной деятельности в ЕАИС СК:

- автоматическое помещение следственных и иных процессуальных действий, организационных задач из планов расследования отдельных уголовных дел, материалов проверок, выступлений в трудовых коллективах, поручений, указаний начальника следственного подразделения (процессуального контроля), графика дежурств в календарное планирование;

- обеспечение возможности произвольного добавления календарей (категорий), а также функции «Задачи», что позволит планировать и категоризировать иные актуальные задачи как следователей, так и сотрудников, обеспечивающих работу следственных подразделений;

- добавление функций при планировании задач: приглашение участников для выполнения задачи; вложение файлов к задаче; добавление места события; приоритет; напоминание;

- добавление функции «Заметки» в центральной панели интерфейса ЕАИС СК для оперативного размещения необходимой информации, в том числе с целью ее последующей категоризации.

Разработка отдельных элементов поддержки принятия решений:

- реализация возможности предлагать и выбирать типичные алгоритмы следственных и процессуальных действий, исходя из вида и категорий возбуждаемого уголовного дела, наличия методических рекомендаций, алгоритмов; при отсутствии последних – предлагать универсальный (общий);

- внедрение функции «конструктор», где перечислены все следственные и иные процессуальные действия, где с помощью отметки в чекбоксах можно выделить необходимые;

- реализация логически ожидаемых действий в виде подсказок на основе введенных первичных данных. Например, по изъятому следу руки ожидаемым следственным действием будет назначение судебной дактилоскопической экспертизы.

Внедрение ЕАИС СК в деятельность органов дознания (в первую очередь МВД Республики Беларусь), прокуратуры и суда. Данное направление может быть реализовано посредством добавления соответствующих автоматизированных рабочих мест для указанных органов и предоставления доступа к ЕАИС СК [4].

Наряду со специализированными в управленческой деятельности и деятельности по контролю принимаемых следователями процессуальных решений в современной криминалистике применяются и традиционные программные продукты и технологии. К прикладным программным средствам осуществления процессуального руководства и контроля возможно отнести текстовые процессоры, табличные процессоры, графические редакторы, медиаплееры и т. п. Указанные программы часто объединяются в крупные системы, так называемые офисные пакеты. В настоящее время в СК используется офисный пакет Microsoft Office.

Наибольшее применение при осуществлении процессуального руководства и контроля имеют такие приложения Microsoft Office, как текстовый процессор Microsoft Word и табличный процессор Microsoft Excel.

Наряду с офисными приложениями при осуществлении процессуального руководства и контроля могут применяться иные прикладные программные средства.

Для планирования работы, в частности, могут использоваться различные онлайн-сервисы (Яндекс-календарь, Google Календарь и др.), специальные программы-планировщики (LeaderTask, Strive, Todoist, Lightning и др.). Последние позволяют составлять списки дел на определенный период, фиксировать поручения и контролировать их исполнение, управлять планами и организовывать работу с подчиненными следователями.

В ходе планирования и аналитики целесообразно применять также программы (сервисы) по созданию блок-схем и инфографики: Creately, Draw.io, Easel.ly, Infogr.am, Vizualize.me и др. С помощью указанных программ можно создавать планы следственных действий и иных мероприятий, показывать структуру процесса расследования, визуализировать его стадии и т. п.

Для проверки полученных в ходе расследования сведений о координатах места происшествия, тайников, закладок запрещенных к обороту веществ и т. п. могут использоваться картографические сервисы (например, «Яндекс.Карты», «Карты Google», «Карты@ Mail.Ru», «Рамблер-Карты») [5].

Наряду с изложенным для решения стратегических задач расследования сегодня в арсенале руководителя следственного подразделения имеются и иные возможности.

В связи с этим в профессиональную деятельность лица, принимающего решения, стали внедряться так называемые экспертные системы (далее – ЭС) и системы поддержки принятия решений (Decision Support Systems – DSS; далее – СППР).

Принципиальным отличием ЭС и СППР от иных информационных систем, работающих по строго заданным алгоритмам, является то, что первые позволяют решать неформализованные задачи (такой задачей может быть, например, улучшение психологического климата в коллективе). Вместе с тем СППР чаще всего опираются на математические алгоритмы и модели, а ЭС базируются на знаниях, опыте, оценках и методах экспертов в той или иной области. Анализ научной литературы позволяет выделить следующие признаки указанных систем:

- интерактивность, то есть связь с компьютерными алгоритмами;
- предназначенность для помощи в принятии многокритериальных решений по неформализованным (слабоструктурированным и неструктурированным) проблемам в сложной информационной среде;
- адаптивность и гибкость структурных элементов системы;
- формулирование решений на основе внутренних и (или) внешних баз данных и моделей.

Всякая СППР разрабатывается под конкретные решаемые управленческие задачи и должна учитывать специфику процесса принятия решений в организации [6].

Решение прикладных следственных задач с применением современных технологий осуществляется по ряду направлений. Так, сегодня в следственной деятельности широко используется поиск по открытым источникам получения данных в сети Интернет. Среди применяемых инструментов значимое место занимают боты мессенджера Telegram («Глаз Бога», UniversalSearchBot, Insight, Dataleaks и др.), специализированные ресурсы глобальной сети (<https://namechk.com>, <https://www.emailsherlock.com>), функционал которых основан на обращении к базам и банкам данных релевантным запросу (далее – OSINT-инструменты, инструменты). Например, поиск по никнейму, абонентскому номеру, адресу электронной почты, идентификатору учетной записи в социальной сети. Получаемая таким образом информация может содержать уникальные сведения, а в сочетании с поиском по государственным информационным ресурсам ограниченного доступа дает высокую вероятность установления криминалистически значимой информации [7].

В ходе расследования преступлений как событий прошлого нередко возникает объективная необходимость реконструкции событий и процессов. Одной из технологий, облегчающих этот процесс, является компьютерная реконструкция событий преступления с помощью создания трехмерной компьютерной модели, которая может:

- визуализировать механизм совершения преступления в виде наглядной, целостной, системной, объективной модели для целей познания преступления присяжными заседателями;
- воссоздать картину преступного события;
- может быть использована для обучения сотрудников правоохранительных органов и следователей.

Компьютерная реконструкция события преступления поможет расследованию преступления и обеспечит возможность наглядного представления вещественных доказательств в суде.

Компьютерная реконструкция позволяет следователям и экспертам воссоздать преступление виртуально, используя доступные им данные, фотографии, видеозаписи и свидетельские показания. Специалисты создают детальную трехмерную модель места преступления, включая объекты, людей и другие важные детали. Затем они анимируют эту модель, чтобы воссоздать последовательность событий, которая произошла во время преступления.

Подобного рода визуализация помогает в том числе в расследовании преступлений прошлых лет или совершенных в условиях неочевидности. Кроме того, компьютерная реконструкция события преступления может быть использована для обучения сотрудников правоохранительных органов, в частности следователей [8].

Наряду с решением задач по организации и планированию расследования, на повышение которых направлена компьютерная реконструкция, важное значение традиционно имеют криминалистические средства и способы собирания криминалистически значимой информации. Применительно к современному этапу следует отметить, что наиболее эффективным способом собирания компьютерной информации сегодня следует признать использование специализированных программно-аппаратных комплексов (далее – ПАК), таких как «Мобильный криминалист Эксперт», UFED и пр.

Одним из важнейших инструментов ПАК является функция копирования компьютерной информации посредством Интернета из облачных хранилищ мобильных устройств (Google, iCloud, Xiaomi, Huawei), социальных сетей и мессенджеров (VK, Facebook, WhatsApp, Viber, Telegram), почтовых сервисов (gmail.com, mail.ru), онлайн-дисков (Google, Яндекс), где могут храниться в том числе резервные копии устройств, служб такси и каршеринга (Yandex Go и др.), хранилищ фотографий (Yandex-фото) и других приложений.

В указанных источниках может находиться и быть обнаружен массив полезной информации, принадлежащий любому участнику уголовного процесса. Так, например, в ходе копирования сведений из устройств с помощью ПАК могут быть получены логины, пароли и токены к учетным записям (аккаунтам) различных сервисов, которыми пользуется, например, злоумышленник.

С помощью указанных учетных данных в последующем возможно осуществить копирование информации не только из всех Google-сервисов пользователя (например, данные журнала доступа: журналы активности в аккаунте; диск; игровые сервисы: Google Play; история местоположений (хронология); Chrome; Google-фото и проч.), но и связанных с Google-аккаунтом иных сервисов, то есть получить дополнительную криминалистически значимую информацию, которая в других источниках (например, в устройстве) не может быть обнаружена [9].

Традиционная криминалистика в современных условиях не может не реагировать на возникающие вызовы и угрозы. В условиях нарастающей геополитической нестабильности и роста угрозы применения военной силы особое значение в деятельности следователя приобретает осмотр места происшествия в условиях боевых действий как одно из ключевых и наиболее информативных следственных действий.

Важным условием результативного осмотра места происшествия в условиях боевых действий является оперативность реагирования. Необходимость быстрого реагирования вызвана возможным изменением обстановки места происшествия, вплоть до полного уничтожения материальных следов. При этом следственно-оперативную группу (далее – СОГ) целесообразно формировать из числа наиболее опытных представителей правоохранительных органов и военизированных формирований, обеспечивающих безопасность в районе предполагаемого осмотра, а также включать взрывотехника. Кроме этого, в условиях интенсивных артиллерийских обстрелов либо сразу после их окончания не представляется возможным осуществить мероприятия по изъятию и транспортировке отдельных видов материальных следов ввиду того, что они могут представлять опасность для членов СОГ.

В указанной ситуации также необходимо учитывать и особенности местности, транспортных коммуникаций, пути подъезда к месту происшествия, а также время суток (проведение осмотров в темное время суток запрещается) и возможность участников осмотра быстро и безопасно покинуть место осмотра либо возможность найти заранее выбранное укрытие, так как от этого будут зависеть эффективность и безопасность проведения осмотра. После завершения осмотра в безопасном месте дислокации составляется протокол следственного действия, изготавливаются приложения к нему, назначается комплекс судебных экспертиз.

Обязательным условием качественного и быстрого проведения указанного вида осмотра является правильный выбор, подготовка и проверка всех необходимых технико-криминалистических и иных специальных средств.

К примеру, для фиксации хода и результатов ОМП, сопряженного с необходимостью обследования больших участков местности (разрушение городской черты, мест обстрела («прилета») и т. д.), необходимо заранее подготовить беспилотный летательный аппарат (далее – БПЛА) для осуществления фото-, видеофиксации, проведения ортофотографирования, составления плана-схемы с использованием технологии LIDAR или тепловизионных комплексов для определения тепловых сигнатур.

Для этого рекомендуется использовать комплексы 3D-фотографирования, которые позволяют создавать детализированные трехмерные модели места происшествия, видеокамеры с увеличенным углом обзора для захвата максимального количества информации, а также другие инновационные решения.

В ходе применения указанных беспилотных и роботизированных систем эффективно решаются задачи:

- по поиску самого места осмотра (когда с земли его может быть не видно или видно частично, а прямой подход к нему затруднен);
- осмотру больших площадных объектов;
- при опасности подрыва на неразорвавшихся боеприпасах и средствах минирования, обрушении зданий и сооружений, распространяющихся пожаров, а также при невозможности проведения инженерной разведки.

Решение указанных задач позволяет получить достаточно первичной информации для формирования предварительной картины произошедшего происшествия, подготовиться и провести осмотр места происшествия, максимально информативно составить протокол осмотра [10].

Суммируя изложенное выше, нужно отметить, что возрастающий в геометрической прогрессии объем криминалистически значимой информации все с большим трудом поддается обработке традиционными средствами, в основе которых лежит человеческий интеллект. В этой связи в контексте рассмотрения основных направлений развития криминалистики в современных условиях в завершение нельзя не остановиться на всепроникающем искусственном интеллекте (далее – ИИ). Тезисно обозначим технологии ИИ и систем, в которые они интегрированы, сквозь призму их применения в уголовном процессе для работы с криминалистически значимой информацией:

- высокий потенциал в обработке больших объемов информации (Big Data);
- высокая вычислительная скорость в совокупности с быстродействием современных компьютеров;
- возможность работы с цифровыми следами и информацией в цифровом формате;
- способность выявления как явных, так и неочевидных закономерностей в данных, представляющих различные явления окружающего мира, сокрытых от невооруженного взгляда человека.

Технологии искусственного интеллекта, несомненно, нужно внедрять и использовать в уголовном судопроизводстве, но этому должна предшествовать глубокая научно-исследовательская работа и апробация, а их применение сопровождаться контролем и ответственностью конкретного пользователя, являющегося уполномоченным участником этого вида судопроизводства [11].

Подводя итог изложенному выше, можно констатировать, что на современном этапе развития общества криминалистика традиционно использует инновационные достижения – средства, приемы и методы работы с криминалистически значимой информацией для решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. При этом указанные средства, приемы и методы применяются криминалистикой избирательно, с учетом стоящих перед ней задач и выполняемых функций. Представляется, что глобальная цифровизация белорусского общества, закономерно вовлекающая в свое развитие и криминалистическую науку и практику, будет способствовать решению важнейших задач правоохранительных, в первую очередь следственных, органов страны на новом качественном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мотолько А. Ф. Цифровизация подразделений Следственного комитета Республики Беларусь в условиях развития информационного общества // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 250–253.
2. Исторический минимум преступности: итоги работы Следственного комитета за 2025 год. URL: <https://iic.gov.by/blog/2026/02/12/istoricheskij-minimum-prestupnosti-itogi-raboty-sledstvennogo-komiteta-za-2025-god/> (дата обращения: 15.03.2026).

3. Климьято П. В. Организационно-правовые и организационно-технические меры профилактики киберпреступности // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 237–240.
4. Седых П. В. Единая автоматизированная информационная система Следственного комитета Республики Беларусь: направления развития и модернизации // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 280–284.
5. Елетнов В. И. Использование прикладных программных средств при осуществлении процессуального руководства и контроля // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2025. № 5. С. 343–350.
6. Елетнов В. И. Принятие управленческих решений в условиях цифровизации. Системы поддержки принятия решений // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 226–230.
7. Седых П. В. Osint-инструменты: проблемные аспекты использования // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2024. № 4. С. 373–378.
8. Лебедева А. А. Компьютерная реконструкция события преступления: использование в расследовании // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2024. № 4. С. 313–317.
9. Неверов А. В., Климьято П. В. О некоторых вопросах использования цифровых следов при собирании доказательств // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2024. № 4. С. 356–359.
10. Евсиевич А. К., Черданцев А. Ю. Организационно-тактические особенности осмотра места происшествия в условиях боевых действий // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2025. № 5. С. 247–254.
11. Бессонов А. А. Риски и преимущества использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 216–220.

REFERENCES

1. Motol'ko A.F. Digitalization of the departments of the Investigative Committee of the Republic of Belarus in the context of the development of the information society. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative Activity: Science, Education, Practice*, 2023, no. 3, pp. 250–253. (In Russ.).
2. *Istoricheskii minimum prestupnosti: itogi raboty Sledstvennogo komiteta za 2025 god* [Historical minimum of crime: results of the work of the Investigative Committee for 2025]. Available at: <https://iic.gov.by/blog/2026/02/12/istoricheskij-minimum-prestupnosti-itogi-raboty-sledstvennogo-komiteta-za-2025-god/> (accessed March 15, 2026).
3. Klimyato P.V. Organizational, legal and organizational-technical measures for the prevention of cybercrime. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative Activity: Science, Education, Practice*, 2023, no. 3, pp. 237–240. (In Russ.).
4. Sedykh P.V. Unified Automated Information System of the Investigative Committee of the Republic of Belarus: directions for development and modernization. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative Activity: Science, Education, Practice*, 2023, no. 3, pp. 280–284. (In Russ.).
5. Eletnov V.I. The use of application software tools in carrying out procedural management and control. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti = Main Directions for Improving the National Security System*, 2025, no. 5, pp. 343–350. (In Russ.).
6. Eletnov V.I. Management decision-making in the context of digitalization. decision support systems. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative Activity: Science, Education, Practice*, 2023, no. 3, pp. 226–230. (In Russ.).
7. Sedykh P.V. OSINT tools: problematic aspects of use. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti = Main Directions for Improving the National Security System*, 2024, no. 4, pp. 373–378. (In Russ.).
8. Lebedeva A.A. Computer reconstruction of a crime event: use in investigation. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative Activity: Science, Education, Practice*, 2024, no. 4, pp. 313–317. (In Russ.).

9. Neverov A.V., Klimyato P.V. On some issues related to the use of digital traces in collecting evidence. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti = Main Directions for Improving the National Security System*, 2024, no. 4, pp. 356–359. (In Russ.).
10. Evsievich A.K., Cherdantsev A.Yu. Organizational and tactical features of examining a crime scene in combat conditions. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti = Main Directions for Improving the National Security System*, 2025, no. 5, pp. 247–254. (In Russ.).
11. Bessonov A.A. Risks and benefits of using artificial intelligence in criminal proceedings. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative Activity: Science, Education, Practice*, 2023, no. 3, pp. 216–220. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>

МАКСИМ ПАВЛОВИЧ ШРУБ – кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, Минск, Беларусь, докторант юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь, m.shrub@sledcom.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

ИГОРЬ РОМАНОВИЧ ВЕРЕНЧИКОВ – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0009-0006-1412-8605>

VYACHESLAV B. SHABANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Criminalistics Department of the Law Faculty of the Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>

MAKSIM P. SHRUB – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Institute for Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus; Candidate for a Doctor's Degree at the Law Faculty of the Belarusian State University, Minsk, Belarus, m.shrub@sledcom.by, <https://orcid.org/0000-0002-4614-2210>

IGOR' R. VERENCHIKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by, <https://orcid.org/0009-0006-1412-8605>

Статья поступила 29.07.2026

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.022

Уголовно-правовая охрана биологической безопасности в условиях угрозы биотерроризма

АЛЬБИНА АРЧИЛОВНА ШАТАЛОВА

Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь, Россия,
ms.bonami@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности уголовно-правовой характеристики патогенных биологических агентов как средства совершения террористического акта, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ. Анализируются особенности биологических факторов как объектов двойного назначения, способных использоваться как в рамках правомерной научной деятельности, так и в качестве орудия совершения преступления. Рассматриваются вопросы разграничения биотерроризма с диверсией, предусмотренной ст. 281 УК РФ, а также с преступлениями, связанными с нарушением правил обращения с патогенными биологическими агентами. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых подходов к оценке использования патогенных биологических агентов с учетом развития современных биотехнологий и трансформации биологических угроз.

Ключевые слова: биотерроризм; террористический акт; диверсия; патогенные биологические агенты; биологическое оружие; биологическая безопасность; оружие массового поражения; уголовная ответственность; биологические угрозы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шаталова А. А. Уголовно-правовая охрана биологической безопасности в условиях угрозы биотерроризма // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2026. № 3 (35). С. 172–180. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.022.

Original article

Criminal Law Protection of Biological Safety amid the Threat of Bioterrorism

AL'BINA A.SHATALOVA

North-Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia, ms.bonami@mail.ru

Abstract. The article considers features of the criminal law characteristics of pathogenic biological agents as a means of committing a terrorist act, as provided for in paragraph "a" of Part 3 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation. The specifics of biological factors as dual-use objects, capable of being used both within the framework of lawful scientific activity and as a tool for commit-

ting a crime, are analyzed. The issues of distinguishing bioterrorism from sabotage, as provided for in Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as from crimes related to violations of the rules for handling pathogenic biological agents, are discussed. Proposals are formulated to improve the criminal law approaches to assessing the use of pathogenic biological agents, taking into account the development of modern biotechnologies and the transformation of biological threats.

Key words: bioterrorism; terrorist act; sabotage; pathogenic biological agents; biological weapons; biological safety; weapons of mass destruction; criminal liability; biological threats.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shatalova A.A. Criminal law protection of biological safety amid the threat of bioterrorism. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 172–180. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.022.

Начало XXI в. стало периодом, когда угроза использования биологических факторов в террористических целях перестала восприниматься исключительно как гипотетический сценарий. Одним из наиболее показательных примеров стала серия рассылок в почтовой системе США осенью 2001 г., когда письма, содержащие споры возбудителя сибирской язвы, были направлены в адрес государственных учреждений и средств массовой информации. В результате этой атаки погибли пять человек, десятки лиц подверглись заражению либо были вынуждены пройти профилактическое лечение, а сама акция вызвала масштабные социальные последствия, значительно превысившие непосредственный физический вред, причиненный потерпевшим [1].

Данный инцидент наглядно продемонстрировал особенность биотерроризма как формы преступного насилия, где угроза применения биологических агентов состоит не только в их способности причинять вред жизни и здоровью людей, но и в возможности создавать атмосферу неопределенности, массового страха и дестабилизации общественных процессов.

Однако будет неверным говорить о том, что данная террористическая атака явилась беспрецедентной. История развития человечества содержит многочисленные свидетельства того, что биологические факторы на протяжении длительного времени рассматривались как потенциальное средство воздействия на противника в условиях вооруженных конфликтов. В отличие от традиционных видов оружия, патогенные биологические агенты (далее – ПБА) обладали особым свойством, таким как способность продолжать свое воздействие уже после непосредственного применения, распространяясь за пределы первоначальной зоны конфликта и поражая широкий круг лиц [2, с. 34].

Одним из наиболее часто упоминаемых исторических примеров использования биологического фактора является осада гнуэзской крепости Каффа (современная Феодосия) в XIV в. Согласно сведениям ряда исторических источников, во время противостояния 1346 г. осаждающие применяли тела умерших от чумы людей в качестве средства воздействия на защитников крепости. В дальнейшем через торговые и миграционные связи инфекция распространилась в европейские регионы, что стало одним из факторов масштабной эпидемии чумы, получившей название «Черная смерть» [3, с. 126].

Отдельные случаи использования зараженных останков или предметов в качестве средства поражения противника отмечались и в последующие исторические периоды. Так, в период вооруженных конфликтов в Европе предпринимались попытки распространения чумы среди войск противника посредством забрасывания зараженных материалов на тер-

ритории осажденных укреплений. Подобные действия, по мнению ученых, свидетельствуют о раннем понимании воюющими сторонами возможности использования инфекционных заболеваний как своеобразного «невидимого оружия», последствия которого могли выходить далеко за пределы поля боя [4, с. 46].

Особое место в истории применения биологических факторов занимает использование возбудителя натуральной оспы в период европейской колонизации Северной Америки. Известны случаи намеренной передачи зараженных предметов представителям коренных народов, которые не обладали достаточным иммунитетом к данному заболеванию [5, с. 27]. Подобные эпизоды, по мнению специалистов, способствовали распространению эпидемий среди индейского населения и стали одним из трагических примеров использования биологического фактора в целях уничтожения либо ослабления противника.

В дальнейшем внимание к проблеме биологических угроз существенно возросло в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, ставшей одним из наиболее значимых эпидемиологических событий XXI в. Представляется обоснованным мнение Л. А. Бураевой и З. И. Дадовой о том, что распространение вируса SARS-CoV-2 наглядно продемонстрировало способность локальной биологической угрозы в условиях высокой мобильности населения, развитости транспортных коммуникаций и глобальной взаимосвязанности социальных процессов достаточно быстро приобретать транснациональный масштаб [6, с. 135].

В продолжение мнения специалистов следует отметить, что пандемия выявила многоаспектный характер воздействия биологических факторов, последствия которых выходят далеко за пределы непосредственного причинения вреда здоровью человека. Массовое распространение инфекции способно оказывать влияние на устойчивость социальных институтов, экономические процессы и функционирование системы государственного управления. Ограничение международного сообщения, нарушение сложившихся хозяйственных связей, значительная нагрузка на системы здравоохранения и необходимость принятия оперативных управленческих решений продемонстрировали масштаб последствий, которые могут сопровождать реализацию биологических угроз.

Опыт пандемии COVID-19 и анализ случаев преднамеренного использования ПБА позволяют сделать вывод о том, что биологические угрозы обладают многомерным характером и не ограничиваются исключительно сферой охраны здоровья населения. Их последствия способны затрагивать широкий комплекс общественных отношений, связанных с обеспечением общественной безопасности, устойчивостью экономических процессов, функционированием объектов критической инфраструктуры и сохранением экологического равновесия.

Особую опасность представляют ситуации, при которых биологические агенты используются не как результат нарушения правил обращения с ними, а как инструмент достижения преступных целей. В подобных случаях патогенный микроорганизм выступает уже не только фактором биологического риска, но и средством воздействия на общество, институты государственной власти, местного самоуправления и международные организации.

Проблематика использования биологических факторов в целях причинения вреда получила дополнительное развитие в отчетах официальных представителей Минобороны России после начала специальной военной операции на Украине. Так, отмечалось, что Вооруженными силами РФ были вскрыты факты реализуемой военно-биологической программы, финансируемой США. Так, 19 июня 2026 г. начальником войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) Вооруженных сил России Алексеем Ртищевым в ходе брифинга Минобороны РФ по вопросам анализа опубликованных национальной разведкой США документов, касающихся деятельности биологических лабораторий на территории Украины, заявил, что украинские биологические лаборатории использовались для исследования возбудителей чумы, сибирской язвы, туляремии, лихорадки Марбург и Эбола [7].

Подобные факты указывают на то, что вопросы разработки и использования ПБА сохраняют высокую значимость в контексте международной безопасности. Потенциальная возможность превращения биологических исследований из инструмента развития медицины и науки в средство поражения человека и окружающей среды обуславливает необходимость строгого соблюдения международно-правовых ограничений, установленных Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее – КБТО).

Данный международный акт, одобренный Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1971 г., открытый для подписания 10 апреля 1972 г. и вступивший в силу 26 марта 1976 г., закрепил фундаментальный запрет на разработку, производство, накопление и иное приобретение биологического оружия [8]. Значение КБТО заключается не только в установлении формального запрета на создание наступательных биологических вооружений, но и в формировании международного режима предупреждения злоупотреблений в сфере биологических технологий двойного назначения.

Вместе с тем, по мнению П. Н. Кобеца, действующая система международно-правового регулирования в сфере предупреждения распространения биологического оружия сохраняет ряд проблемных аспектов. Ученый обращает внимание на то, что, в отличие от некоторых иных международных договорных режимов, КБТО не предусматривает создание самостоятельной специализированной организации с широкими надзорными полномочиями, которая осуществляла бы постоянный контроль за соблюдением государствами-участниками принятых обязательств [9, с. 26].

В поддержку мнения автора скажем, что отсутствие единого международного органа с полноценным механизмом верификации ограничивает возможности оперативного выявления нарушений и оценки характера биологических исследований, особенно в условиях стремительного развития технологий двойного назначения. Данная проблема приобретает особую значимость в связи с тем, что современные биотехнологии позволяют проводить исследования, результаты которых могут иметь как мирное, так и потенциально опасное применение.

В связи с этим в научной литературе и международной практике неоднократно высказывались предложения о дальнейшем совершенствовании институциональной основы КБТО, включая создание специализированного механизма контроля либо расширение полномочий существующих международных структур [10, с. 12]. Вместе с тем обеспечение биологической безопасности не может быть сведено исключительно к организационным и административным мерам международного контроля. Наряду с совершенствованием механизмов надзора за проведением исследований с использованием ПБА, развитием системы обмена информацией и повышением прозрачности научной деятельности существенное значение приобретает формирование эффективного правового инструментария предупреждения и пресечения их противоправного использования.

В данном контексте особая роль отводится охранительным нормам права, среди которых уголовно-правовые средства занимают особое место. Исходя из задач уголовного законодательства, данные нормы призваны выполнять охранительную функцию, обеспечивая защиту общественных отношений, имеющих повышенную социальную значимость, от противоправного использования ПБА в качестве средства причинения вреда человеку, обществу либо государству. Установление уголовной ответственности за такие деяния выполняет не только карательную, но и превентивную функцию, формируя правовой барьер между развитием биотехнологий в мирных целях и их превращением в инструмент преступного воздействия.

Вместе с тем использование биологических факторов в преступных целях не всегда свидетельствует о совершении террористического акта. Уголовно-правовая оценка таких деяний зависит прежде всего от содержания умысла виновного и направленно-

сти его действий. Если применение патогенных биологических агентов преследует цель воздействия на принятие решений органами власти, содеянное приобретает признаки террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ. В то же время использование биологических факторов для подрыва экономической безопасности, ослабления обороноспособности государства либо повреждения объектов, имеющих стратегическое значение, может свидетельствовать о наличии признаков диверсии, состав которой предусмотрен ст. 281 УК РФ.

Не погружаясь в рамках настоящего исследования в детальный анализ уголовно-правовой характеристики указанных составов, отметим, что применительно к рассматриваемой проблематике их объединяет не только использование биологических факторов как источника повышенной опасности, но и сходство в механизме преступного воздействия. В обоих случаях ПБА выступают в качестве орудия либо средства совершения преступления, посредством которого виновный стремится достичь общественно опасного результата.

Следует отметить, что общим элементом рассматриваемых преступлений выступает использование биологических факторов повышенной опасности, которые при определенных условиях могут приобретать качества биологического оружия.

Особенность биологических средств поражения заключается в их специфических свойствах: латентном характере воздействия, способности к самораспространению и возможности выхода последствий за пределы первоначального объекта воздействия.

В контексте рассматриваемой проблематики особого внимания заслуживает вопрос о возможностях противоправного использования биологических агентов, в том числе компонентов биологического оружия, обладающих значительным поражающим потенциалом. Опасность их применения заключается не только в способности причинять вред жизни и здоровью человека, но и в возможности воздействия на окружающую природную среду, отдельные ее элементы и связанные с ними общественные отношения.

Как было ранее показано, в исторической перспективе биологические факторы неоднократно рассматривались как средство воздействия в условиях вооруженных конфликтов и иных форм противоборства. Их применение может быть направлено не только на непосредственное поражение людей, но и на изменение состояния определенных территорий, заражение водных объектов, сельскохозяйственных угодий, лесных массивов и иных природных компонентов.

Несмотря на существующий международно-правовой запрет на разработку, производство, накопление и применение биологического оружия, вопросы определения его содержания, а также выработки критериев отнесения конкретных биологических объектов к данной категории по-прежнему остаются дискуссионными. Как справедливо отмечают З. М. Бешукова и А. М. Шадже, сложность решения данной проблемы обусловлена тем, что развитие современных биотехнологий существенно расширяет возможности использования биологических материалов, а граница между правомерными научными исследованиями и потенциально опасными разработками определяется не столько природными свойствами самого объекта, сколько целями, условиями и способом его применения [11, с. 102].

По мнению специалистов, особую проблему представляет разграничение биологических агентов, используемых в научных и медицинских целях, и тех же объектов, превращенных в средство поражения. Динамичность развития биологических технологий обуславливает постоянное изменение представлений о содержании категории «биологическое оружие». Если ранее оно преимущественно связывалось с традиционным пониманием средств массового поражения, основанных на применении специально культивируемых патогенных агентов, то сегодня данная проблема приобрела более сложный характер. Современные возможности генной инженерии, синтетической биологии и иных направлений биотехнологий создают новые формы биологических рисков, требующих совершенство-

вания как международных механизмов контроля, так и уголовно-правовых средств противодействия.

В связи с этим для целей уголовно-правового исследования важным является не столько формальное отнесение конкретного биологического объекта к категории оружия, сколько установление его роли в механизме совершения преступления. При квалификации деяний, связанных с использованием патогенных биологических агентов, определяющее значение должны иметь способ применения такого агента, цели виновного и характер создаваемой угрозы охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В нынешнем понимании биологическое оружие представляет собой не столько совокупность патогенных микроорганизмов, сколько комплекс биологических факторов, способных при определенных условиях использоваться в качестве средства поражения. К числу таких факторов могут относиться возбудители опасных инфекционных заболеваний, вирусы, бактерии, споры, риккетсии, биологические токсины, прионы и иные биологические агенты, применение которых способно вызвать массовое поражение людей либо оказать существенное воздействие на состояние здоровья населения [12, с. 89].

Опасность подобных объектов обусловлена их специфическими свойствами. В отличие от традиционных средств поражения, биологические агенты могут оказывать воздействие не только посредством непосредственного повреждения жизненно важных органов и систем организма, но и через нарушение работы иммунной системы, развитие инфекционных процессов и последующее распространение заболевания среди неопределенного круга лиц.

Особое значение имеет вопрос о способах доставки и распространения биологических агентов. Ранее для этих целей использовались различные технические средства, включая специальные распыляющие устройства, авиационные средства доставки, контейнеры и иные приспособления, обеспечивающие сохранение биологического материала и его попадание в окружающую среду. Современное развитие технологий, в том числе беспилотных летательных аппаратов, расширяет спектр возможных способов применения таких агентов, что повышает риск их использования в террористических, диверсионных и иных противоправных целях.

Сложность определения критериев, определяющих качественную сторону категории «биологическое оружие», во многом обусловлена тем, что в научной литературе они, как правило, рассматриваются через призму военного назначения. Как отмечает М. Ш. Гедиев, при формулировании данного понятия многие исследователи исходят из того, что биологическое оружие представляет собой средство поражения живой силы противника, используемое субъектами, обладающими соответствующими возможностями в условиях вооруженного противостояния [13, с. 82]. Такой подход отражает классическое представление о биологическом оружии как разновидности оружия массового поражения, предназначенного для достижения военно-стратегических целей.

Однако развитие современных биологических технологий и изменение характера угроз безопасности позволяют говорить о более широком контексте возможного применения патогенных биологических агентов. Их использование не ограничивается исключительно сферой военного конфликта и может выступать инструментом иной враждебной деятельности, направленной на причинение ущерба государству, обществу либо отдельным сферам его жизнедеятельности. В частности, преднамеренное распространение возбудителей инфекционных заболеваний среди населения, создание очагов заболеваний животных или поражение объектов растительного мира способны вызвать последствия, затрагивающие санитарно-эпидемиологическую, экологическую и экономическую безопасность.

При этом правовая оценка биологического объекта не может основываться исключительно на его природных свойствах либо потенциальной способности причинять вред. Принципиальное значение приобретает направленность использования его компонентов.

В этой связи представляется заслуживающей поддержки позиция П. Н. Кобеца о том, что именно враждебная цель, состоящая в стремлении причинить существенный вред охраняемым общественным отношениям посредством применения биологических факторов, позволяет отграничить запрещенные формы использования биологических материалов от правомерной научной и медицинской деятельности [9, с. 27]. Следовательно, ключевым критерием является не сам факт существования опасного биологического агента, а его предназначение в конкретной ситуации и роль в механизме достижения преступного результата.

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для уголовно-правовой оценки использования патогенных биологических агентов. Один и тот же биологический материал в зависимости от целей и условий применения может находиться в сфере правомерной научной деятельности либо приобретать качество средства совершения преступления. В последнем случае дальнейшая квалификация зависит от направленности умысла виновного: использование ПБА для создания атмосферы страха и воздействия на принятие решений органами власти может свидетельствовать о совершении террористического акта, тогда как их применение для подрыва экономической безопасности, обороноспособности или разрушения стратегически значимых объектов – о наличии признаков диверсии.

Проведенный анализ показывает, что биотерроризм не следует рассматривать исключительно как разновидность применения биологического оружия в условиях вооруженного конфликта. Современное понимание данной угрозы выходит за рамки традиционных представлений о военном использовании ПБА и охватывает случаи их использования в целях создания атмосферы страха, воздействия на принятие решений органами власти и дестабилизации общественных отношений.

При этом сам факт использования ПБА не предопределяет квалификацию содеянного исключительно по признакам ст. 205 УК РФ. Один и тот же биологический агент может иметь различное квалификационное значение в зависимости от целевого назначения его использования. Если его применение направлено на устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений органами государственной власти, содеянное образует признаки террористического акта, квалифицируемого по п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ. В то же время использование таких агентов для подрыва экономической безопасности, ослабления обороноспособности государства либо причинения вреда стратегически значимым объектам свидетельствует о наличии признаков диверсии, предусмотренной п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает разграничение указанных преступлений с деяниями, связанными с нарушением правил обращения с патогенными биологическими агентами. В отличие от случаев неосторожного либо ненадлежащего обращения с биологическими объектами, при биотерроризме и диверсии ПБА используются как средство достижения заранее определенной преступной цели. Поэтому определяющим критерием уголовно-правовой оценки должно выступать не только свойство самого биологического агента, но прежде всего его функциональное назначение в механизме преступного посягательства.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование доктринальных подходов к уголовно-правовой оценке использования ПБА, а также формирование категориального и понятийного аппарата, учитывающего как положения международных актов в сфере биологической безопасности, так и особенности современных биотехнологических угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грудинкин А. Сибирка с доставкой на дом. «Почтовый терроризм» в США – интриги спецслужб или заговор ученых? URL: <https://ps.1sept.ru> (дата обращения: 10.07.2026).

2. Исторические аспекты биотерроризма. Факторы, определяющие возможность использования патогенных биологических агентов в качестве биологического оружия / М. А. Юдин, А. С. Богачева, А. Л. Бузмакова и др. // Проблемы особо опасных инфекций. 2023. № 4. С. 32–41.
3. Абрамов Д. М. Западноевропейское средневековое наследие многонационального Крыма (Каффа) // Этнодиалоги. 2016. № 2 (51). С. 120–145.
4. Кутепов В. А., Пасечников Ю. В. К истории применения оружия массового поражения и новых средств вооруженной борьбы // ОмГТУ. 2014. № 6. С. 44–51.
5. Кошелева А. И., Мишин В. А., Павлушина В. П. Из истории эпидемий натуральной оспы и оспопрививания // Science Time. 2021. № 12 (96). С. 25–29.
6. Бураева Л. А., Дадова З. И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 134–136.
7. Исследования чумы и Эболы. Работа биолaborаторий Пентагона за пределами США. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 10.07.2026).
8. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1977. Вып. XXXI. Ст. 2295. 590 с.
9. Кобец П. Н. Особенности феномена биотерроризма в условиях XXI столетия и меры противодействия // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 25–33.
10. Голуб К. Ю. Проблемы и перспективы становления механизмов обеспечения биологической безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 1 (854). С. 9–15.
11. Бешукова З. М., Шадже А. М. История формирования международно-правовых норм о запрещении биологического оружия и борьбе с биологическим терроризмом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 100–104.
12. Биологические чрезвычайные ситуации : учеб. пособие / Л. Т. Миннахаметова, Р. Р. Миннахаметова, А. А. Мисбахов, А. А. Ситдикова. Казань, 2013. 123 с.
13. Гедиев М. Ш. Незаконный оборот оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 174 с.

REFERENCES

1. Grudinkin A. *Sibirka s dostavkoina dom. «Pochtovyi terrorizm» v SSHA – intrigi spetssluzhnb ili zagovor uchenykh?* [Sibirka with home delivery. “Postal terrorism” in the USA – intrigues of intelligence services or a conspiracy of scientists?]. Available at: <https://ps.sept.ru> (accessed July 10, 2026)
2. Historical aspects of bioterrorism. Factors determining the possibility of using pathogenic biological agents as biological weapons. In: Yudin M.A., Bogacheva A.S., Buzmakova A.L. et al. *Problemy osobo opasnykh infektsii* [Problems of especially dangerous infections]. 2023. No. 4. Pp. 32–41. (In Russ.).
3. Abramov D.M. West European medieval heritage of the multi-ethnic Crimea (caffa). *Ehtnodialogi = Etnodialogues*, 2016, no. 2 (51), pp. 120–145. (In Russ.).
4. Kutepov V.A., Pasechnikov Yu.V. On the history of the use of weapons of mass destruction and new means of armed struggle. *OmGTU = OmSTU*, 2014, no. 6, pp. 44–51. (In Russ.).
5. Kosheleva A.I., Mishin V.A., Pavlushina V.P. From the history of smallpox epidemics and vaccination. *Science Time*, 2021, no. 12 (96), pp. 25–29. (In Russ.).
6. Buraeva L.A., Dadova Z.I. Biological terrorism: concept, essence, manifestations. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, no. 2, pp. 134–136. (In Russ.).
7. *Issledovaniyachumyi Ehboly. Rabota biolaboratorii Pentagona za predelami SSHA* [Research on plague and Ebola. The work of Pentagon biolaboratories outside the United States]. Available at: <https://tass.ru> (accessed July 10, 2026).
8. Convention on the Prohibition of Biological and Toxin Weapons. In: *Sbornik deistvuyushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zaklyuchennykh s inostrannymi gosudarstvami* [Collection of current treaties, agreements, and conventions concluded with foreign states]. Moscow, 1977. Issue XXXI. Art. 2,295. 590 p. (In Russ.).

9. Kobets P.N. Features of the phenomenon of bioterrorism in the 21st century and countermeasures. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53), pp. 25–33. (In Russ.).
10. Golub K.Yu. Problems and perspectives of the biosecurity ensuring mechanisms within the Collective Security Treaty Organization. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2024, no. 1 (854), pp. 9–15. (In Russ.).
11. Beshukova Z.M., Shadzhe A.M. The history of the formation of international legal norms on the prohibition of biological weapons and the fight against biological terrorism. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie obshchestvennye nauki = The Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 5, pp. 100–104. (In Russ.).
12. Minnakhametova L.T., Minnakhametova R.R., Misbakhov A.A., Sitdikova A.A. *Biologicheskie chrezvychaynye situatsii: uchebnoe posobie* [Biological emergencies: textbook]. Kazan, 2013. 123 p.
13. Gediev M.Sh. *Nezakonnyi oborot oruzhiya massovogo porazheniya kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Illegal trafficking in weapons of mass destruction as a crime against peace and the security of humanity: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2012. 174 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЬБИНА АРЧИЛОВНА ШАТАЛОВА – преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института, Ставрополь, Россия, ms.bonami@mail.ru

AL'BINA A. SHATALOVA – Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia, ms.bonami@mail.ru

Статья поступила 16.07.2026

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.023

Правовые проблемы организации содействия граждан оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХМАТОВ

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Анализируется соотношение терминов «содействие» и «сотрудничество», используемых в федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности», и указывается на необходимость их унификации. Рассмотрены проблемы защиты лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, обосновывается необходимость включения таких лиц в перечень участников уголовного судопроизводства, подлежащих государственной защите, и установления единовременных выплат в случае гибели. Предлагается дополнить Закон об ОРД статьей 17.1. Анализируются возрастные ограничения и запрет на сотрудничество с отдельными категориями лиц (адвокаты, судьи, прокуроры и др.).

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность; содействие граждан; сотрудничество; конфиденциальное содействие; правовая защита; бесконтрактное сотрудничество.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шахматов А. В. Правовые проблемы организации содействия граждан оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 181–189. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.023.

Original article

Legal Issues in Organizing Citizen Assistance to Operational Units Engaged in Law Enforcement Intelligence Operations

ALEKSANDR V. SHAKHMATOV

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Abstract. This article examines the regulatory challenges surrounding the legal framework for citizen cooperation with bodies engaged in criminal intelligence and law enforcement operations, focusing on the organizational and procedural issues inherent in this institution. The correlation of the terms “assistance” and “cooperation” used in the federal law “On criminal intelligence and law enforcement operations” is analyzed and the need for their unification is indicated. The problems of protecting persons providing assistance on a confidential basis are considered, the necessity of including such persons in the list of participants in criminal proceedings subject to state protection and the establishment of lump-sum payments in case of death is substantiated. It is proposed to supplement the law on enforcement intelligence operations with Article 17.1. Age restrictions and the prohibition on cooperation with certain categories of persons (lawyers, judges, prosecutors, etc.) are analyzed.

Keywords: law enforcement intelligence operations; public assistance; cooperation; confidential assistance; legal protection; non-contractual cooperation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shakhmatov A.V. Legal issues in organizing citizen assistance to operational units engaged in law enforcement intelligence operations. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 181–189. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.023.

Статья 29 Конституции Российской Федерации провозглашает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Сказанное в полной мере относится к содействию граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). В настоящее время абсолютное большинство исследователей в сфере оперативно-розыскной деятельности вообще и содействия в частности используют два основных термина, предложенных законодателем в тексте Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и относящихся к данной сфере деятельности, – «содействие» и «сотрудничество» [1, с. 124].

В частности, введение термина «содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» в законодательство стало возможным лишь после принятия первого закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» в 1992 году. Этот закон заложил основу отечественного законодательства об ОРД как отдельной отрасли права. До его публикации все нормативные предписания, связанные с ОРД, в том числе с содействием граждан органам, осуществляющим ОРД, содержались исключительно в ведомственных документах закрытого характера.

В действующем Законе об ОРД термин «содействие» в разных его падежных формах используется 19 раз, а «сотрудничество» – 9. При этом в тексте наравне с термином «лица, оказывающие содействие на конфиденциальной основе» (ч. 5 ст. 5, ч. 4 ст. 9, ч. 1, 2 ст. 12, п. 2, 4 ст. 15, ч. 3 ст. 21 Закона об ОРД и др.) используется термин «лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» (название ст. 17 и ее ч. 1, ч. 1, 2, 3 ст. 18, ч. 1 ст. 19 Закона об ОРД и др.), а также «сотрудничество с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе» (п. 2 ст. 15 Закона об ОРД), «сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» (ч. 4, 5, 7 ст. 18 Закона об ОРД), «сотрудничающих по контракту» (ч. 6, 8 ст. 18 Закона об ОРД) и др. Полагаем, что законодатель должен внести ясность в вопрос о соотношении терминов «содействие» и «сотрудничество».

Задача обеспечения безопасности и порядка в обществе неизменно требует от органов, осуществляющих ОРД, применения различных методов и средств, среди которых важное место занимает институт содействия граждан, который не только расширяет воз-

возможности правоохранительных органов в реализации их деятельности, но также является неотъемлемым элементом в борьбе с преступностью.

Однако реализация этих возможностей осложняется множеством правовых, социальных и организационных факторов. В частности, ст. 17 данного закона предоставляет правовую основу для привлечения граждан к содействию и сотрудничеству в рамках подготовки и проведения ОРМ, а также для решения задач ОРД. Важно отметить, что дефиниция, содержащаяся в статье, используя термин «лицо», предполагает широкий круг кандидатов, которые могут быть привлечены к сотрудничеству, поскольку термин «лицо» охватывает всех дееспособных людей, независимо от их гражданства, политической принадлежности или других признаков. Однако проблема заключается в употреблении термина «граждане» в наименовании гл. IV и ст. 17 Закона об ОРД. Это ограничивает круг потенциальных кандидатов на содействие и сотрудничество с органами, осуществляющими ОРД, исключительно лицами, имеющими гражданство, и исключает подданных иных государств и лиц без гражданства. Это явление подрывает правовую основу, позволяя толковать норму в более узком смысле, чем того требует реальная практика оперативной работы.

Следовательно, необходимо заменить слово «*граждане*» на более универсальный термин «*лица*», что поможет избежать правовой неопределенности и более точно установить круг субъектов, готовых оказывать содействие органам ОРД. С точки зрения юридической техники, по справедливому утверждению С. Н. Мальцевой [2, с. 178], данное решение способствует правовой определенности нормы о содействии *лиц* органам, осуществляющим ОРД, и ее соответствию содержанию Закона об ОРД.

Таким образом, первая обнаруженная нами проблема связана с некорректным изложением нормы. Тем не менее Конституционный Суд РФ в своих неоднократных постановлениях указывал на то, что любая норма должна быть четко определена в законе, а неточности, неясности, и неопределенности порождают возможности ее произвольного применения [3]. Следовательно, предложенные нами и в научной литературе изменения соотносятся с правовой позицией Конституционного Суда РФ и могут быть реализованы на практике.

Сотрудничество граждан с органами ОРД может носить разные формы – от одноразового содействия до длительного и организованного взаимодействия. Важным аспектом является возможность конфиденциальности такого сотрудничества, при котором лица могут оставаться анонимными и не раскрывать свою личность. Это необходимо для обеспечения безопасности тех, кто соглашается предоставить информацию, которая может быть использована для раскрытия преступлений. В законодательной практике предусмотрено, что сведения о гражданах, *оказывающих содействие на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну и могут быть раскрыты только с их согласия*. Такие меры, как установлено ст. 12 Закона об ОРД, должны обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан, а также гарантировать их безопасность. Если же происходит нарушение режима конфиденциальности, то возникает вопрос: *можно ли считать содействие законным*, если одно из главных условий – *сохранение тайны* – было нарушено? В такой ситуации лицо, чья конфиденциальность была раскрыта, должно быть выведено из уголовного процесса и освобождено от обязательства давать показания, что было обоснованно указано в работе В. Д. Ларичева [4].

Кроме того, существует проблема раскрытия данных о лицах, оказывающих содействие, на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства. В таких случаях нередко возникает угроза для безопасности этих лиц, так как раскрытие их личности может повлечь за собой угрозу их жизни и здоровью со стороны преступных группировок или иных заинтересованных сторон. Это порождает необходимость разработки более совершенных и надежных механизмов защиты информации и безопасности тех, кто соглашается работать с правоохранительными органами.

Ранее мы подчеркивали, что данное регулирование требует дальнейшего развития, поскольку обеспечение безопасности таких граждан сопряжено с рисками, связанными с их участием в ОРМ [5, с. 344]. Целесообразно включить этих лиц в перечень участников уголовного судопроизводства, подлежащих государственной защите согласно Федеральному закону от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Включение граждан, содействующих оперативно-разыскным органам, в этот перечень предоставит им доступ к дополнительным мерам защиты, включая охрану личности, жилища, имущества, а также возможности изменения документов и внешности при необходимости. На сегодняшний день такие меры доступны только для определенных категорий участников уголовного судопроизводства. Важно учитывать, что деятельность таких лиц предполагает контакт с преступными элементами, что влечет угрозы их жизни, здоровью и имуществу.

Кроме того, ст. 17 Закона об ОРД устанавливает, что конфиденциальное сотрудничество запрещено с рядом категорий лиц, чьи профессиональные обязанности могут вступать в противоречие с нормами о сохранении конфиденциальности. К таким категориям относятся депутаты, судьи, прокуроры, адвокаты, священнослужители и представители религиозных объединений. Однако в научной литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости расширения данного списка [6]. Например, предлагается *включить нотариусов*, поскольку сохранение нотариальной тайны является важной составляющей их профессиональной деятельности. Нотариус, как и *другие категории лиц, обладающие профессиональными обязанностями, связанными с конфиденциальной информацией*, должен быть исключен из круга тех, с кем разрешено заключать контракты на конфиденциальное сотрудничество.

Нельзя не отметить ст. 18 Закона об ОРД, в которой изложены положения, касающиеся социальной и правовой защиты граждан, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД. Закон закрепляет гарантии государственной защиты, предотвращение противоправных посягательств на жизнь, здоровье и имущество, а также меры стимулирования в виде выплат за помощь в раскрытии преступлений. Однако существует явное различие в объеме гарантий для лиц, сотрудничающих на контрактной и бесконтрактной основе, что порождает существенные проблемы.

Сотрудничество на контрактной основе предполагает более широкий спектр гарантий, включая зачет периода сотрудничества в трудовой стаж, пенсионное обеспечение и единовременные выплаты в случае гибели. В отличие от этого, для граждан, оказывающих содействие на бесконтрактной основе, предусмотрены только базовые меры защиты. Например, в случае получения травм или гибели таких лиц при проведении ОРМ их семьи часто остаются без должной компенсации (по крайней мере законодательно это никак не регламентировано). Этот пробел в законодательстве неоднократно критиковался учеными-правоведами, которые отмечали необходимость введения норм, регулирующих удостоверительную форму участия граждан при подготовке или проведении ОРМ.

Кроме того, законодательство не предусматривает правового статуса граждан, участвующих в ОРМ в качестве понятых (представителей общественности). Участие понятых регламентируется ст. 60 УПК РФ, но только в рамках следственных действий. Однако практика показывает, что участие граждан в удостоверении законности действий оперативных сотрудников при подготовке или проведении ОРМ также необходимо. Отсутствие соответствующих норм в законодательстве создает правовой вакуум и может привести к ситуации, когда такие лица остаются без социальной и правовой защиты.

Также *никак не регламентирован вопрос* об участии в подготовке и проведении в ОРМ лиц, не достигших *совершеннолетия*. Остановимся на нем более подробно.

Во-первых, такое содействие строится на добровольной основе между лицом, давшим согласие на привлечение его к участию в подготовке или проведении ОРМ, и органом, осу-

ществляющим ОРД. Следовательно, прежде чем содействие будет считаться реализованным, а результаты таких мероприятий – законными, необходимо получить согласие лица, которое должно быть оформлено соответствующим *оперативно-служебным документом*, а не словесным изъявлением желания о согласии в участии соответствующих мероприятий.

Следующее требование, предусмотренное законодателем, раскрывается в положении о том, что «отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению ОРМ», то есть не трудно догадаться, что не все лица подходят для участия в подготовке или проведении ОРМ.

При этом, как нам кажется, сразу напрашивается вопрос: что означает выражение «*отдельные лица*», о которых говорится законодателем в ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД? Можно предположить, что под отдельными лицами подразумеваются только те лица, которые достигли 18-летнего возраста при оказании ими содействия на контрактной основе либо 16-летнего возраста при оказании ими конфиденциального однократного, кратковременного, периодического или долговременного содействия на бесконтрактной основе. Однако законом указанные требования не установлены. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, согласно ч. 2 ст. 17 Закона об ОРД, отношения сотрудничества между органом, осуществляющим ОРД, складываются с совершеннолетним лицом, то есть лицом, достигшим 18-летнего возраста, только при заключении контракта на оказание негласного долговременного сотрудничества, иные формы и виды содействия не запрещают использование *содействия несовершеннолетних* в подготовке или проведении ОРМ [7]. Мы же считаем, что нижний возраст привлечения к содействию для участия в подготовке или проведении ОРМ *должен быть установлен с 14 лет* без неопределенного содержания в ст. 17 Закона об ОРД.

Возвращаясь к категории «*отдельные лица*», заметим, что законодатель связывает ее с перечнем должностных лиц, содействие которых запрещается использовать органам, осуществляющим ОРД, даже при их согласии и желании участвовать в подготовке или проведении ОРМ. Однако, в соответствии с нормой закона, это касается только отношений лица с органом, осуществляющим ОРД, которые построены на конфиденциальном долговременном сотрудничестве на контрактной основе. Так, исходя из буквального толкования норм ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД, запрещается использование конфиденциального содействия по контракту судей, депутатов, прокуроров, адвокатов, священнослужителей, построенного на долговременном сотрудничестве.

Однако законодателем ничего не сказано о запрете использования других видов содействия граждан, которые *построены не на контрактной основе*, и, поскольку в законе ничего о них не говорится, логично предположить, что можно привлечь любое лицо, *вне зависимости от его должностного положения*, например, для разового участия в подготовке или проведении ОРМ либо на долговременной основе, но без документального оформления содействия между органом, осуществляющим ОРД, то есть без заключения контракта.

Аналогичной точки зрения придерживается А. Е. Чечетин: запрет на использование конфиденциального содействия адвоката, судьи, прокурора и т. д. на контрактной основе не исключает бесконтрактной формы сотрудничества [8], что подтверждает наши утверждения.

Но все не так однозначно, как следует из буквального толкования норм ст. 17 Закона об ОРД. Взять хотя бы ситуацию, когда, например, для подготовки или проведения ОРМ привлекается, скажем, адвокат, который изъявил желание оказать негласное содействие на бесконтрактной основе, в отношении которого в законе об ОРД не предусмотрено никаких ограничений. Однако, если обратится к равному по юридической силе нормативно-правовому акту – к Федеральному закону от 31.05.2002 № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», то в его содержании мы обнаружим несколько иное толкование ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД. Так, согласно ч. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности

и адвокатуре в РФ» запрещается любое негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими ОРД. То есть как минимум в двух правовых актах одинаковой юридической силы содержатся предписания о допустимости и недопустимости использования содействия адвоката органам, осуществляющим ОРД.

Для устранения правовой неопределенности в 2016 г. было опубликовано разъяснение по применению положений вышеуказанных правовых актов, согласно которому оптимальным правилом поведения адвоката *считается неучастие адвоката* в любых формах сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД, поскольку это противоречит институциональным основам адвокатской деятельности, которая ориентирована только для оказания профессиональной юридической помощи [9]. Данное отступление нами было сделано намеренно, поскольку даже на указанном примере мы можем увидеть, насколько неоднозначен и неопределен институт содействия граждан органам, осуществляющим ОРД. По отношению к последнему требованию мы будем придерживаться точки зрения А. Е. Чечетина в той части, что запрет на использование конфиденциального содействия адвоката, судьи, прокурора и т. д. на контрактной основе не исключает бесконтрактной формы сотрудничества, что соответствует буквальному толкованию норм ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД, то есть при согласии указанных лиц на разовое участие в подготовке или проведении ОРМ, такое содействие не только допустимо, но и соответствует «букве» закона.

Для решения указанных проблем и повышения эффективности института содействия граждан в ОРД требуется принятие следующих мер.

Во-первых, в целях нормативного упорядочивания института участия граждан в удостоверении законности действий оперативных подразделений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», дополнив его ст. 17.1 «Участие граждан в целях удостоверения соблюдения законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий». Следует повторить, что в действующей редакции Закона об ОРД не предусмотрен правовой статус граждан, которые в силу фактических обстоятельств участвуют в обеспечении надлежащего проведения оперативно-розыскных мероприятий. Несмотря на то что ст. 17 Закона об ОРД допускает привлечение граждан к подготовке и проведению ОРМ, в том числе на конфиденциальной или договорной основе, она не регулирует их участие в функции, аналогичной роли понятых в уголовном процессе.

Нами предлагается ее содержание: «Статья 17.1. Участие граждан в целях удостоверения соблюдения законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

1. В целях обеспечения законности и фиксации фактических обстоятельств, имеющих значение для допустимости и достоверности результатов оперативно-розыскных мероприятий, допускается участие граждан, не являющихся сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с их согласия в качестве удостоверяющих лиц.

2. Удостоверяющим лицом признается гражданин Российской Федерации, достигший возраста восемнадцати лет, дееспособный, не имеющий судимости, не состоящий в трудовых или иных зависимых отношениях с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, привлеченный для участия в оперативно-розыскном мероприятии исключительно в целях удостоверения его фактического содержания и соблюдения правовых условий его проведения.

3. Привлечение удостоверяющего лица осуществляется по мотивированному решению должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным оформлением письменного согласия данного лица, а также разъяснением ему прав и обязанностей. Участие удостоверяющего лица оформляется протоколом, прилагаемым к материалам оперативно-розыскного мероприятия».

Во-вторых, следует законодательно закрепить право на компенсацию и социальные выплаты в случае получения травм или гибели граждан, оказывающих содействие на бесконтактной основе. Например, установить минимальный объем социальных выплат, который будет предоставляться независимо от формы сотрудничества. В частности, требуется внесение изменений в ст. 18 Закона об ОРД, которую следует изложить в следующей редакции с учетом уже имеющихся норм: «В случае гибели лица, оказывающего содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в связи с его участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий семье пострадавшего и лицам, находящимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере суммы равной десяти годам минимального размера оплаты труда и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по случаю потери кормильца».

В-третьих, целесообразно в ст. 17 Закона об ОРД нормативно закрепить минимальный возраст участия граждан в проведении оперативно-розыскных мероприятий, установив, что допускается привлечение лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста, исключительно на основании их добровольного письменного согласия: «В исключительных случаях, обоснованных целями обеспечения защиты жизни, здоровья либо предотвращения преступления, допускается участие несовершеннолетних, не достигших указанного возраста, при наличии письменного согласия их родителей или иных законных представителей, с обязательным соблюдением принципа недопустимости причинения вреда указанным лицам и обеспечения их правовой и физической безопасности».

В заключение следует отметить, что развитие института содействия граждан в ОРД требует системного подхода, который включает как совершенствование нормативной базы, так и внедрение организационных мер. Введение указанных изменений позволит повысить уровень социальной и правовой защиты граждан, участвующих в ОРМ, а также укрепит их доверие к правоохранительным органам. Только при условии должного учета и защиты интересов граждан институт содействия сможет в полной мере выполнять свои функции и вносить значимый вклад в обеспечение правопорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Понятие института содействия в оперативно-розыскной деятельности // Академическая мысль. 2022. № 3 (20). С. 123–127.
2. Мальцева С. Н. Проблемы института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования : материалы IV Межведом. науч.-практ. конф., Рязань, 30 ноября 2018 года / отв. ред. В. П. Кувалдин. Рязань, 2019. С. 178–180.
3. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402/ (дата обращения: 29.12.2025).
4. Ларичев В. Д. Проблемы участия лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел на конфиденциальной основе, в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 192–200.
5. Шахматов А. В. К вопросу развития института социально-правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сборник научных статей. СПб., 2017. С. 344.
6. Сарычев О. М. Институт нотариальной тайны не отменен // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 97–101.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полякова Кирилла Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от

22.12.2015 № 2875-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredeleniekonstitutsionnogo-suda-rf-ot-22122015-n-2875-o/> (дата обращения: 29.12.2025).

8. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А. Е. Чечетина. Барнаул, 2022. 270 с.

9. Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016 № 01/16). URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/> (дата обращения: 29.12.2025).

REFERENCES

1. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. The concept of the institute of assistance in operational investigative activities. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2022, no. 3 (20), pp. 123–127. (In Russ.).
2. Mal'tseva S.N. Problems of the Institute of assistance to citizens to bodies engaged in operational investigative activities. In: Kuvaldin V.P. (Ed.). *Ugolovnoe i operativno-razysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevykh svyazei i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy IV mezhvedom. nauch.-prakt. konf., Ryazan', 30 noyabrya 2018 goda* [Criminal and operational investigative legislation: problems of intersectoral relations and prospects for improvement: materials of the IV inter-department scientific and practical conference, Ryazan, November 30, 2018]. Ryazan, 2019. Pp. 178–180. (In Russ.).
3. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoi stat'i 188 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanki M. A. Aslamazyan: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27.05.2008 No. 8-P* [In the case of the review of the constitutionality of the provision of the first part of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Aslamazyan: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of May 27, 2008]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402/ (accessed December 29, 2025).
4. Larichev V.D. Problems of participation of persons providing assistance internal affairs bodies on a confidential basis, in criminal proceedings. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2013, no. 1 (43), pp. 192–200. (In Russ.).
5. Shakhmatov A.V. On the issue of the development of the institute of social and legal protection of citizens who assist bodies engaged in operational investigative activities. In: *Ugolovnoe pravo, ugolovnyi zakon: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statei* [Criminal law, criminal law: theory and practice: collection of scientific articles]. Saint Petersburg, 2017. P. 344.
6. Sarychev O.M. The institute of notarial secrecy has not been abolished. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2007, no. 7, pp. 97–101. (In Russ.).
7. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Polyakova Kirilla Alekseevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami stat'i 17 Federal'nogo zakona "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti": Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.12.2015 No. 2875-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kirill A. Polyakov for violation of his constitutional rights by the provisions of Article 17 of the federal law "On law enforcement intelligence operations": ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2875-O of December 22, 2015]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredeleniekonstitutsionnogo-suda-rf-ot-22122015-n-2875-o/> (accessed December 29, 2025).
8. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti"* [Scientific and practical commentary to the federal law "On law enforcement intelligence operations"]. Ed. by Chechetin A.E. Barnaul, 2022. 270 p.
9. *Raz'yasnenie Komissii FPA RF po etike i standartam po voprosam primeneniya p. 3.1 st. 9 Kodeksa professional'noi etiki advokata (utv. Resheniem Soveta Federal'noi palaty advokатов ot 28.01.2016 No. 01/16)* [Explanation of the FPA RF Ethics and Standards Commission on the application of Clause 3.1 of Article 9 of the Lawyer's Code of Professional Ethics (approved by the decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers No. 01/16 of January 28, 2016)]. Available at: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/> (accessed December 29, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХМАТОВ
– доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

ALEKSANDR V. SHAKHMATOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations in the Internal Affairs Bodies of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, a-shahmatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Статья поступила 29.05.2026

Научная статья

УДК 347.45/.47

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.024

Отдельные проблемные аспекты в области защиты прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом

ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА ПАНТЮХИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, niceseagal85@yandex.ru

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФИЛАТОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, 2004juliafil@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правоприменения в области защиты прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом. Особое внимание уделяется аспектам злоупотребления правом со стороны потребителей и продавцов. Исследуются пробелы в законодательстве, связанные с осуществлением права покупателя на отказ от товара, поставленного через цифровые платформы, а также дискуссионные моменты привлечения продавца за нарушение сроков передачи товаров. Сделан вывод о существовании недостатков правового регулирования правоотношений, предложены шаги по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: маркетплейс; цифровая платформа; безопасность; товары; продажа; Интернет; права; потребители.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Пантюхина Л. А., Филатова Ю. А. Отдельные проблемные аспекты в области защиты прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 190–198. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.024.

Original article

Selected Issues in Consumer Protection for Remote Sales

LARISA A. PANTYUKHINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, niceseagal85@yandex.ru

© Пантюхина Л. А., Филатова Ю. А., 2026

YULIYAA. FILATOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, 2004juliafil@mail.ru

Abstract. The article discusses problematic issues of law enforcement in the field of consumer protection for remote sales. Particular attention is paid to the aspects of abuse of law by consumers and sellers. The authors identify legislative gaps concerning the buyer's right to reject goods purchased via digital platforms, as well as contentious issues surrounding seller liability for late delivery. Shortcomings in the regulation of legal relations are emphasized and measures to improve legislation in this area are proposed.

Keywords: marketplace; digital platform; security; goods; sale; Internet; rights; consumers.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Pantyukhina L.A., Filatova Yu.A. Selected issues in consumer protection for remote sales. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 190–198. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.024.

Данные, содержащиеся в ежегодном докладе Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей, указывают на значительный показатель обращений граждан в 2024 г. – 427 476 [1], относящихся к случаям нарушения законодательства о защите прав потребителей в сегменте розничной торговли [2].

Статистически подтвержден стабильный рост количества жалоб, среди которых особое место занимают претензии, вызванные нарушением прав потребителей при осуществлении дистанционных продаж (число таких обращений, по данным Роспотребнадзора, возросло втрое с 2019 г.). Актуальность исследования обусловлена и стремительным развитием цифровой экономики. Большую долю на рынке занимает продажа товаров через маркетплейсы. Цифровые платформы в настоящее время представляют собой зону повышенного риска из-за специфических факторов, а именно: товары на таких площадках могут реализовывать недобросовестные продавцы; потребителю недоступен осмотр товара перед покупкой; размыты границы ответственности владельца платформы и продавца, что создает нормативную неопределенность. Однако правовое регулирование цифровых явлений в этой области не успевает идти в ногу со временем. Этим вопросам в своих научных работах уделяет внимание все больше ученых и исследователей [3–6]. В современных условиях выявление и поиск путей решения проблем в сфере защиты прав потребителей путем дистанционной торговли приобретают особую значимость.

Согласно данным Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека ведущими причинами обращений покупателей выступают следующие факторы: обман потребителей относительно свойств товара; сокрытие или частичное предоставление сведений о продавце (изготовителе, исполнителе); деятельность фальшивых интернет-ресурсов; реализация продукции ненадлежащего качества; отказ вернуть уплаченные средства. В данной статье мы не только исследуем проблемные аспекты, но и разработаем качественно новые научные предложения по совершенствованию федерального законодательства. Для этого требуется решить ряд задач: 1) выявить проблемные аспекты защиты прав потребителей при дистанционной продаже товаров; 2) проанализировать правоприменительную практику; 3) определить виды злоупотреблений правом со стороны продавцов и потребителей; 4) оценить эффективность существующего

регулирования платформенной экономики; 5) разработать предложения по совершенствованию федерального законодательства.

Договор розничной купли-продажи, заключаемый дистанционным способом, обладает рядом положительных особенностей. Это возможность быстрого поиска нужных товаров, широкий ассортимент, заказ в любое время и любом месте. Но в контексте защиты прав потребителей при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства продавцом по договору на первый план выходят вопросы надежности контрагента, идентификация продавца, гарантия безопасности сделок, отсутствие информации о потребительских характеристиках изделий, реализация некачественных товаров. Существует широкий спектр технических и правовых возможностей верификации продавца от простой проверки ИНН до двухфакторной аутентификации. Но в нормативных актах нет юридического закрепления требований об обязательном соблюдении таких проверок. Потребитель также не обладает полными сведениями о продавце, что позволяет недобросовестным участникам выходить на рынок продажи товаров. Также отсутствуют единые требования к обработке персональных данных, что также с большой долей вероятности повлечет за собой нарушение прав.

В ответ на комплексные проблемы, существующие в деятельности маркетплейсов, был инициирован новый законодательный акт – Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающий в силу 1 октября текущего года (далее – Закон) [7]. Новый документ оперирует такими понятиями, как «цифровая платформа» (вместо привычных Вайлдбериз и Озон), партнер-продавец, партнер-исполнитель и многие другие. Следует сразу отметить, что операторы таких платформ приравнены к владельцам агрегаторов. Интернет-магазины, продающие товары лишь своего владельца, не попадают под регулирование закона. В настоящей статье рассматриваются только маркетплейсы.

Идентификация участников договора дистанционной купли-продажи является одной из ключевых проблем. При традиционном способе продажи покупатель может получить полную информацию о продавце: фактический адрес, данные о его регистрации в налоговых органах и т. д. Однако в сфере дистанционных покупок многие онлайн-магазины не предоставляют достаточные сведения для идентификации.

В целях повышения ответственности участников оборота и защиты добросовестных потребителей законодатель закрепил императивные требования о предоставлении ясной информации о продавце. Однако, на наш взгляд, эти требования недостаточны для конечного покупателя. Предлагаем дополнить п. «а» ч. 1 ст. 7 Закона обязательным внесением данных из ЕГРЮЛ и ЕГРИП. Такое нововведение позволило бы облегчить идентификацию продавцов в Интернете и укрепить систему защиты прав потребителей. Было бы целесообразно сделать эти сведения открытыми и доступными для любого посетителя площадки через ознакомление с выписками из соответствующих реестров.

Ранее мы особо подчеркивали ключевую позицию продавца в деле доведения до покупателя полных и ясных сведений о товаре, его цене, механизме доставки и процедуре возврата. Чтобы потребитель мог получить полную информацию, на платформе публикуются данные, которые позволяют точно определить, что за товар, кто его произвел и поставил, а также узнать, как и на каких условиях его можно заказать. Всю информацию необходимо представлять потребителю на русском языке.

Хотя сами нормативные требования вполне очевидны, тема подтверждения подлинности товаров оказывается особо острой для маркетплейсов в современных условиях. Регламенты площадок могут включать эксклюзивные методики и техники оценки товаров, определяя надежность информации о производственном происхождении изделия и подтверждая соответствие маркировки сертифицируемыми признаками, такими как «оригинал», «экспертиза пройдена» и др.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что споры разрешаются в пользу потребителей. Показательным примером служит иск, поданный региональной общественной организацией «Общественный контроль» (Ульяновская область) в защиту интересов гражданина К. к маркетплейсу. Основанием для обращения в суд послужило приобретение истцом дорогостоящей продукции, которая впоследствии была идентифицирована как контрафактная ввиду несовпадения индивидуального кода изделия со сведениями, размещенными на официальном ресурсе производителя. При вынесении решения от 21.02.2023 по делу № 2–657/2023 Заволжский районный суд г. Ульяновска указал, что ответчиком не было опровергнуто наличие недостатков в товаре [8]. Представляется целесообразным законодательно закрепить обязанность продавцов сопровождать описание продукции активной гиперссылкой на запись в государственном реестре сертификатов и деклараций о соответствии.

Введение таких новшеств стоит рассмотреть не только с точки зрения правовой науки, но оценить и экономический эффект от их внедрения. Наличие гиперссылки снижает количество затрачиваемого времени на поиск информации о товарах, это будет способствовать уменьшению диапазона цен на конкретный предмет покупки, что в свою очередь делает рынок более конкурентно способным. При обороте российской онлайн-торговли в 2025 г. в 11,5 трлн рублей это является одним из ключевых преимуществ. Снижение количества споров о несоответствии товаров заявленным в описании характеристикам приведет к уменьшению судебных издержек, в том числе и для государства. Таким образом, экономический эффект от внедрения этой процедуры будет несомненно положительным при минимальных вложениях для запуска механизма.

Еще одна проблема возникает из процедуры оплаты товаров, приобретенных дистанционно. Законом не урегулированы эти вопросы, за исключением скидок на товар. Этот момент требует пристального внимания. Покупателю предоставляется удобная система расчета, деньги переводятся продавцу только после того, как клиент проверил работоспособность товара и принял его. Такая мера снижает риски для приобретателя и упрощает возврат средств, если возникнет потребность отказаться от нее в течение первых семи дней после покупки.

Данная схема оставляет способы для злоупотреблений, например продавец способен устанавливать ограничение на возврат товара. Существует риск того, что чрезмерно сложная процедура проверки качества, иницируемая по требованию потребителя, снизит интерес последних к защите своих прав. Классический пример такой практики демонстрируют крупнейшие российские площадки Вайлдберриз и Озон, где недовольный покупатель сталкивается с необходимостью подачи претензии или организации экспертной оценки товара своими силами. Хотя многочисленные обращения клиентов часто приводят к проведению проверок надзорными органами, длительность рассмотрения жалоб снижает эффективность такой модели для каждого отдельного потребителя.

Помимо этого, предложение на сайте обращено к неопределенному кругу лиц, поэтому должно быть классифицировано как публичная оферта. После получения сообщения потребителя о намерении заключить договор продавец не вправе в одностороннем порядке изменить объявленную цену товара. Следует принимать во внимание, что при ведении электронной торговли, где большинство операций проводятся дистанционно, нередко возникают сбои технического характера или задержки в работе платежных систем.

Подобные события создают риск несвоевременной оплаты и усложняют определение срока возникновения обязательства. Например, в 2023 г. широкую огласку получила история, когда клиент приобрел одежду в ЦУМе через мобильную платформу по существенно заниженной цене. Позднее торговая точка инициировала оспаривание контракта, настаивая на ошибочности условий сделки. Первоначально суды первой инстанции встали на сторону хозяйствующего субъекта (продавца), квалифицировав действия потребителя как

злоупотреблением правом. Аргументация сводилась к тому, что информация о проводимых акциях отсутствовала, в связи с чем покупатель должен был осознавать ошибочный характер указанной цены. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя состоявшиеся судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, изложила иную правовую позицию. Во-первых, высшая судебная инстанция подтвердила, что момент заключения договора розничной купли-продажи посредством электронной торговли совпадает с акцептом публичной оферты, что лишает продавца права на одностороннее изменение цены (платежных характеристик). Во-вторых, суд указал на отсутствие в обжалуемых решениях мотивированных выводов, подтверждающих наличие в действиях гражданина признаков злоупотребления правом при присоединении к публичному договору. Особо было отмечено, что нижестоящие инстанции не конкретизировали, каким образом потребитель мог обнаружить техническую или иную ошибку в ценообразовании на момент оформления заказа. Актуальность данного разъяснения обусловлена ростом числа подобных споров в судебной практике. [9] .

В этой связи мы предлагаем внести дополнение в ч. 4 ст. 26.1 Закона «О защите прав потребителей» и закрепить в ней абзац следующего содержания: «продавцу запрещается в одностороннем порядке отменять заказ покупателя, оплаченный в полном объеме». При таких обстоятельствах покупатель будет иметь право требовать компенсацию за понесенный ущерб.

Наделение продавца возможностью отказаться от исполнения договора является необоснованным и способно повлечь злоупотребление правом. Целесообразным было бы внесение изменений в п. 13 постановления № 2463. Данные нововведения предусматривают дополнительный этап проверки и согласование намерений обеих сторон перед заключением договора. Это уменьшает риск оформления соглашения при недостаточной информированности одного из участников правоотношения.

Отдельного внимания заслуживает проблема правового регулирования возврата товаров ненадлежащего качества, подпадающих под действие «Перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену» (далее по тексту – Перечень) [10]. Парадокс правоприменения заключается в том, что императивный запрет на обмен качественной продукции с индивидуально-определенными свойствами, изначально установленный для защиты продавца, в условиях электронной коммерции зачастую используется неправомерно. Продавцы необоснованно распространяют требования Перечня на дистанционный способ продажи, игнорируя специфику ст. 26.1 Закона «О защите прав потребителей». Отсылка к указанному Перечню содержится в ст. 25 Закона, регламентирующей обычную (привязанную к месту) розничную торговлю, тогда как нормы о дистанционной продаже (ст. 26.1) не содержат прямых отсылок к данному документу. В результате правоприменительная практика демонстрирует отсутствие единообразия: суды занимают диаметрально противоположные позиции по вопросу о том, допустимо ли применение Перечня к отношениям, возникшим из дистанционного договора.

Например, в апелляционном определении Московского городского суда от 26.05.2015 по делу № 33-178753 содержится вывод о том, что норма п. 1 ст. 25 Закона «О защите прав потребителей» является специальной по отношению к норме ст. 26.1 [11]. Таким образом, возможность обмена или возврата товара надлежащего качества обусловлена исключительно его видом, а не способом приобретения. Другая позиция заключается в том, что положения ст. 26.1 не исключают применения Перечня. Например, апелляционное определение Красноярского краевого суда от 09.04.2018 по делу № 33-4301/2018 указывает на право потребителя отказаться от товара надлежащего качества без объяснения причин в любое время до получения самого товара и в течение семи дней после его получения [12]. Встречаются случаи, когда суды низших инстанций решают отказать в возврате или замене, а следующие инстанции опровергают такие решения, указывая, что возможность воз-

врата определяется принадлежностью товара к определенной категории, а не способом его приобретения.

Указанная позиция представляется нам оптимальной, поскольку ясно демонстрирует основные черты текущего законодательства и характерные признаки дистанционной продажи, такие как восприятие покупателем товара исключительно на основе описания, без возможности непосредственного анализа реальных характеристик и качества продукта.

Приведенные примеры решений демонстрируют, что позиция суда относительно применимости Перечня к товарам, купленным дистанционно, носит неоднозначный характер. Свое мнение относительно сложившейся спорной ситуации выразил Роспотребнадзор в письме от 18.01.2024 [13]. Ведомство поясняет, что список качественных непродовольственных товаров, подлежащих обмену, не распространяется на случаи дистанционной торговли.

Одним из действенных путей устранения сложившейся проблемы станет внесение п. 15 следующего содержания: «Перечень непродовольственных товаров, не подлежащих обмену, не используется в отношении дистанционной торговли и не регулирует оборот товаров, имеющих индивидуальные характеристики, предполагающие их применение исключительно лицами, совершившими покупку». Реализация предложенной поправки благоприятно скажется на соблюдении законодательства, предотвратит ошибки судей при принятии решений по спорам, касающимся товаров, купленных онлайн.

Помимо прочего, совершая покупки, пользователи неизбежно передают свои персональные данные. Возможность доступа продавца к сведениям клиента при дистанционных сделках часто приводит к утечке информации о посетителях площадок. Именно поэтому оператор цифрового ресурса автоматически приобретает статус обработчика персональных данных и берет на себя обязательство обеспечивать их конфиденциальность. Законодательство в этой области запрещает продавцам собирать информацию о клиентах без их предварительного согласия и передавать ее третьим лицам [14]. В 2022 г. были приняты первые шаги по усовершенствованию защиты персональных данных покупателей, внесены поправки в законодательство. Новое правило запрещает продавцам единолично отклонять предложение о заключении договора, прекращать его действие, вносить изменения или прерывать выполнение обязательств, если покупатель предпочел не указывать свои личные данные. Возможность отступления от этой нормы существует тогда, когда такое предоставление данных регулируется соответствующими нормативно-правовыми актами или обязательно вытекает из условий договора. Однако предпринятые шаги недостаточны для полного ограждения прав потребителей от потенциальных злоупотреблений со стороны продавцов.

Исследуя вопрос функционирования цифровых платформ, нельзя не упомянуть опыт Китая, где с 10 апреля 2026 г. начали действовать новые нормативные требования в отношении политики ценообразования при ведении онлайн-торговли. Документ направлен на регламентацию отношений между площадками и продавцами. Основными положениями нормативного акта являются следующие: запрет искусственно завышать цены, принуждать к участию в акциях и распродажах, накладывать ограничения на механизм ценообразования поставщиков и определять минимальную цену товара. Операторы цифровых площадок должны уведомлять покупателей о прогнозируемых списаниях денежных средств, а также должны разработать понятный алгоритм отказа от товара. В целом регулирование цифровых площадок в Китае совпадает с глобальным курсом на ужесточение контроля в отношении онлайн-торговли и может быть использовано при доработке российского законодательства в этой сфере, что является предметом отдельного исследования [15].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В связи с развитием онлайн-торговли отмечается рост случаев нарушения прав и злоупотребления правом в этом сегменте экономики. За последние пять лет количество жалоб

при покупке товаров дистанционно увеличилось в три раза. Основными факторами являются деятельность недобросовестных продавцов, невозможность физического осмотра товара перед покупкой, размытые границы ответственности между владельцами таких площадок и функционирующими на них продавцами.

Защита прав покупателей не может осуществляться в полном объеме из-за пробелов в механизме идентификации продавцов. При возникновении спора подчас сложно определить ответчика из-за расхождения названия продавца со сведениями в ЕГРЮЛ и ЕГРИП.

На законодательном уровне не закреплены технические и правовые стандарты, обеспечивающие прозрачность и надежность сделок. Требуется на законодательном уровне предусмотреть закрепление процедуры обязательной верификации продавцов. Отсутствие в нормативно-правовых актах единых требований к обработке персональных данных не делает дистанционную торговлю полностью надежным способом приобретения товаров.

Анализ правоприменительной практики в отношении использования норм Перечня непродовольственных товаров, не подлежащих обмену, и товаров, приобретенных посредством цифровых платформ, показал, что она не является однородной. Судебные решения содержат кардинально различающиеся позиции, а это влечет неопределенность как для потребителей, так и продавцов. Требуется законодательное закрепление возможности применения Перечня к товарам, приобретенным дистанционно.

Ожидается, что внесение указанных в научной статье изменений в законодательство устраним пробелы и повысит эффективность защиты прав потребителей. К таким изменениям можно отнести размещение в открытом доступе выписок из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, запрет на односторонний возврат уже оплаченного заказа; закрепление требования об обязательном размещении активной гиперссылки на запись в государственном реестре сертификатов и деклараций о соответствии.

Итак, современная практика показывает, что защита прав потребителей в дистанционной торговле сталкивается с целым рядом нерешенных проблем. Основная причина кроется в недостаточной проработке действующих законов, регулирующих специфику такого вида торговли. Недостаточно четко сформулированы аспекты заключения сделок в электронном виде. В условиях быстрого роста онлайн-торговли параллельно растет и число конфликтов, возникающих из-за дистанционных сделок купли-продажи. Учитывая уязвимость потребителей в таких отношениях, необходимы дополнительная государственная поддержка и защита. Проблемы, поднятые в настоящем исследовании, можно устранить путем внесения необходимых поправок в действующее законодательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный доклад о состоянии защиты прав потребителей в Российской Федерации за 2024 год // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека : офиц. сайт. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 04.01.2026).
2. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.
3. Колесниченко О. В., Панкратова Д. В. Реализация товаров через маркетплейсы: проблемы осуществления и защиты прав потребителей // Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 3. С. 17–27.
4. Стародубова Л. В., Прокофьева А. В. Дистанционный способ розничной купли-продажи товаров: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 305–307.
5. Алдушина О. С. К вопросу о защите прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом // Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22 декабря 2023 года). М., 2023. С. 54–60.

6. Куприн А. А., Лигарова В. А. Формы и способы защиты прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом: понятие, виды, особенности // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2024 : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Гатчина, 24 мая 2024 года). Гатчина, 2024. С. 155–159.
7. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2026).
8. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 16.01.2024 по делу № 33-95/2024 // Ульяновский областной суд : офиц. сайт. URL: https://oblsud.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33-95/2024&delo_id=5&text_number=1 (дата обращения: 04.01.2026).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.01.2024 № 78-КГ23-35-К3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену... : постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 152.
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.05.2015 по делу № 33-17292/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 09.04.2018 по делу № 33-4301/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Информация Роспотребнадзора «Вниманию потребителя: особенности возврата товара надлежащего качества, купленного при дистанционном способе продажи товара». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Барабачкова М. Н., Корнилова Н. В. Дистанционная купля-продажа товаров: актуальные проблемы практики // Е-SCIO. 2019. № 10 (37). С. 368–374.
15. https://www.samr.gov.cn/xw/zj/art/2025/art_5e94c8b5a68541ec944c32a09ddb356

REFERENCES

1. State report on the state of consumer rights protection in the Russian Federation for 2024. *Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'ei i blagopoluchiya cheloveka: ofits. sait* [Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare: official website]. Available at: <https://www.rospotrebnadzor.ru> (In Russ.). (Accessed January 4, 2026).
2. On consumer rights protection: law of the Russian Federation No. 2300-1 of February 7, 1992 (as amended on July 7, 2025). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1996. No. 3. Art. 140. (In Russ.).
3. Kolesnichenko O.V., Pankratova D.V. Sale of goods through marketplaces: problems of implementation and protection of consumer rights. *Natsional'naya bezopasnost' = National Security*, 2024, no. 3, pp. 17–27. (In Russ.).
4. Starodubova L.V., Prokof'eva A.V. Distance method of retail sale of products: problems of legal regulation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2024, no. 7 (235), pp. 305–307. (In Russ.).
5. Aldushina O.S. On the issue of consumer rights protection when selling goods remotely. In: *Tsifrovoe obshchestvo: nauchnye initsiativy i novye vyzovy: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 22 dekabrya 2023 goda)* [Digital society: scientific initiatives and new challenges: collection of scientific papers of the International scientific and practical conference (Moscow, December 22, 2023)]. Moscow, 2023. Pp. 54–60. (In Russ.).
6. Kuprin A.A., Ligarova V.A. Forms and methods of consumer rights protection when selling goods remotely: concept, types, features. In: *Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya 2024: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Gatchina, 24 maya 2024 goda)* [Actual problems of science and practice: Gatchina Readings 2024: proceedings of the XI International scientific and practical conference (Gatchina, May 24, 2024)]. Gatchina, 2024. Pp. 155–159. (In Russ.).

7. On certain issues of regulating the platform economy in the Russian Federation: federal law No. 289-FZ of July 31, 2025. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (In Russ.). (Accessed January 20, 2026).
8. Appeal ruling of the Ulyanovsk Regional Court of January 16, 2024 in case no. 33-95/2024. *Ul'yanovskii oblastnoi sud: ofits. sait* [Ulyanovsk Regional Court: official website]. Available at: https://oblsud.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33-95/2024&delo_id=5&text_number=1 (In Russ.). (Accessed January 4, 2026).
9. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 78-KG23-35-K3 of January 16, 2024. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
10. On approval of the Rules for the sale of goods under a retail sale agreement, a list of durable goods that are not subject to the consumer's requirement to provide him with goods with the same basic consumer properties free of charge for the period of repair or replacement of such goods, and a list of non-food products of adequate quality that cannot be exchanged: decree of the Government of the Russian Federation No. 2463 of December 31, 2020 (as amended on May 17, 2024). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 1 (Part II). Art. 152. (In Russ.).
11. The appeal ruling of the Moscow City Court of May 26, 2015 in case No. 33-17292/15. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
12. The appeal ruling of the Krasnoyarsk Regional Court of April 9, 2018 in case No. 33-4301/2018. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
13. Information from Rospotrebnadzor "To the consumer's attention: features of returning goods of proper quality purchased using the remote method of selling goods. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
14. Barabachkova M.N., Kornilova N.V. Remote purchase and sale of goods: actual problems of practice. *E-SCIO*, 2019, no. 10 (37), pp. 368–374. (In Russ.).
15. https://www.samr.gov.cn/xw/zj/art/2025/art_5e94c8b5a68541ec944c32a09ddb356

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА ПАНТЮХИНА – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, niceseagal85@yandex.ru

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФИЛАТОВА – курсант юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, 2004juliafil@mail.ru

LARISA A. PANTYUKHINA – Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, niceseagal85@yandex.ru

YULIYAA. FILATOVA – 5th-year cadet at the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, 2004juliafil@mail.ru

Статья поступила 04.03.2026

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.025

Пиратство, вооруженный разбой на море, морской терроризм: понятия, составные элементы, криминализация на международном и национальном уровнях

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА БУЛГАКОВА

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия,
irina-v-bulgakova@yandex.ru

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
natasha.8172@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ преступлений на море, включая морское пиратство, вооруженный разбой и морской терроризм. Рассматриваются их понятие, составные элементы, а также процесс криминализации на международном и национальном уровнях. Особое внимание уделяется расхождениям в дефинициях, проблемам криминализации на национальном уровне и текущей деятельности Комиссии международного права ООН по кодификации норм в данной сфере.

Ключевые слова: морское пиратство; вооруженный разбой на море; морской терроризм; Конвенция ООН по морскому праву 1982 года; универсальная юрисдикция; криминализация; международное уголовное право.

5.1.5. Международно-правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Булгакова И. В., Кириловская Н. Н. Пиратство, вооруженный разбой на море, морской терроризм: понятия, составные элементы, криминализация на международном и национальном уровнях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 199–207. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.025.

Original article

Piracy, Armed Robbery at Sea, Maritime Terrorism: Concepts, Components, Criminalization at the International and National Levels

IRINA V. BULGAKOVA

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, irina-v-bulgakova@yandex.ru

© Булгакова И. В., Кириловская Н. Н., 2026

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of crimes at sea, including maritime piracy, armed robbery and maritime terrorism. Their concept, components, as well as the process of criminalization at the international and national levels are considered. Particular attention is paid to discrepancies in definitions, problems of criminalization at the national level and the ongoing work of the UN International Law Commission on the codification of norms in this area.

Key words: maritime piracy; armed robbery at sea; maritime terrorism; the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea; universal jurisdiction; criminalization; international criminal law.

5.1.5. International law sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Bulgakova I.V., Kirilovskaya N.N. Piracy, armed robbery at sea, maritime terrorism: concepts, components, criminalization at the international and national levels. *Ius publicum et privatum: onlinescientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 199–207. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.025.

Проблема морского пиратства, несмотря на многовековую историю и глубокую проработку в доктрине международного права, в современных условиях вновь приобретает особую актуальность. Это связано, во-первых, с терминологическими расхождениями в его определении на международном и национальном уровнях; во-вторых, с актуализацией подобных деяний в морских пространствах с государственно-правовым режимом, в отличие от классического пиратства в открытом море; в-третьих, с трансформацией целей преступников от корыстных к политическим, направленным на дестабилизацию общественной безопасности. Данные обстоятельства обуславливают необходимость научного анализа указанных проблем.

Пиратство является одним из первых преступлений, закрепленных в международном праве и квалифицируемых как преступление по праву наций, то есть по международно-публичному праву [1]. Первым международным документом, закрепившим пиратство в качестве преступления, стала Конвенция об открытом море 1958 г. (Конвенция 1958 г.) [2, с. 231], которая определила пиратство как «любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства». Пиратством квалифицировалось как само пиратство, так и соучастие в нем. Определение пиратства, закрепленное в положениях Конвенции 1958 г., нашло подтверждение и в Конвенции по морскому праву 1982 г. (Конвенция 1982 г.). В соответствии с международно-правовыми документами состав пиратства характеризуется следующими элементами: объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность судоходства в открытом море; предметом посягательства являются судно или летательный аппарат, а также имущество, жизнь, здоровье и права лиц, находящихся на борту; объективная сторона выражается в действиях, включающих насилие, задержание или любой акт грабежа, совершенные в личных целях экипажем или

пассажирами частновладельческого судна (летательного аппарата) и направленные против другого судна (летательного аппарата) или лиц / имущества на его борту в открытом море или в месте вне юрисдикции какого-либо государства, субъектом преступления выступает экипаж или пассажиры частновладельческого судна или летательного аппарата. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и специальной целью – совершение деяния в личных целях. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершения.

На 27 июня 2026 г. Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. ратифицировало 172 государства, в том числе и Российская Федерация (12.03.1997). Ряд государств подписали Конвенцию, но не ратифицировали, в их числе Иран, ОАЭ, Северная Корея, Ливия и др. Некоторые государства не подписали Конвенцию и не ратифицировали, среди них США, Израиль, Казахстан, Перу, Южный Судан, Сирия, Таджикистан, Турция, Узбекистан, Венесуэла и др. [3]. Большинство государств, ратифицировавших Конвенцию 1982 г., приняли на себя международно-правовое обязательство по имплементации ее положений в национальное законодательство. Анализ уголовного законодательства иностранных государств показал, что большинство государств на сегодняшний день криминализовало пиратство как преступление. Так, 101 государство (52 %) оперирует понятием пиратства и криминализует его в своем уголовном законе, 93 государства (48 %) не дают определения морского пиратства [1] и квалифицируют данные деяния по самым разным статьям уголовного кодекса с учетом объема причиненного ущерба, то есть от мелкого воровства до бандитизма [2, с. 219].

К группе государств, криминализовавших пиратство в своем национальном законодательстве, относится и Российская Федерация. Так, в российском уголовном праве пиратство впервые было криминализовано в УК РФ 1996 г. В ст. 227 под пиратством понимается *«нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения»*. В качестве квалифицирующих признаков определены: применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия; организованная группа либо последствия в виде смерти человека по неосторожности или иные тяжкие последствия. Российское законодательство существенно расходится с понятием пиратства, которое определено нормами международного права. В частности, дефиниция пиратства по ст. 227 УК РФ не содержит указания места совершения преступления, следовательно, пиратство может быть совершено в любом месте морской среды; сужает объект нападения до водного транспорта, исключая воздушные суда; не определяет средство нападения, следовательно, не определяется важный составной элемент пиратства – вовлеченность двух судов; целью нападения устанавливает завладение только имуществом.

Анализ уголовного законодательства отдельных государств по криминализации пиратства позволил сформулировать следующие выводы.

Во-первых, криминализация пиратства в законодательстве большинства государств осуществляется в рамках уголовных кодексов, в отдельных государствах в иных нормативных правовых актах, например в Кении (Законе о торговом судоходстве), Мадагаскаре (Морском кодексе), Марокко (Дисциплинарный и уголовный кодекс торгового флота), Японии (Закон о мерах по борьбе с пиратством), Бельгии (Кодекс мореплавания) и др. [1]. Однако ввиду повышенной уязвимости перед угрозой пиратства ряд государств инициировал принятие специальных национальных нормативных правовых актов по криминализации данного деяния и установление за его совершение мер наказания более серьезных по сравнению с общим уголовным законом. В числе таких государств, например, можно назвать Индию, Иран. Индия, имплементируя Конвенцию ООН по открытому морю, приняла Закон о борьбе с морским пиратством (Закон № 3 от 2023 г.) [4], предусмотрев за него наказание в виде смертной казни или пожизненного тюремного заключения в случаях, если акт пиратства повлек за собой смерть или попытку ее совершения. В отличие от

Индии, Иран не ратифицировал Конвенцию 1982 г., но подписал ее, тем самым продемонстрировал желание соблюдать базовые принципы международного морского права. Иран является активным участником Военно-морского симпозиума в Индийском океане (IONS), в состав которого входят 24 государства-члена. Ввиду роста числа пиратских нападений в Персидском заливе в Иране на законодательном уровне рассматривается инициатива о принятии отдельного нормативного правового акта, направленного на борьбу с данным явлением, который предусматривает закрепление положения о неприменении срока давности к пиратству и создание специализированного морского суда.

Во-вторых, в отличие от международно-правового подхода, национальное законодательство большинства государств не включает пространственный критерий в качестве обязательного признака состава пиратства. Это приводит к тому, что деяния, совершаемые во внутренних и территориальных водах, квалифицируются также как пиратство. Лишь законодательство отдельных государств содержит определение пиратства, которое соответствует основным составным элементам, предусмотренным ст. 101 Конвенции 1982 г. Так, например, в ст. 289 Уголовного кодекса Молдовы от 18.04.2002 № 985-XV под пиратством понимается *«ограбление, совершенное в личных целях экипажем или пассажирами судна в отношении лиц или имущества, находящихся на борту этого судна, либо в отношении другого судна, если суда находятся в открытом море или другом месте, находящемся вне юрисдикции какого-либо государства»*. В соответствии со ст. 317 Уголовного кодекса Армении от 27.05.2021 пиратством является *«захват пассажиром или экипажем частного морского или воздушного судна другого морского или воздушного судна в открытом море или нейтральном воздушном пространстве либо в месте вне юрисдикции государства, насилие в отношении пассажиров или экипажа захваченного морского или воздушного судна – или ограбление или разграбление имущества этих лиц»*.

Следует также подчеркнуть, что лишь в уголовном законодательстве некоторых государств проведена дифференциация составов преступлений «пиратство» и «вооруженный разбой на море» в зависимости от места их совершения (например, Латвия, Кения, Антигуа и Барбуда и др.). Данная криминализация осуществляется в соответствии с критериями, установленными Кодексом практики Международной морской организацией (ИМО) по расследованию преступлений, связанных с пиратством и вооруженным разбоем против судов [1]. Большинство же государств в своих законах не криминализуют вооруженный разбой на море и не устанавливают за него наказание. В законодательстве отдельных государств, в частности в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ (ст. 219-1), вместо термина «пиратство» используется термин «морской разбой», хотя его дефиниция по своему содержанию идентична понятию пиратства, закрепленному в уголовном законодательстве большинства стран.

В-третьих, в уголовных кодексах пиратство традиционно относят к группе преступлений против общественной безопасности, в то же время в Уголовном кодексе Украины от 05.04.2001 № 2341-III пиратство относится к группе международных преступлений (ст. 446), однако дефиниция пиратства идентична трактовкам, принятым в законодательстве большинства иностранных государств.

В-четвертых, согласно нормам международного права в отношении пиратства действует принцип универсальной уголовной юрисдикции, что означает, что за пиратство к уголовной ответственности может привлечь любое государство, даже если это государство не имеет прямого отношения к пиратам, их жертвам или месту преступления. Препятствием к привлечению пиратов к ответственности нередко является отсутствие в государствах их гражданства соответствующих условий для судебного преследования, универсальной юрисдикции в отношении пиратства в уголовном законодательстве многих государств [5, с. 200]. В уголовном законодательстве ряда государств находит свое отражение принцип универсальной юрисдикции в отношении пиратства. Свидетельством данного подхода

служит ст. 12.3 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ, которая устанавливает: *«Граждане Азербайджанской Республики, иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие... морское пиратство ... подлежат уголовной ответственности и наказанию по настоящему Кодексу, независимо от места совершения преступлений»*. В большинстве государств, включая Россию, действует общий принцип универсальной юрисдикции в отношении преступлений международного характера. В Российской Федерации его реализация регламентирована ч. 3 ст. 12 УК РФ, которая устанавливает, что иностранные граждане, лица без гражданства подлежат ответственности по УК РФ за преступления, совершенные вне ее пределов, если это предусмотрено международным договором или иным международным документом, обязательства по которому признаются Россией.

В-пятых, в законодательстве большинства государств пиратство квалифицируется как тяжкое или особо тяжкое преступление. Санкции за его совершение варьируются в широком диапазоне – от штрафа (Алжир, Кот-д’Ивуар, Нигер, Нигерия, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские Острова, Сенегал, Сомали и Южная Африка) до лишения свободы (как правило, от 2 до 30 лет), в исключительных случаях максимальные меры уголовной ответственности – пожизненное заключение (Соединенные Штаты, Филиппины и Объединенная Республика Танзания, Вьетнам, Индия, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Сингапур, Япония и Государство Палестина) или смертная казнь (Ботсвана, Конго, Эритрея и Эфиопия, Индия, Корейская Народно-Демократическая Республика, Сингапур и Филиппины) [1].

В-шестых, национальная судебная практика по статье пиратство немногочисленна. Так, только 6 из 46 стран, входящих в азиатский регион, выносили решения, основной предмет которых связан с морским пиратством. Это Китай, Индия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Шри-Ланка. Наиболее значительный правовой массив, основанный на судебной практике, существует в одном государстве – на Филиппинах. В африканских странах судебная практика по пиратству имеется в Кении, Объединенной Республике Танзания, Сейшельских Островах и Маврикии. В целом по африканскому региону было зарегистрировано 44 решения, касавшихся актов морского пиратства или вооруженного разбоя на море. Из этих решений 26 относятся к случаям пиратства на море, а в 18 просто упоминается пиратство, которое не являлось их основным предметом [1]. Судебная практика в России также немногочисленна по данной статье, известным судебным разбирательством стало рассмотрение и принятие Архангельским областным судом судебного решения по делу о захвате в июле 2009 г. сухогруза «Арктик Си» [6].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на общую тенденцию к криминализации пиратства в национальных уголовных кодексах, содержание соответствующих диспозиций характеризуется расхождениями с определением, закрепленным в ст. 101 Конвенции 1982 г. В большинстве национальных уголовно-правовых систем криминализация пиратства осуществляется без установления обязательного признака, касающегося места совершения деяния. В отличие от международно-правового подхода, национальное законодательство, как правило, не требует, чтобы деяние было совершено в открытом море или ином пространстве, находящемся вне юрисдикции какого-либо государства. Ключевым признаком состава преступления при этом признается его объективная сторона, выраженная в форме нападения на морское или речное судно, а также на лиц, находящихся на его борту, и имущество. В морских пространствах, находящихся под суверенитетом или юрисдикцией государства (внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона), нападения на суда квалифицируются не как пиратство, а как вооруженный разбой на море. При этом данные деяния также признаются преступными, однако их правовая оценка осуществляется в рамках национального законодательства прибрежного государства. Тенденция на разделение

этих двух преступлений и самостоятельная квалификация получила как нормативное, так и доктринальное признание. Нормативное разграничение указанных морских преступлений нашло свое закрепление в Кодексе практики по расследованию преступлений, связанных с пиратством и вооруженным разбоем против судов, принятом ИМО [7]. Данный документ проводит разграничение между указанными деяниями на основе пространственного критерия: пиратство определяется исключительно в рамках ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и совершается в открытом море, вооруженный разбой против судов (armed robbery against ships) квалифицируется как деяние, совершаемое во внутренних водах или территориальном море государства. На доктринальном уровне такой подход был поддержан еще в 2000 г. авторитетным отечественным специалистом в области международного морского права Ю. С. Ромашевым. Автор квалифицировал действия пиратов в зависимости от места их совершения, если они совершались в пределах юрисдикции прибрежного государства, то он их квалифицировал как «акты вооруженного грабежа против судна», если они совершались «в открытом море или за пределами юрисдикции какого-либо государства», то рассматривал их как «пиратство» [8, с. 91].

Статистика Международной морской организации, Международного морского бюро, Международной торговой палаты, региональных центров по борьбе с пиратством свидетельствует о том, что большая часть нападений на морские суда (свыше 75 %), регистрируемых как пиратские, происходит не в открытом море и не в иных местах, находящихся вне чьей бы то ни было юрисдикции, а в территориальном море, внутренних морских водах, проливах, в акваториях портов, на подходах к ним, в устьях рек и вблизи островов [2, с. 216]. Статистические данные и анализ правоприменительной практики свидетельствуют о смене парадигмы: на смену классическому пиратству, совершаемому в открытом море, приходит вооруженный разбой на море, имеющий место в зонах юрисдикции прибрежных государств. В этих условиях формирование унифицированного подхода к пониманию и квалификации данных деяний выступает ключевой предпосылкой для эффективного международного сотрудничества в сфере противодействия им.

Выявленные расхождения в терминологическом определении морского пиратства в национальном уголовном праве большинства государств и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. обусловили объективную потребность в изучении данной проблематики. В связи с этим было признано целесообразным включить тему «Предупреждение и пресечение пиратства и вооруженного разбоя на море» в долгосрочную программу деятельности Комиссии международного права при ООН. Для того чтобы включить тему в долгосрочную программу работы КМП, необходимо доказать, что тема соответствует определенным критериям: а) отражает потребности государств в отношении прогрессивного развития и кодификации международного права; б) достаточная практико-ориентированность темы для возможного прогрессивного развития и кодификации; в) конкретность и реализуемость с точки зрения прогрессивного развития и кодификации и г) показатель преемственности и новационности в области международного права и насущные интересы международного сообщества в целом. Большинство государств поддержало позицию о соответствии темы указанным критериям. Ключевыми вопросами, определенными Комиссией международного права (КМП) в рамках данной темы, можно назвать: предупреждение пиратства на море посредством установления требований о сотрудничестве; пресечение пиратства через требование о наличии унифицированных законов и нормативно-правовых положений, а также прояснение содержания универсальной уголовной юрисдикции; принятие и гармонизация национальных уголовных законов; и, наконец, прояснение правовой взаимосвязи между морским пиратством и вооруженным разбоем на море.

Комиссия по международному праву начала работу над данной темой в 2022 г.; в 2023 г. был рассмотрен первый доклад специального докладчика господина Якубу Сиссе (A/CN.4/758), в котором изучались исторические, социально-экономические и правовые аспекты темы, в том числе приводился анализ международного права, применимого

к пиратству и вооруженному разбою на море, и его недостатков. В этом докладе специальный докладчик провел обзор национального законодательства и судебной практики государств, касающихся определения пиратства и осуществления договорного и обычного международного права. В 2024 г. КМП заслушала второй доклад специального докладчика, в котором было продолжено рассмотрение исследуемых вопросов, а также была отмечена полезность анализа других вопросов права, в частности об использовании новых технологий, включая беспилотные летательные аппараты, морские автономные суда и кибератаки, др. [9]. Работа по исследованию темы продолжается, ее итогом может быть разработка одного из двух видов документов: либо проекта статей, который послужит основой для заключения будущей конвенции, либо свода руководящих принципов, разъясняющего государствам порядок выполнения их текущих международно-правовых обязательств и уточняющего содержание отдельных положений. В настоящее время осуществляется согласование с государствами-членами разработанных поправок к положениям Конвенции 1982 г., касающихся уточнения понятийного аппарата в отношении пиратства и вооруженного разбоя на море, конкретизации обязательств по сотрудничеству в их предупреждении и пресечении, а также иных смежных вопросов. В частности, Комиссия международного права (КМП) предложила государствам на обсуждение проект статьи, содержащий дефиницию вооруженного разбоя на море, под которым понимаются любые из следующих актов:

а) любой неправомерный акт насилия или задержания или любой акт грабежа или его угроза, иной, чем акт пиратства, совершаемый с личными целями и направленный против судна или против лиц или имущества на борту такого судна во внутренних водах, архипелажных водах или территориальном море государства;

б) любой акт, являющийся подстрекательством или сознательным содействием совершению акта, предусмотренного в подпункте «а» [10].

Ключевым отличием вооруженного разбоя на море от пиратства определено место его совершения, в частности во внутренних водах, архипелажных водах или в территориальном море, то есть в морских пространствах в пределах юрисдикции прибрежного государства.

В последнее время в научной среде обсуждается еще одно морское преступление – это морской терроризм. Связано это с тем, что пиратство совершается исключительно в личных целях преступников для их обогащения, а морской терроризм совершается путем запугивания властей с целью выполнения своих, как правило, политических требований [11]. Морской терроризм – это форма политического насилия, которая реализует стратегию, предназначенную для дестабилизации процесса обеспечения морской транспортной безопасности во имя достижения целей [12]. По мнению М. Ю. Зеленкова, морской терроризм несет угрозу для судов, портов, портовых сооружений, пассажирских терминалов, национальных и международных водных путей, включая их шлюзы и подходы; международных проливов и многонациональных рек; средствам навигации; береговым и прибрежным причалам; движению людей и мультимодальным транспортным средствам; перевозкам на гидросамолетах и, наконец, мобильным морским буровым установкам [12]. В настоящее время криминализация данного деяния на национальном уровне отсутствует.

Проведенное исследование позволяет заключить, что, несмотря на общую тенденцию к криминализации преступлений на море, в международном и национальном праве сохраняется значительная терминологическая и правовая неопределенность. Ключевым фактором, размывающим классические представления о пиратстве, выступает пространственный критерий. Современная правоприменительная практика сталкивается с тем, что большинство нападений совершается в морских пространствах, находящихся под юрисдикцией государств, что, согласно международному праву, квалифицируется не как пиратство, а как вооруженный разбой. Кроме того, трансформация целей преступной деятельности, выражающаяся в переходе от корыстной мотивации к политической (морской терроризм), требует отдельного доктринального осмысления и нормативного закрепления. Существующие расхождения в дефинициях и подходах к квалификации данных де-

яний создают пробелы в правовом регулировании и существенно затрудняют международное сотрудничество в борьбе с этими угрозами. В связи с этим особую актуальность приобретает деятельность Комиссии международного права ООН по кодификации норм в данной сфере. Итогом этой работы должна стать имплементация унифицированных понятий и механизмов в национальное законодательство государств, что позволит сформировать целостную и эффективную глобальную систему противодействия всем формам преступной активности на море. Таким образом, гармонизация правовых подходов является не просто научной задачей, а насущной практической потребностью для обеспечения безопасности международного судоходства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сиссе Я. Первый доклад о предупреждении и пресечении пиратства и вооруженного разбоя на море. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/758> (дата обращения: 22.06.2026).
2. Сидорченко В. Ф. Морские пираты: от Средневековья к современности. СПб., 2016. 264 с.
3. Статус Конвенции ООН по морскому праву на 27.06.2026. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=treaty&mtdsg_no=xxi-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en (дата обращения: 27.06.2026).
4. India Code – The Maritime Anti-Piracy Act, 2022 (Act No. 3 of 2023). URL: https://www.india-code.nic.in/handle/123456789/19621?view_type=browse (дата обращения: 20.06.2026).
5. Остроумов А. А. Рецензия на монографию Ю. С. Ромашева «Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика)» // Московский журнал международного права. 2013. № 4. С. 197–201.
6. Пираты, захватившие сухогруз «Арктик Си», получили от 7 до 12 лет строгого режима. URL: <https://pravo.ru/news/view/50821/> (дата обращения: 20.06.2026).
7. Кодекс практики по расследованию преступлений, связанных с пиратством и вооруженным ограблением судов. URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1025\(26\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1025(26).pdf) (дата обращения: 15.06.2026).
8. Ромашев Ю. С. Проблемы борьбы с пиратством на рубеже веков // Право и политика. 2000. № 4. С. 90–104.
9. Сиссе Я. Второй доклад о предупреждении и пресечении пиратства и вооруженного разбоя на море. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/770> (дата обращения: 22.06.2026).
10. Доклад Комиссии по международному праву, 74-я сессия (24 апреля – 2 июня и 3 июля – 4 августа 2023 г.). Предупреждение и пресечение пиратства и вооруженного разбоя на море. Заголовки и тексты проектов статей 1–3, принятые в предварительном порядке Редакционным комитетом. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4025193?v=pdf> (дата обращения: 22.06.2026).
11. Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. Современный морской терроризм (пиратство) и безопасность общества. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=382&l=&jn=94 (дата обращения: 21.06.2026).
12. Зеленков М. Ю. Современный морской терроризм как угроза транспортной безопасности России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : материалы XVIII Междунар. науч. конф. в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения» / отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. Ч. 2. С. 143–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-morskoy-terrorizm-kak-ugroza-transportnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 22.06.2026).

REFERENCES

1. *Pervyi doklad o preduprezhdenii i presechenii piratstva i vooruzhennogo razboya na more* [The first report on the prevention and suppression of piracy and armed robbery at sea]. Available at: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/758> (accessed June 22, 2026).
2. Sidorchenko V.F. *Morskie piraty: ot Srednevekov'ya k sovremennosti* [Sea pirates: from the Middle Ages to the present]. Saint Petersburg, 2016. 264 p.

3. *Status Konventsii OON po morskому pravu na 27.06.2026* [United Nations Convention on the Law of the Sea]. Available at: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=treaty&mtmsg_no=xxi-6&chapter=21&Temp=mtmsg3&clang=_en (accessed June 27, 2026).
4. *India Code – The Maritime Anti-Piracy Act, 2022 (Act No. 3 of 2023)*. Available at: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/19621?view_type=browse (accessed June 20, 2026).
5. Ostroumov A.A. Review of Yu.S. Romashev's monograph "Combating piracy and armed robbery at sea (legal foundations and practice)". *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2013, no. 4, pp. 197–201. (In Russ.).
6. *Piraty, zakhvativshie sukhogruz "Arktik Si", poluchili ot 7 do 12 let strogogo rezhima* [The pirates who seized the Arctic Sea cargo ship received from 7 to 12 years of strict regime]. Available at: <https://pravo.ru/news/view/50821/> (accessed June 20, 2026).
7. *Kodeks praktiki po rassledovaniyu prestuplenii, svyazannykh s piratstvom i vooruzhennym ogrableniem sudov* [Code of practice for the investigation of crimes of piracy and armed robbery against ships]. Available at: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1025\(26\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1025(26).pdf) (accessed June 15, 2026).
8. Romashev Yu.S. Problems of combating piracy at the turn of the century. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2000, no. 4, pp. 90–104. (In Russ.).
9. *Vtoroi doklad o preduprezhdenii i presechenii piratstva i vooruzhennogo razboya na more* [The second report on the prevention and suppression of piracy and armed robbery at sea]. Available at: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/770> (accessed June 22, 2026).
10. *Doklad Komissii po mezhdunarodnomu pravu, 74-ya sessiya (24 aprelya – 2 iyunya i 3 iyulya – 4 avgusta 2023 g.) Preduprezhdenie i presechenie piratstva i vooruzhennogo razboya na more. Zagolovki i teksty proektov statei 1–3, prinyatie v predvaritel'nom poryadke Redaktsionnym komitetom* [Report of the International Law Commission, 74th session (24 April–2 June and 3 July–4 August 2023)]. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/4025193?v=pdf> (accessed June 22, 2026).
11. Grigor'ev N.Yu., Rodyukov E.B. *Sovremennyi morskoi terrorizm (piratstvo) i bezopasnost' obshchestva* [Modern sea terrorism (piracy) and public safety]. Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=382&l=&jn=94 (accessed June 21, 2026).
12. Zelenkov M.Yu. Modern maritime terrorism as a threat to Russia's transport security. In: Gerasimov V.I. (Ed.). *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf. v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma "Rossiya: klyuchevye problemy i resheniya". Ch. 2* [Great Eurasia: development, security, cooperation: proceedings of the XVIII International scientific conference within the framework of the Public scientific forum "Russia: key problems and solutions". Part 2]. Moscow, 2019. Pp. 143–147. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-morskoy-terrorizm-kak-ugroza-transportnoy-bezopasnosti-rossii> (In Russ.). (Accessed June 22, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА БУЛГАКОВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, irina-v-bulgakova@yandex.ru

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

IRINA V. BULGAKOVA – Candidate of Sciences (Philology), associate professor at the Department of Russian and Foreign Languages of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, irina-v-bulgakova@yandex.ru

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Public Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Статья поступила 25.06.2026